

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

О Н С

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

6

2022

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

6

2022

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громько Ал. А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р.

(Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. профессор Свободного университета Берлина (Libman) (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Синекокая Ю. В. член-корр. РАН, д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2022

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2022

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-21 ООО «Тематическая редакция»

Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082

Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS,
Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS
(Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)
Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)
Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)
Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)
Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)
Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics
Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)
Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)
Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)
Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)
Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)
Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2022

Publisher: Russian Academy of Sciences

Executor under the contract № 4Y-9A-131-21 "Thematic editorial office", Ltd
Rubtsovskaya nab., 3-1, office 1314, Moscow, 105082

Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia.

Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru. Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

- Бубнова Н.И.** Тотальные санкции Запада против России в контексте «интегрированного сдерживания» 7
- Кувшинов Д.Л., Морозов А.С.** «Незаменимый союзник»: польско-британское военно-политическое партнерство как элемент «Глобальной Британии» 23
- Макаревич Г.Г.** Конституционно-политический кризис в Пакистане: теория и практика 35

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Шестопад Е.Б., Рогач Н.Н.** Образы настоящего и будущего России в политическом сознании её граждан 45

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

- Щедров И.Ю.** Умные города в Индии: на пути от теории к практике 62
- Бардин А.Л.** Виртуализация городского пространства: социально-политические перспективы и риски 75
- Поросенков Г.А., Резников И.А., Зюбанов К.А., Тухватуллин Т.А.** Проблемы института независимой антикоррупционной экспертизы и перспективы автоматизации 89

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Володин А.Г.** Индия как «государство-цивилизация» 106
- Родькин П.Е.** «Культура разрыва» и общество потребления в контексте ухода «Макдональдс» из России 125

CONTENTS

GLOBAL POLITICS

- Bubnova N.** Total Sanctions of the West Against Russia in the Context of “Integrated Deterrence” 7
- Kuvshinov D., Morozov A.** ‘The Indispensable Ally’: UK-Poland Political-Military Partnership as Part of Global Britain 23
- Makarevich G.** Constitutional and Political Crisis in Pakistan: Theory and Practice 35

SOCIOLOGICAL STUDIES

- Shestopal E., Rogach N.** Images of the Present and the Future of Russia in the Political Mentality of its Citizens 45

CHALLENGES OF DIGITALIZATION

- Shchedrov I.** Smart Cities in India: Converting Theory to Practice 62
- Bardin A.** Virtualization of Urban Space: Socio-Political Perspectives and Risks 75
- Porosenkov G., Reznikov I., Zyubanov K., Tukhvatullin T.** Problems of the Institute of Independent Anti-Corruption Expertise and Prospects for Automation 89

POINT OF VIEW

- Volodin A.** India as a Civilizational State 106
- Rodkin P.** Delinking Culture and Consumer Society in the Context of McDonald’s Departure from Russia 125

DOI: 10.31857/S0869049922060016
EDN: FBNEDO

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА GLOBAL POLITICS

Оригинальная статья / Original article

Тотальные санкции Запада против России в контексте «интегрированного сдерживания»¹

© Н.И. БУБНОВА

Бубнова Наталья Игоревна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), nataliaibubnova@gmail.com. ORCID: 0000-0002-1434-4133

Беспрецедентные по масштабу санкции со стороны США и других западных стран после начала специальной военной операции России на Украине стали, наряду с поставками вооружений, основным способом противодействия российской политике. Вводились ограничения, которые не только направлены против российского государства и его военного потенциала, но и затрагивают широкие слои населения. Охватывается период с февраля по конец 2022 г. Исследованы санкции против отраслей, которые имеют отношение к военно-политической области: финансовый сектор, нефтегазовый комплекс, металлургия, транспорт, оборонная отрасль, сотрудничество в космосе. Особое внимание уделено так называемым «вторичным» санкциям, имеющим цель перекрыть «обходные пути» и не дать России организовать сбыт санкционной продукции, проводить финансовые транзакции, получать товары и технологии. Анализируется позиция различных стран в данной области. Рассмотрены оценки воздействия санкций как на российскую экономику и политику, так и на экономику введших их стран, а также на глобальный рынок и международные отношения в целом. Сделан вывод о долгосрочном влиянии санкций на переформатирование мировой системы.

Ключевые слова: санкции, политика США, пакеты санкций ЕС, российская экономика, поставки энергоресурсов, нефтяное эмбарго, «параллельный импорт», «вторичные» санкции, оборонная промышленность, дефолт

Цитирование: Бубнова Н.И. (2022) Тотальные санкции Запада против России в контексте «интегрированного сдерживания» // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 7–22. DOI: 10.31857/S0869049922060016, EDN: FBNEDO

---

¹ Основано на исследовании Н.И. Бубновой «Тотальные санкции в военно-политическом ракурсе: санкционная реакция США и других западных стран на российскую специальную военную операцию на Украине (2022 г.)» (готовится к публикации).

Total Sanctions of the West Against Russia in the Context of “Integrated Deterrence”

© N. BUBNOVA

Natalia I. Bubnova, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), nataliaibubnova@gmail.com. ORCID: 0000-0002-1434-4133

Abstract. The sanctions introduced by the United States and other Western countries after the beginning of Russia’s special military operation in Ukraine were intended, along with the military assistance to Ukraine, as the major instrument in countering Russia’s actions. These measures were aimed not only against the Russian state and its military potential and encompassed not only targeted individual and sectoral sanctions, but affected the population at large. The article covers the period from February till the end of 2022 and is focused on the industries most closely related to this country’s military-political stance: the finance sector, the oil and gas exports, the metallurgy, transportation, defense production, and high tech. Special attention is given to “secondary” sanctions which had the goal to prevent Russia from bypassing restrictions and creating alternative schemes to sell its sanctioned goods, accomplish financial transactions and receive the parts and technologies it needed. Various viewpoints on the consequences of the sanctions for the Russian economy and policy are described, as well as for the European and global market and international relations at large.

Keywords: sanctions, US policies, EU sanctions, Russia’s economy, energy supplies, oil embargo, “parallel import”, “secondary” sanctions, defense industry, default

Citation: Bubnova N. (2022) Total Sanctions of the West Against Russia in the Context of “Integrated Deterrence”. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no. 6, pp. 7–22. DOI: 10.31857/S0869049922060016, EDN: FBNEDO

Начатая в феврале 2022 г. специальная военная операция России на Украине вызвала активное противодействие со стороны США, европейских стран и десятков других государств. По выражению исполнительного директора Центра новой американской безопасности Р. Фонтейна, «Соединенные Штаты были вовлечены в войну практически каждым из возможных способов, кроме прямых боевых действий против [России]»². Они оказывают экономическое давление, обеспечивают военно-техническую помощь Киеву, предоставляют ему доступ к данным западной разведки, а также пытаются добиться желаемых результатов через дипломатические, межгосударственные и неофициальные каналы. Подобные шаги соответствуют линии на противодействие России в рамках концепции «интегрированного сдерживания», которую администрация Дж. Байдена закрепила в новой американской «Стратегии национальной безопасности»³ (октябрь 2022 г.). Доктрина обосновала применение в противостоянии с державами-конкурентами всех инструментов в их непосредственной взаимосвязи: военных (не переходя порог к вооруженному конфликту), политических, экономических, информационных – а также интеграцию уси-

² Chalfant Morgan, Kelly Laura, Lillis Mike. Intel leaks show US success in Ukraine – but come with risks. *The Hill*. 7 May 2022. (<https://thehill.com/news/administration/3480041-intel-leaks-show-us-success-in-ukraine-but-come-with-risks/>).

³ National Security Strategy. October 2022. The White House. Washington. 48 p. P. 22.

лий с союзниками и партнерами США, которая рассматривается как реальное американское асимметричное преимущество⁴.

Одновременно в Вашингтоне целенаправленно отказывались от прямого военного вмешательства в события на Украине, делая упор на предупреждении регионального или глобального вооруженного конфликта, а также подчеркивая необходимость предотвращать эскалацию конфронтации до стадии применения ядерного оружия. Санкции, наряду с поставками вооружений Украине, стали основным инструментом американской политики в частности и западной стратегии в целом в отношении действий России на Украине.

Рассмотрены санкции и другие антироссийские меры западных государств и корпораций в отраслях экономики, развитие которых влияет на отечественный ВПК. Ограничения в таких секторах, как производство товаров народного потребления, общественное питание, фармацевтика, строительство, деревообработка и социально-культурная сфера либо остаются за рамками анализа, либо затронуты лишь косвенно. Соответственно, проблема поставок зерна не рассматривается, хотя ее и продолжают обсуждать в свете военно-политических вопросов и действий в области национальной безопасности.

Введение санкций

Против России ввели беспрецедентное количество санкций: по некоторым подсчетам, общее количество мер превысило одиннадцать тысяч, а санкционная политика породила своего рода «ренессанс некооперативности» [Афонцев 2019]⁵. Соединенные Штаты отменили статус наибольшего благоприятствования в торговле с Россией, повысили пошлины для целого ряда российских товаров (металлургическая продукция, удобрения и др.). Государства-члены ЕС также отказали России в режиме наибольшего благоприятствования и приняли по отношению к ней различные ограничения. Особенную активность по введению санкций, помимо США, проявляли страны Балтии, Великобритания и Польша. Несмотря на то что Беларусь не принимает участие в специальной военной операции, ее тоже рассматривали как сторону конфликта и ввели против нее ограничительные меры, поскольку с территории страны выдвигались российские войска и военная техника.

Параллельно применялись как персональные санкции в отношении российского правительства и элит, так и секторальные ограничения против связанных с обороной отраслей промышленности РФ и других секторов российской экономики, с последствиями которых сталкивалось и население в целом. Блокирующие меры были направлены как против физических, так и против юридических лиц. Секторальные санкции подразумевали специфические запреты в отношении конкретных отраслей индустрии. Однако в соответствии с президентским Исполнительным указом 14024 Дж. Байдена (2021 г.) вводились и так называемые «гибридные» меры (сочетание персональных ограничений с секторальными) против физических и юридических лиц, которые работали с компаниями из подсанкционных отраслей российской промышленности.

ЕС, Великобритания, Япония, а потом и США ввели ограничения против представителей руководства России, которые затем неоднократно расширялись, охватывая их заместителей, родственников и ближний круг, патриарха РПЦ, депутатов Государственной думы и самой Думы как учреждения, а также владельцев, глав и топ-менеджеров ведущих россий-

⁴ Переключаясь по названию с «ядерным сдерживанием», новая концепция дополняет его, включая элемент «интегрированного сдерживания» как основополагающий. См.: National Security Strategy 2022. P. 21.

⁵ В Госдуме раскрыли, когда санкции ЕС в полной мере ударят по России. ОЧН. 11 октября 2022. (<https://www.osnmedia.ru/ekonomika/v-gosdume-raskryli-kogda-sanktsii-es-v-polnoj-mere-udaryat-po-rossii/>).

ских корпораций, руководителей российских банков. Были анонсированы санкции против назначенных глав в местных органах власти ЛНР, ДНР, в Херсонской и Запорожской областях. Россия вводила ответные меры, и 3 мая вышел Указ Президента РФ № 252 о запрете сделок, расчетов и торговли с лицами, находящимися под санкциями РФ.

Государственные санкции «сверху» вводились Западом параллельно с массовым исходом из России международных компаний. Свернули или приостановили свою деятельность более 1,4 тыс. фирм – преимущественно европейских, но также японских, тайваньских, южнокорейских, австралийских и др. (800 из них сообщили, что закрыли свой бизнес в России)⁶. Уход с российского рынка международных корпораций и их пенитенциарные меры имели последствия для отечественной экономики, которые, возможно, были сопоставимы с эффектом собственно санкций. Ситуацию усугублял отток капиталов и массовый отъезд из России зарубежных и высококвалифицированных российских специалистов, значительный рост эмиграции в целом, который произошел сразу после начала специальной военной операции и усилился после объявления частичной мобилизации. Первоначально санкции преследовали задачу повлиять на «поведение» России, добиться прекращения ею специальной военной операции на Украине. Показательно, например, что именно такая цель санкций⁷ была указана при создании (по инициативе украинского президента В. Зеленского) международной экспертной группы Ермака-Макфола⁸, которую организовали специально для разработки рекомендаций по введению санкций. Однако, как представляется, в дальнейшем цели США и западных стран трансформировались в сторону нанесения максимального ущерба российской экономике, ослабления и изоляции России, чтобы лишить ее в будущем финансовой, производственной и военно-технической базы для военных действий за пределами страны. В принятой в октябре американской «Стратегии национальной безопасности» говорилось, что введение санкций и экспортных ограничений призвано «привести к деградации способности России вести в будущем агрессивные войны»⁹.

Санкционные меры не укладывались в русло традиционных международных взаимоотношений, не вписывались в категорию дипломатических акций. По сути, они принадлежали к арсеналу политики силового воздействия. Президент РФ В. Путин сравнил введенные против России ограничения с «объявлением войны»¹⁰. Председатель Правительства РФ М. Мишустин, в свою очередь, сказал, что санкции представляют собой тотальную экономическую войну¹¹.

США, европейские страны (при всех возникавших между ними противоречиях) и другие государства мира проявили высокий уровень солидарности в вопросе антироссийских санкций. К ним присоединились 65 из 193 государств-членов ООН. Линия Японии, которая также ввела ограничения наряду с Южной Кореей, Сингапуром и Тайванем,

⁶ Впервые список компаний, ушедших с российского рынка после начала специальной военной операции на Украине, опубликовал Йельский университет. Перечень регулярно обновляется. См.: Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain. Chief Executive Leadership Institute. Yale School of Management. 14 August 2022. (<https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain>).

⁷ См. The International Working Group on Russian Sanctions. Stanford University. Freeman Spogli Institute for International Studies. 2022. (<https://fsi.stanford.edu/working-group-sanctions>).

⁸ А. Ермак – руководитель Офиса президента Украины. М. Макфол – профессор Стэнфордского университета, директор Института международных исследований им. Фримена Сполги, с 2012 по 2014 гг. посол США в России.

⁹ National Security Strategy 2022. P. 39.

¹⁰ Путин: Санкции против России сродни объявлению войны. RG.RU. 05.03.2022. (<https://rg.ru/2022/03/05/putin-sankcii-protiv-rossii-srodni-obiavleniiu-vojny.html>).

¹¹ Российско-белорусские переговоры. Новости – Правительство России. 03.10.2022. (<http://government.ru/news/46690/>).

отличалась особой жесткостью по сравнению с мерами, которые Токио предпринял после крымских событий. Тогда премьер-министр С. Абэ, несмотря на введенные санкции, продолжал курс на развитие отношений с Россией.

Принимая антироссийские меры, многие зарубежные государства и компании продемонстрировали готовность поступать вопреки своим коммерческим интересам, соответствуя тому «набору ценностей», соблюдения которого от них ожидали как государства-лидеры западного мира, так и общественные круги самих этих стран. Согласно независимым исследованиям [Sonnenfeld, Tian, Zaslavsky, Bhansali, Vakil 2022], зарубежные компании понесли определенные убытки, сворачивая бизнес в России, однако в значительной мере компенсировали потери за счет роста цен на свои акции вследствие широкой общественной поддержки их действий.

Однако со временем в вопросе санкций начали проявляться расхождения среди западных стран: более месяца шло согласование шестого пакета санкций ЕС. В результате документ приняли в гораздо более смягченном варианте (неполное эмбарго нефти, которое распространилось на танкерные перевозки; отсутствие упоминаний о курсе на постепенный отказ от российского газа; отключение от системы SWIFT еще нескольких, но не всех, банков – в частности, за рамками санкций остался «Газпромбанк»). По итогам трудных переговоров канцлер Германии О. Шольц в конце августа 2022 г. даже высказал предложение, чтобы решения в ЕС принимали не консенсусом, а большинством голосов¹².

В западном мире сформировались два «лагеря». Первый, во главе с США и Великобританией¹³, включает в себя Польшу, страны Балтии и некоторые другие государства Восточной Европы, которые поддерживают наращивание военных поставок и ужесточение санкций. Во второй вошли Германия, Франция, Италия и Венгрия – страны, которые с настороженностью отнеслись к перспективе затяжного конфликта и выступают за поиск путей его урегулирования (правда, со временем позиция французского президента Э. Макрона сместилась в сторону более жесткой). Страны, которые наиболее зависели от поставок российской нефти, стремились избежать ухудшения отношений с Россией.

В то же время санкционная политика отражала фундаментальное противоречие американского курса: внутри страны существует установка на демократию и ее продвижение за рубежом, в том время как на международной арене Вашингтон стремится к гегемонии и оказывает давление на другие страны – в данном случае в пользу санкций.

Санкции и российская экономика

К полной блокаде российской экономики и быстрому ее коллапсу санкции, однако, не привели. В октябре Банк России улучшил прогноз годового падения ВВП РФ до 3,0–3,5%¹⁴. Отечественная экономика оказалась более устойчивой, чем предсказывали западные политики и эксперты [Sonnenfeld, Tian 2022]. Избежать крупного падения помогли накопленные запасы Федерального резервного фонда РФ (хотя половина из них, наряду с частными активами, была заморожена Западом), взлетевшие цены на энергоносители (пока их еще продавали в Европу, пусть и в меньших объемах), а также экстренные меры финансо-

¹² Шольц призвал Евросоюз отказаться от принципа единогласия. Известия. 29 августа 2022. (<https://iz.ru/1387024/2022-08-29/sholtc-prizval-evrosoiuz-otkazatsia-ot-printcipa-edinoglasiaia>).

¹³ UK Sanctions relating to Russia. Gov.UK. Published 15 April 2019. Last updated 4 November 2022. Amendments No. 1–16. (<https://www.gov.uk/government/collections/uk-sanctions-on-russia>).

¹⁴ Заявление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров Банка России 28 октября 2022 года. Банк России. (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=14272#highlight=прогноз>).

вых органов РФ по адаптации экономики, смягчению и преодолению последствий санкций¹⁵. Помимо прочего, российские банки сумели значительно заработать на стрессе во втором и третьем квартале. Одновременно был принят закон, который установил возможность по решению суда временно вводить внешнее управление имуществом покинувших Россию компаний, если они производят товары первой необходимости, а для их ухода не было экономических оснований¹⁶. Кроме того, часть таких зарубежных предприятий не сразу прекратили свою деятельность. Некоторые из них продали свой бизнес российским операторам, что в значительной степени сохранило его потенциал для отечественной экономики, даже если последние не располагали технологической и финансовой поддержкой с Запада. Одновременно создавались обходные пути для финансовых и торговых отношений, происходила переориентация внешнеторгового взаимодействия в южном и юго-восточном направлении, выстраивались схемы «альтернативного импорта» (хотя они сопряжены большими потерями и возрастанием цены транзакций).

Санкции, особенно секторальные, имели тяжелые экономические последствия для России, которые особенно усилились в условиях роста федеральных расходов на оборону и безопасность. Первой целью ограничительных мер стал банковский сектор¹⁷, что характерно для американской санкционной политики в XXI в. [Timofeev 2020, 74]. Среди наиболее жестких мер со стороны США можно выделить: заморозку хранящихся за рубежом денежных запасов Федерального резервного фонда РФ (более 300 млрд долл.) и частных активов российских клиентов, связанных с российской политикой на Украине; отключение многих российских банков от системы SWIFT; блокирующие санкции против банков из американского списка SDN¹⁸. Глава Европейской комиссии У. фон дер Ляйен, в свою очередь, сформулировала следующие цели санкционной политики в сфере финансов: не дать российским банкам «действовать в мировом масштабе», «по сути заблокировать российский экспорт и импорт» и «сделать невозможным для [российского] Центрального банка сохранять ликвидность своих активов»¹⁹. ЕС также наложил санкции на Национальный расчетный депозитарий РФ (НРД) – крупнейший депозитарий ценных бумаг в России и единственный в стране с доступом к международной финансовой системе. В США в дальнейшем ввели персональные санкции против бывшего и действующего руководителей НРД Э. Астанина и В. Жидкова.

¹⁵ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 11.05.2022 № 851 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252» Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. 58 с.; Финансовый рынок: новые задачи в современных условиях. Банк России. 2022. 30 с. (https://cbr.ru/Content/Document/File/139354/financial_market_20220804.pdf).

¹⁶ Законопроект № 104796-8. О внешней администрации по управлению организацией. СОЗД. 2022. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/104796-8>).

¹⁷ Directive 4 Under Executive Order 14024 Prohibitions Related to Transactions Involving the Central Bank of the Russian Federation, the National Wealth Fund of the Russian Federation, and the Ministry of Finance of the Russian Federation. Department of the Treasury, Office of Foreign Assets Control. Washington DC. 2022. (https://home.treasury.gov/system/files/126/eo14024_directive_4_02282022.pdf); Executive Order 14066 of March 8, 2022, Prohibiting Certain Imports and New Investments With Respect to Continued Russian Federation Efforts to Undermine the Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine.. Federal Register. Vol. 87, No. 47, March 10, 2022. (<https://www.federalregister.gov/documents/2022/03/10/2022-05232/prohibiting-certain-imports-and-new-investments-with-respect-to-continued-russian-federation-efforts>); Executive Order 14068 of March 11, 2022, on Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment with Respect to Continued Russian Federation Aggression. The White House. 11 March 2022. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/03/11/executive-order-on-prohibiting-certain-imports-exports-and-new-investment-with-respect-to-continued-russian-federation-aggression/>).

¹⁸ Включение в список SDN (Specially Designated Nationals, особо обозначенные лица) предполагает практически полный запрет на любые экономические транзакции с упомянутыми в нем физическими или юридическими лицами.

¹⁹ Swift banking sanctions against Russia agreed. The National. 27.02.2022. (<https://www.thenationalnews.com/world/europe/2022/02/27/swift-banking-sanctions-against-russia-agreed/>).

В седьмой санкционный пакет ЕС вошли запрет на госзакупки со стороны РФ и прием российских депозитов, а также на поставки российского золота. Одновременно санкции на ввоз последнего ввела Великобритания, на которую приходилось 90% его экспорта из России²⁰. В России прекратили свою деятельность международные аудиторские фирмы и ведущие рейтинговые агентства, а для отечественных банков и предприятий были ограничены возможности зарубежного заимствования. Таким образом крупнейшие местные компании оказались отключены от рынков капитала. Указом президента США от 6 апреля американским гражданам запретили любые новые инвестиции в российскую экономику²¹. Выданные российским гражданам международные платежные карты перестали обслуживать за рубежом, а российские карты «Мир» – в большинстве стран. Были заблокированы российские платежи по федеральным займам²², вследствие чего летом произошел дефолт, который в России, однако, признавать отказались, поскольку, со своей стороны, пытались провести платежи в полном объеме и в срок²³. «Дефолт поневоле», впрочем, лишь незначительно отразился на экономическом и финансовом положении России, так как из-за санкций доступ страны к международному рынку инвестиций уже был ограничен.

Становой хребет российской экономики и главный ресурс финансовых поступлений в бюджет страны (40% в 2022 г.²⁴), а также источник энергии для отечественных производств и горюче-смазочных материалов для военной техники – нефтегазовая отрасль – стала приоритетной целью санкций наряду с финансовой. В марте 2022 г. российская нефть ушла с котировок международных бирж. После отказа США, а вслед за ними Великобритании²⁵ от российской нефти и газа, и другие европейские страны поэтапно, но неуклонно начали сворачивать импорт российских энергоресурсов. В рамках принятого ЕС шестого пакета санкций²⁶ государства-члены организации, как уже упоминалось выше, договорились ввести с 5 декабря эмбарго на танкерные перевозки российской нефти, а с 5 февраля 2023 г. – и нефтепродуктов²⁷. Чтобы ограничить российские доходы от продажи нефти, страны Большой семерки приняли решение установить директивный потолок цены на нее. Данный шаг затем зафиксировали и в восьмом пакете санкций ЕС, который также запретил судам перевозить нефть, проданную по цене сверх установленной. Страховым компаниям было

²⁰ Загайнов М. Как эмбарго ЕС и Великобритании на российское золото скажется на экономике и бизнесе. RG.RU. 1 июля 2022. (<https://rg.ru/2022/07/21/probu-stavit-negde.html>).

²¹ Prohibiting New Investment in and Certain Services to the Russian Federation in Response to Continued Russian Federation Aggression. The White House. 6 April 2022. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/04/06/prohibiting-new-investment-in-and-certain-services-to-the-russian-federation-in-response-to-continued-russian-federation-aggression/>).

²² Notice on Russian Harmful Foreign Activities Sanctions General License 9C . US Department of the Treasury. 24 May 2022. (https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20220524_33).

²³ Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2022 № 394 «О временном порядке исполнения перед резидентами и иностранными кредиторами государственных долговых обязательств Российской Федерации, выраженных в государственных ценных бумагах, номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте». Официальный интернет-портал правовой информации. 22 июня 2022. 5 с.

²⁴ Романова Л. Минфин ждет долю доходов бюджета от продажи нефти и газа в 2022 году выше 40%. Ведомости. 20 июня 2022. (<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/06/20/927599-minfin-byudzhet-prodazhi-nefti>).

²⁵ UK to phase out Russian oil imports. Gov.UK. 8 March 2022. (<https://www.gov.uk/government/news/uk-to-phase-out-russian-oil-imports>).

²⁶ Russia's war on Ukraine: EU adopts sixth package of sanctions against Russia. Press Release. European Commission. 3 June 2022. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_2802).

²⁷ Эмбарго охватило более 2/3 общего объема импортируемой из России в Европу нефти. Запрет распространялся на перевозки морем, но не по трубопроводам, по которым ее получают, в частности Венгрия, Германия и Польша. Под него не попала транспортировка нефти или нефтепродуктов из третьих стран, если они только загружаются и вывозятся из России или проходят через ее порт транзитом, при условии, что они не принадлежат российскому владельцу.

предписано не предоставлять услуги таким судам. Турция в свою очередь объявила, что не будет пропускать через Босфор танкеры без надлежащим образом оформленной страховки.

Было резко сокращено импорт Европой российского газа. В то же время Москва выдвинула требование оплачивать его в рублях, что, предположительно, должно было обезопасить сделки для российской стороны – так полученные Россией за газ средства не смогут заморозить на счетах европейских или американских банков. Согласно предложенной схеме, контрагент должен открыть рублевый счет в российском «Газпромбанке», который будет конвертировать полученные платежи в рубли. России удалось согласовать план со многими европейскими странами, а с Китаем и Индией страна перешла на расчеты в национальных валютах. Однако прокачка газа по «Северному потоку» полностью прекратилась в октябре 2022 г. после взрывов на ветках газопровода. Европейские страны замещали импорт газа из России поставками из Норвегии и Нидерландов, Израиля и Египта, Катар и Алжира, Азербайджана и Австралии²⁸ (откуда Великобритания впервые за шесть лет получила партию сжиженного природного газа). Страны ЕС также вели переговоры о приобретении газа с Объединенными Арабскими Эмиратами, Саудовской Аравией²⁹. В то же время в России не хватало танкеров и нефтепроводов, чтобы переориентировать на восток весь объем поставок нефти. Строительство новых, по расчетам специалистов³⁰, может занять более десяти лет. Чтобы в полной мере переориентировать поставки газа в азиатском направлении, России, по оценкам Мирового энергетического агентства, потребуется по меньшей мере десять лет³¹, а при удачном ведении дел и огромных инвестициях, – около пяти лет.

Также с 10 августа вступило в силу эмбарго на экспорт российского угля в страны ЕС, а в Великобритании решили отказаться от него к концу 2022 г. Компаниям из ЕС запретили предоставлять страховые услуги российским предприятиям при поставках угля по всему миру. Из-за санкций лишился заказов «Росатом», у которого в различных странах были заключены сотни контрактов. Сначала в ЕС, а затем и в США подняли вопрос об отказе от импорта урана из России [Castillo-Peters, von Hippel 2022], которая поставляет пятую часть всего потребляемого Старым Светом атомного топлива.

Вследствие как секторальных, так и персональных санкций существенно пострадала отечественная металлургия. США ввели блокирующие санкции против «Северстали» и ее владельца, против «Магнитогорского металлургического комбината» (ММК) и аффилированных с ним предприятий (активы предприятия были заморожены, а глава совета директоров внесен в санкционный список), персональные санкции против председателя совета директоров «Трубной металлургической компании» и др. В марте Евросоюз объявил запрет на импорт из России стального проката, арматуры, стальных листов, сварных и бесшовных труб, что президент В. Путин назвал недобросовестной конкуренцией.

По свидетельству А. Леонова, вице-президента ассоциации «Русская сталь», куда входят крупнейшие отечественные металлургические компании, в июне 2022 г. производство стали и сталелитейных сплавов в стране снизилось на 20–50% из-за санкций³². Останавливались доменные печи и прокатные линии, сократился выпуск продукции из металла. Одновременно Россия перестала получать металлургическую продукцию

²⁸ EU imports of energy products – recent developments. Eurostat. Statistics Explained. 2022. (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_imports_of_energy_products_-_recent_developments).

²⁹ Далаа Мустафа, Семиз Мухаммед, Аксой Халиме Аффа. Может ли газ стран Персидского залива победить холод в Европе? ИноСМИ. 12 октября 2022. (<https://inosmi.ru/20221012/energetika-256734433.html>).

³⁰ Тихонов С. Россия начала строительство второго газопровода в Китай. RG.RU. 26 июля 2022. (<https://rg.ru/2022/07/26/pod-silu-sibiri.html>).

³¹ РФ может потребоваться 10 лет для доведения поставок газа в Азию до уровня экспорта в ЕС. ТАСС. 5 июля 2022. (<https://tass.ru/ekonomika/15127985>).

³² Сталелитейные компании РФ в июне снизили производство на 20–50%. ТАСС. 8 июля 2022. (<https://tass.ru/ekonomika/15164895>).

из-за рубежа, от которой зависели многие отрасли ее промышленности. В свою очередь, Австралия запретила экспорт в Россию глинозема и алюминиевой руды, которые используются в производстве алюминия – металла, необходимого для отечественной оборонной промышленности и машиностроения, одного из ключевых пунктов российского экспорта. За два года до рассматриваемого периода в России начали разрабатывать крупнейшее Удоканское месторождение меди, но исследователи Йельского университета в своем докладе писали, что «ведущие страны-потребители меди, в частности Китай, уже договариваются о приобретении новых запасов меди у африканских и центральноазиатских партнеров, без того чтобы даже рассматривать Россию в качестве потенциального источника нового производства меди» [Sonnenfeld, Sokolowski, Wyrebkowski, Kasprowicz 2022, 36].

Наряду с банковско-финансовым, энергетическим и металлургическим сектором, наиболее пострадали от санкций авиационная и автомобильная отрасли, железнодорожный транспорт, машиностроение, высокотехнологичные производства, IT-индустрия и отрасли, использовавшие в работе импортные детали и зарубежные технологии, возможности получения которых были ограничены. Половина автомобильного бизнеса в России была связана с европейскими поставками, и спад производства в секторе составил более 90%³³.

Крупные международные транспортные фирмы приостановили свою деятельность в России. Из страны ушли компании, которые осуществляют контейнерные перевозки. Пятый пакет европейских санкций уже в апреле 2022 г. ввел полный запрет на работу российских и белорусских операторов грузовых перевозок на дорогах стран-членов ЕС. Данный шаг остановил автодорожные перевозки в Европу и из нее (исключение было сделано для транспортировки сельскохозяйственных грузов и продуктов, гуманитарной помощи, а также нефтепродуктов). Финляндия закрыла железнодорожное сообщение через свою границу. ОАО «РЖД» оказалось под санкциями, которые включали запрет на получение финансирования. Компания Siemens расторгла контракты на поставку и техобслуживание поездов «Сапан» и «Ласточка»³⁴. Финская железнодорожная компания VR Group списала все свои поезда «Аллегро» (и запасные части к ним), которые обеспечивали грузовой транзит между Хельсинки и Санкт-Петербургом. Испанский производитель составов «Стриж» (находятся в эксплуатации у РЖД) Talgo, хотя и не объявил санкций, перестал предоставлять сервисное обслуживание. Санкции против РЖД затронули и вагоны метро, трамваи, электропоезда.

В РФ с 10 октября был введен запрет на грузоперевозки транспортными средствами «недружественных стран» на срок до конца года³⁵.

Европейские страны, включая Великобританию и Норвегию, еще в конце февраля закрыли свое небо для полетов российской авиации, затем аналогичное решение приняли и Соединенные Штаты и Канада³⁶. Ведущие американские компании Boeing и Airbus отказались обслуживать российские авиалинии. В ЕС запретили продавать в Россию самолеты, комплектующие и оборудование для них³⁷, а также прекратили обслуживание

³³ О промышленном производстве в январе-мае 2022 года. Росстат. 2022. 12 с. (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/105_29-06-2022.html).

³⁴ РЖД направили в Совет ЕС заявление об отмене ограничений против компании. ТАСС. 19 июля 2022. (<https://tass.ru/ekonomika/15255261>).

³⁵ С 10 октября 2022 г. по 31 декабря 2022 г. вводится запрет на перевозку грузов по территории РФ транспортными средствами, принадлежащими иностранным перевозчикам из недружественных государств. КонсультантПлюс. 2022. (<http://www.consultant.ru/law/hotdocs/77325.html>).

³⁶ США закрыли небо для российских самолетов. РБК. 2 марта 2022. (<https://www.rbc.ru/politics/02/03/2022/621f7b349a79470f0ccddcc5>).

³⁷ Council Regulation (EU) 2022/328 of 25 February 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. Official Journal of the European Union, L 49. English edition. Volume 65. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2022:049:FULL>).

и лизинг российских машин. Отечественный авиапарк, который почти на 80% состоял из самолетов зарубежного производства³⁸, после введения санкций перестал получать комплектующие. На поставку авионики были также введены санкции. «Роскосмос» предложил Министерству транспорта и Росавиации перевести отечественный авиапарк на навигацию с использованием отечественной системы ГЛОНАСС (Глобальная навигационная спутниковая система) вместо GPS³⁹. Тем не менее, из-за отсутствия доступа к зарубежному оборудованию и комплектующим возникали проблемы и с обеспечением функционирования российской группировки спутников ГЛОНАСС.

Министерство финансов США ввело санкции против ведущих отечественных судостроительных предприятий. Европейские порты закрыли для российских судов и для кораблей, которые сменили флаг с российского на иной после 24 февраля. Под западные запреты не попала перевозка нефти или нефтепродуктов из третьих стран в случае, если их только загружают и вывозят из России или они проходят через ее порт транзитом, но сам груз не принадлежит российскому собственнику.

Сначала в ЕС и Великобритании, а затем в США приняли ограничительные меры против российской Государственной транспортной лизинговой компании, которая поставляет в лизинг воздушный, водный и железнодорожный транспорт, а также и ее дочерних фирм⁴⁰.

США, ЕС, Великобритания и Япония также ввели санкции против российской оборонной отрасли, запретив поставки военной техники и продукции двойного назначения. Те западные компании, которые и после 2014 г. продолжали продавать в Россию боеприпасы и комплектующие для военной техники и оборудования, прекратили торговые отношения с отечественными предприятиями. В один из первых пакетов американских санкций вошли меры против восьми заместителей министра обороны, руководителей ряда оборонных предприятий России и несколько десятков компаний-разработчиков инженерной продукции для российского ВПК: НИИ «Вектор», АО «Микрон», предприятия «Сертал» и «Серния инжиниринг», деятельность которых связана с военными программами. Были приняты блокирующие санкции в отношении двадцати двух предприятий российской оборонной промышленности. А 16 ноября США ввели новые ограничения против 42 физлиц и компаний, связанных с российским ВПК. США также запретили поставки в Россию полупроводников и высокотехнологичных электронных компонентов, в том числе электроники для истребителей и ракет, которую ранее удавалось ввозить в страну. В рамках пятого пакета санкций Евросоюз объявил эмбарго на экспорт высокотехнологичных товаров на общую сумму в 10 млрд евро⁴¹, а также вооружений. Затем седьмой пакет запретил продавать в Россию продукцию двойного назначения. Сворачивалось сотрудничество в освоении космоса.

Поставленная российским руководством задача заместить поставки комплектующих и высокотехнологичного оборудования собственными силами и за счет импорта из других

³⁸ Статистика Минтранса: сколько у России сейчас самолетов и каких. Ассоциация туроператоров. 29 апреля 2022. (<https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/59791.html>).

³⁹ «Роскосмос» предложит Минтрансу и Росавиации заменить GPS на ГЛОНАСС. РИА Новости. 22 апреля 2022. (<https://ria.ru/20220422/gps-1784841045.html>).

⁴⁰ Council Implementing Regulation (EU) 2022/581 No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. Document 32022R0581. ST/7878/2022/INIT. EUR-Lex. 8 April 2022. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0581>); Russia-related Designations, Designations Updates, and Designation Removal; Issuance of Russia-related General Licenses; Publication of Russia-related Frequently Asked Questions. U.S. Department of Treasury. Release date 08/02/2022. (<https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20220802>).

⁴¹ ЕС согласовал пятый пакет санкций против России с угольным эмбарго и готовит новые ограничения в отношении поставок российских энергоносителей. Neftegaz.RU. 8 апреля 2022. (<https://neftgaz.ru/news/politics/733122-es-soglasoval-pyatyy-paket-sanktsiy-protiv-rossii-s-ugolnym-embargo-i-gotovit-novye-ogranicheniya-v-/>).

стран была сопряжена со значительными трудностями. При этом воздействие от части санкций должно было в полной мере проявиться не сразу, а в четвертом квартале года, в следующем полугодии и далее в течение ряда лет⁴². Эксперты Центрального банка РФ высказывали мнение, что процесс компенсирующего развертывания отечественных производств – т.н. вынужденной «обратной индустриализации» – продлится несколько лет, причем она будет происходить за счет инвестиционных проектов по импортозамещению «на основе развития менее передовых технологий»⁴³ и сопровождаться неизбежным падением производства.

Последствия антироссийских санкций для Европы, США и других стран

В то же время западные санкции нанесли большой ущерб европейскому рынку и мировой экономике в целом. Германия, крупнейшая экономика ЕС, оказалась на пороге рецессии. Ведущие эксперты обратили внимание на то, что инфляция в еврозоне достигла рекордно высокого показателя в 10,7% в октябре 2022 г., а в странах Балтии из-за резкого роста цен на топливо и продовольствие показатель превысил 22%⁴⁴.

Европейские страны активно искали пути замещения российских поставок углеводородного топлива, однако очевидно, что привлеченных ресурсов недостаточно, чтобы полностью удовлетворить спрос. Вследствие прекращения импорта из России нефти и нефтепродуктов население стран ЕС лишилось недорогих видов топлива. Европейский совет принял решение сократить потребление газа на 15% в зимний период 2022 г.⁴⁵ Пострадали европейские предприятия, которые используют как саму нефть, так и дизель, вакуумный газойль и др. Германии пришлось выделить 200 млрд долл., чтобы помочь потребителям и предприятиям, которые с трудом выживают в условиях высоких цен на энергоносители⁴⁶. По оценкам экономистов, курс на отказ от российского газа будет стоить промышленно развитым странам Европы падения роста ВВП с 3,2 в 2022 г. до 0,6% в 2023 г., а странам Центральной и Восточной Европы снижения роста на 3% ВВП и повышения инфляции во всем Старом Свете⁴⁷. Нехватка газа сказалась и на химической промышленности стран ЕС и других секторах, где его используют как компонент в производстве продукции: машиностроение, металлургия, изготовление стекла, строительная индустрия, выпуск азотных удобрений. Менялась структура мировой экономики, поскольку санкции, наряду с карантинами из-за пандемии COVID-19, вели к разрыву торговых цепочек и взаимосвязей глобальной экономической системы. «Риск инфляции, и даже экономической рецессии, стагфляции, теперь нависает над мировой экономикой. Европейские страны начали задаваться вопросом, не были ли они обмануты США»⁴⁸, – отмечал директор Института международных отношений при Китайском народном университете Ван Ивэй.

⁴² Виноградова Е. Эксперты назвали 3 фактора, которые определяют «поворотный пункт» кризиса. РБК. 14 июля 2022. (<https://www.rbc.ru/economics/14/07/2022/62ceaa089a79478d5e6c21b8>).

⁴³ Обратная индустриализация. Б.О. 25 апреля 2022. (<https://bosfera.ru/bo/obratnaya-industrializaciya>).

⁴⁴ We can't keep treating talk of negotiations to end the Ukraine war as off limits. The Guardian. 3 Nov 2022. (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/nov/03/ukraine-russia-war-negotiated-settlement>).

⁴⁵ Member states commit to reducing gas demand by 15% next winter. European Council. Council of the European Union. 26 July 2022. (<https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/07/26/member-states-commit-to-reducing-gas-demand-by-15-next-winter/>).

⁴⁶ We can't keep...

⁴⁷ Alfred Kammer's Opening Remarks – October 2022 EUR Regional Briefing. International Monetary Fund. October 14, 2022. (<https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/10/14/sp-alfred-kammer-opening-remarks-at-the-EUR-press-briefing>).

⁴⁸ Siqi Cao. EU's new sanctions against Russia "largely symbolic," reflects US' declining leadership. Global Times. 14 July 2022. (<https://www.globaltimes.cn/page/202207/1270570.shtml>).

Предположение о преднамеренной попытке Вашингтона ослабить экономические позиции Европы заслуживает отдельного изучения. Тем не менее очевидно, что Соединенные Штаты, которые продают сжиженный газ, оказались в выигрыше. Кроме того, из-за роста цен на энергоресурсы такие энергоемкие предприятия, как заводы по производству удобрений, цинка, меди, алюминия и др. стали переводить из Европы в США. Принятый в США в августе 2022 г. закон о борьбе с инфляцией дополнительно стимулировал «переезд» предприятий зарубежных компаний на американский рынок с помощью льгот в энергообеспечении и снижения налогообложения⁴⁹.

В результате собственных санкций ЕС и ответных российских мер европейским авиакомпаниям пришлось перестраивать маршруты и отменять рейсы. Уже в середине лета Евросоюз вынужден был снять запрет на поставки в Россию ряда товаров, технологий и услуг авиационной отрасли «...в той мере, в какой необходимо для обеспечения деятельности Международной организации гражданской авиации»⁵⁰.

Экономические проблемы повлияли и на политику. Неслучайно премьер-министр Венгрии В. Орбан обратил внимание на то, что в 2022 г. политический кризис произошел сразу в четырех европейских странах: Великобритании, Болгарии, Эстонии и Италии⁵¹. Затем сменились правительства в Швеции и Дании.

Однако во многих аспектах последствия санкционного режима почувствовали и Соединенные Штаты. Сам Байден говорил о «путинской инфляции», «налоге Путина» и «путинском росте цен»⁵² (инфляция в США к концу года составила рекордные за последние десятилетия 8%). Внутри самих США именно ему и администрации Демократической партии ставили в вину то, что трактовали как неумение остановить вооруженный конфликт в центре Европы, – такой же критике руководство страны подверглось годом ранее за провальное выведение американских войск из Афганистана [Бубнова 2022].

Особое внимание на Западе уделяли проблеме, связанной со введением «вторичных» санкций, которые должны были перекрыть обходные пути и не дать России получать товары, комплектующие и технологии через различного рода «серые» схемы или за счет «альтернативного» импорта. Данные в докладе Института Петерсона [Chorzempa 2022, 1] свидетельствуют о том, что импорт в Россию из стран, не участвующих в санкциях, наложенных на Россию непосредственно из-за операции на Украине, упал за первые четыре месяца ее проведения почти на 40%. Данные цифры подтверждали, что и в этих странах остерегались идти поперек линии Запада, чтобы не подпасть под санкции. В конце сентября 2022 г. Министерство финансов объявило, что США будут более агрессивно продвигать «вторичные» меры⁵³. Однако позже заместитель помощника американского министра по климату и экономике в энергетическом секторе К. Вольфрам объявила, что США не

⁴⁹ By the numbers: The Inflation Reduction Act. The White House. 15 August 2022. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/15/by-the-numbers-the-inflation-reduction-act>).

⁵⁰ Цит. по: Ардашова П. ЕС снял запрет на поставки России ряда товаров и услуг для авиационной отрасли. RG.RU. 21 июля 2022. (<https://rg.ru/2022/07/21/es-sniat-zapret-na-postavki-rossii-riada-tovarov-i-uslug-dlia-aviacionnoj-otrasli.htm>).

⁵¹ Орбан рассказал, какими проблемами для Европы обернулись санкции. РИА Новости. 23 июля 2022. (<https://ria.ru/20220723/sanktsii-1804477390.html>).

⁵² Wingrove J., Fabian J. Biden Says He's Focused on Inflation, But Again Blames Putin. Bloomberg. 10 June 2022. (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-10/biden-says-he-s-focused-on-inflation-but-again-blames-putin?leadSource=uverify%20wall>).

⁵³ «Мира» не будет. США вынуждают отказываться от российской платежной системы. РИА Новости. 28 сентября 2022. (<https://ria.ru/20220928/ekonomika-1820105079.html>).

будут использовать «вторичные» санкции против зарубежных покупателей российской нефти, которые платят за нее выше фиксированной цены⁵⁴.

В принятом в начале октября восьмом санкционном пакете ЕС впервые были специально предусмотрены «вторичные санкции». Многие эксперты отметили декларативный характер принятого Европарламентом 23 ноября решения о признании России государством-спонсором терроризма⁵⁵, однако оно не только создает новый прецедент в отношении к России, но и упрощает введение «вторичных» санкций, а также формально легитимизирует конфискацию замороженных российских активов.

Между тем, во многих странах не спешили поддержать западные санкции или присоединиться к ним, поскольку воспринимали действия США и их партнеров как направленные на поддержание их постколониальной гегемонии и, исходя из собственных экономических и политических интересов, стремились не портить отношения с Россией. Компании из Китая, Турции, Индии и некоторых других стран, не пожелавших вводить санкции, замещали западных импортеров российских товаров или же делали ставку на увеличение своей доли на освободившемся российском рынке.

Несмотря на неоднозначное отношение Китая к российской специальной военной операции, его чиновники выступали против «все более возмутительных санкций»⁵⁶, хотя и не обозначали столь же недвусмысленно стремление помогать России. В Китае проявляют осторожность, используя ситуацию с точки зрения своей выгоды, но стремясь не попасть под «вторичные» ограничения. Тем не менее, если в 2021 г. основным торговым партнером России был Евросоюз, на который приходилось 36% отечественных экспортно-импортных операций⁵⁷, то к лету 2022 г. его доля сократилась и на первое место вышел именно Китай. По состоянию на конец 2022 г. объем российско-китайской торговли оценивают в 190 млрд долл.⁵⁸ В то же время очевидно, что санкции имели демонстрационный характер и в отношении Китая, который остается главным конкурентом США. Как отмечал индийский политолог, профессор Центра политического анализа в Дели Б. Челлани⁵⁹, опираясь на российский опыт, Китай и другие страны получили возможность изучить параллельные пути экономических связей и финансовых расчетов. В данном плане одним из последствий санкций стал импульс к переходу мировой финансовой системы от опоры на доллары и расчетов в долларах и евро к более диверсифицированной системе – с участием национальных валют и расширением присутствия китайских и прочих незападных платежных систем на финансовых рынках.

Очевидно, что Вашингтон и Запад также допустили просчет, оценивая свои возможности воздействовать на Москву. Санкции не повлияли на военно-политические решения российских властей. О том, что такие ограничения, как правило, не достигают желаемых политических результатов, неоднократно писали американские исследователи [Mulder 2022]. О подобном эффекте в России предупреждала и автор данной статьи еще в 2015 г.

⁵⁴ The U.S. will not use secondary sanctions to enforce a Russian oil price cap. Oil&Gas by Enercom. 26 September 2022. (<https://www.oilandgas360.com/the-u-s-will-not-use-secondary-sanctions-to-enforce-a-russian-oil-price-cap/>).

⁵⁵ European Parliament declares Russia a state sponsor of terrorism. Reuters. 23 November 2022. (<https://www.reuters.com/world/europe/european-lawmakers-declare-russia-state-sponsor-terrorism-2022-11-23/>).

⁵⁶ Цит. по: В Китае назвали санкции Запада против России возмутительными – Welt. Regnum. 20 марта 2022. (<https://regnum.ru/news/3538767.html>).

⁵⁷ Доля товарооборота России с не поддерживавшими санкции странами составила 46%. Finexpertiza. 21 марта 2022. (<https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/dolya-tovarooborota-rossii/>).

⁵⁸ Объем торговли России и Китая в 2022 году может достичь \$185–190 млрд ТАСС. 5 августа 2022. (<https://tass.ru/ekonomika/15401195>).

⁵⁹ Chellaney Brahma. Putin's war and the mirage of the rules-based order. Australian Strategic Policy Institute. 23 March 2022. (<https://www.aspistrategist.org.au/putins-war-and-the-mirage-of-the-rules-based-order/>).

[Бубнова 2015, 85–87] по следам пакетов санкций западных стран после присоединения Крыма к России. Аналогично тому, как российская специальная военная операция способствовала сплочению Запада, так и носившие тотальный, неизбирательный характер санкции раздражали значительную часть российского населения, провоцировали рост антизападных настроений и способствовали поддержке в обществе курса на противостояние с Западом. По мнению многих экспертов, санкции в большей мере повредили именно тем категориям российского населения, которые были ориентированы на сотрудничество с Европой и США и открытость миру. 10 ноября Министерство торговли США объявило об исключении России из списка стран с рыночной экономикой⁶⁰. Данное решение не только приносит репутационные потери, но и дает США возможность широко применять против России повышенные пошлины, не учитывая требования ВТО по обеспечению свободной торговли. 14 ноября страны-члены ООН на Генеральной Ассамблее организации большинством голосов проголосовали за резолюцию о создании международного механизма для обеспечения выплат Украине репараций со стороны России. Подробный анализ этого решения выходит за рамки данной работы, но сам факт того, что документ поддержали 94 государства – большинство стран мира (Китай вместе с Россией, а также еще 12 стран голосовали против) – несомненно заслуживает внимания.

* * *

По мере продолжения российской специальной военной операции западные лидеры все реже говорили о возможности снять часть санкций в обмен на уступки России (хотя в Германии до взрывов на «Северном потоке» звучали мнения, что условия урегулирования на Украине должны включать возобновление поставок российского газа). Некоторые санкции пересматривали и отменяли, однако таких случаев было очень немного, и происходили они под давлением обстоятельств: в результате судебных решений, когда ограничения оказывались неэффективными (не смогли воспрепятствовать поступлению денежных средств для финансирования российского военного строительства), или в ситуации избыточного сопутствующего ущерба для принявших их или же третьих стран.

Возникают вопросы о том, будет ли население западных государств продолжать поддерживать меры против России в ущерб собственным жизненным интересам в условиях ухудшения экономического положения. По данным американского новостного портала Axios, интерес американцев к событиям на Украине, который резко возрос в феврале 2022 г., в дальнейшем неуклонно падал. Уже к концу весны 2022 г. среди иноязычных пользователей Интернета в 22 раза уменьшилось количество интеракций с новостями, связанных с Украиной⁶¹. По результатам опроса Европейского совета по международным отношениям (проводился в июне среди жителей европейских стран), только польские респонденты среди предложенных вариантов ответа на вопрос о том, чего следует добиваться, выбирали «справедливость», а не прекращение конфликта. В целом по континенту лишь 25% населения считали более важным «наказать Россию»⁶².

⁶⁰ U.S. Department of Commerce Revokes Russia's Market Economy Status in Antidumping Proceedings. Official Website of the International Trade Administration. 10 November 2022. (<https://www.trade.gov/press-release/us-department-commerce-revokes-russias-market-economy-status-antidumping-proceedings>).

⁶¹ World looks elsewhere as Ukraine war hits 100 days. Axios. 03.06.2022. (<https://www.axios.com/2022/06/02/ukraine-russia-war-social-media-interest>).

⁶² Peace versus Justice: The coming European split over the war in Ukraine. European Council on Foreign Relations. 15 June 2022. (<https://ecfr.eu/publication/peace-versus-justice-the-coming-european-split-over-the-war-in-ukraine/#peace-versus-justice>).

Когда в августе 2022 г. американский Конгресс потребовал, чтобы Государственный департамент причислил Россию к государствам-спонсорам терроризма, критики инициативы отмечали, что большую часть предполагаемых подобной мерой запретов (запреты на экспорт военной продукции, товаров двойного назначения, технологий) против России уже и так ввели. Хотя специальная команда в Белом доме совместно с группой KleptoCapture Министерства юстиции и международной экспертной группой Ермака-Макфола предлагала новые персональные, финансовые и энергетическим санкции⁶³, многие политики в западных странах считают, что экономические ресурсы на исходе, и весь возможный арсенал ограничений уже действует. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель всего через месяц после начала российской военной операции говорил, что ЕС находится на грани своих возможностей в плане введения новых мер. Однако количественно списки экспортного контроля и блокирующих санкций продолжают расширяться и могут увеличиваться и дальше. Со своей стороны представитель МИД КНР Чжао Лицзень заявил, что для урегулирования конфликта на Украине нужно в первую очередь прекратить санкции⁶⁴. Между тем известно, что в Соединенных Штатах процедура снятия ограничений сопряжена с внутривластной борьбой и сложным бюрократическим процессом. Особенно сложно отменить санкции, которые закреплены в законах. К ним относятся как исполнительные указы, принятые еще при администрации Обамы после присоединения Крыма, так и акты 2021–2022 гг.: например, одобренное обеими палатами Конгресса решение об отказе от закупок российской нефти и газа и закон, который позволяет конфисковать собственность у российских владельцев бизнеса и направлять эти активы на помощь украинцам. Даже в том случае, если стороны успешно преодолевают соответствующие политические проблемы, обычно проходят многие годы, прежде чем отмена санкций становится возможной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афонцев С.А. (2019) Санкции и международные институты: перспективы снижения санкционных рисков для России // Вестник международных организаций. Т. 14. № 3. С. 48–68.
- Бубнова Н.И. (2022) Вывод американских войск из Афганистана и политика Вашингтона: что пошло не так? // Россия и современный мир. Институт научной информации РАН. Институт экономики РАН. № 3. С. 72–93. DOI: 10.31249/rsm/2022.03.05.
- Бубнова Н.И. (2015) Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: Новые ипостаси холодной войны // Россия и современный мир. № 2. С. 81–97.
- Castillo-Peters D., von Hippel F. (2022) US and EU Imports of Russian Uranium and Enrichment Services Could Stop. Here's How // Bulletin of the Atomic Scientists. 5 August 2022. (<https://thebulletin.org/2022/08/us-and-eu-imports-of-russian-uranium-and-enrichment-services-could-stop/>).
- Chorzempa M. (2022) Export Controls against Russia are Working – With the Help of China // Peterson Institute for International Economics. 27 June 2022. (<https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/export-controls-against-russia-are-working-help-china>).
- Mulder N. (2022) How America Learned to Love (Ineffective) Sanctions // Foreign Policy. 30 January 2022. (<https://foreignpolicy.com/2022/01/30/us-sanctions-reliance-results/>).

⁶³ Working Group Paper № 6. Why and How to Confiscate Russia's Sovereign Assets to Help Rebuild Ukraine. Stanford University. The International Working Group on Russian Sanctions. 11 October 2022; Working Group Paper № 8. Rosatom and Civilian Nuclear Power: Recommendations for Sanctions against the Russian Federation. The International Working Group on Russian Sanctions. 14 November 2022.

⁶⁴ Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on 6 April 2022. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/202204/t20220406_10665019).

Timofeev I.N. (2020) “Sanctions for Sanctions Violation”: U.S. Department of Treasury Enforcement Actions Against the Financial Sector // Полис. Политические исследования. № 6. С. 73–90. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.06.

REFERENCES

Afontsev S.A. (2019) Sankcii i mezhdunarodnye instituty: perspektivy snizheniya sankcionnyh riskov dlya Rossii [Sanctions and International Institutions: How to Reduce Sanction Risks for Russia?]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizatsiy*. vol. 14, no. 3, pp. 48–68.

Bubnova N.I. (2022) Vyvod amerikanskih voysk iz Afganistana i politika Vashingtona: chto poshlo ne tak? [The Withdrawal of U.S. Forces from Afghanistan and American Policy: What Went Wrong?]. *Rossiia i sovremennyy mir*. no 3, pp. 72–93. DOI: 10.31249/rsm/2022.03.05.

Bubnova N.I. (2015) Rossiysko-amerikanskiye otnosheniya v kontekste ukrainskogo krizisa: Novye ipostasi holodnoy voyny [Russian-American Relations in the Context of the Ukrainian Crisis: New Incarnations of the Cold War]. *Rossiia i sovremennyy mir*. no. 2, pp. 81–97.

Castillo-Peters D., von Hippel F. (2022) US and EU Imports of Russian Uranium and Enrichment Services Could Stop. Here’s How. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 5 August 2022. (<https://thebulletin.org/2022/08/us-and-eu-imports-of-russian-uranium-and-enrichment-services-could-stop/>).

Chorzempa M. (2022) *Export Controls against Russia are Working – With the Help of China*. Peterson Institute for International Economics. 27 June 2022. (<https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/export-controls-against-russia-are-working-help-china>).

Mulder N. (2022) How America Learned to Love (Ineffective) Sanctions. *Foreign Policy*. 30 January 2022. (<https://foreignpolicy.com/2022/01/30/us-sanctions-reliance-results/>).

Timofeev I.N. (2020) “Sanctions for Sanctions Violation”: U.S. Department of Treasury Enforcement Actions Against the Financial Sector. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. no. 6, pp. 73–90.

Информация об авторе

Бубнова Наталия Игоревна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: nataliaibubnova@gmail.com

About the author

Natalia I. Bubnova, Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: Profsoyuznaya str. 23, Moscow 117997 Russia. E-mail: nataliaibubnova@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 14.11.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 24.11.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 1.12.2022

Оригинальная статья / Original article

«Незаменимый союзник»: польско-британское военно-политическое партнерство как элемент «Глобальной Британии»¹

© Д. Л. КУВШИНОВ, А. С. МОРОЗОВ

Кувшинов Дмитрий Леонидович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), kuvshinov@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-4327-4506

Морозов Александр Сергеевич, ООО «Национальный центр информатизации», a.s.morozov@my.mgimo.ru. ORCID: 0000-0001-8005-7119

Статья посвящена польско-британскому сотрудничеству в сфере безопасности и обороны в период активной трансформации внешнеполитической парадигмы Соединенного Королевства, а также на фоне качественных изменений восприятия угроз западными странами в период 2017–2022 гг. Отмечено, что обе страны все больше рассматривают мировые процессы с точки зрения конкуренции и даже соперничества различных систем. Многоформатное сотрудничество Варшавы и Лондона укладывается в логику теории альянсов и сигнализирует о повышенном запросе на собственную безопасность. В Великобритании Польшу считают сильным в военном отношении государством, которое находится «на передовой» в масштабном противостоянии в Восточной Европе, что неминуемо требует британского участия для укрепления собственной обороноспособности «на дальних подступах». Подобное видение в последние годы перенимает и Варшава. По результатам оценки документального, военно-технического и политического содержания польско-британского партнерства сделан вывод, что союзники стремятся на взаимовыгодной основе выполнить свои запросы на обеспечение безопасности преимущественно в двустороннем формате.

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement no. 075-15-2020-783).

Ключевые слова: Великобритания, Польша, «Глобальная Британия», альянс, безопасность

Цитирование: Кувшинов Д.Л., Морозов А.С. (2022) «Незаменимый союзник»: польско-британское военно-политическое партнерство как элемент «Глобальной Британии» // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 23–34. DOI: 10.31857/S0869049922060028, EDN: FBWNJQ

“The Indispensable Ally”: UK-Poland Political-Military Partnership as Part of Global Britain

© D. KUVSHINOV, A. MOROZOV

Dmitrii L. Kuvshinov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), kuvshinov@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-4327-4506

Alexander S. Morozov, National Center of Informatization LLC, a.s.morozov@my.mgimo.ru. ORCID: 0000-0001-8005-7119

Abstract. The article focuses on UK-Poland security and defense cooperation during the period of active transformation of the United Kingdom’s foreign policy paradigm and qualitative changes in the threat perceptions in the West (2017–2022). It’s noted that both countries have increasingly viewed global processes in terms of systemic competition and even rivalry. The multi-format cooperation between Warsaw and London fits into the logic of alliance theory and indicates an increased demand for their own security. The UK sees Poland as a militarily strong “frontline” state in a major confrontation in Eastern Europe, and therefore British involvement is implied to strengthen its own defence capacity “in the far reaches”. The same perspective has increasingly been shared in Warsaw in recent years. On assessing the institutional, technical and political content of the Polish-British partnership, it is concluded that the allies tend to pursue their security demands on a mutually beneficial basis predominantly in a bilateral format.

Key words: United Kingdom, Poland, Global Britain, alliance, security

Citation: Kuvshinov D., Morozov A. (2022) “The Indispensable Ally”: UK-Poland Political-Military Partnership as Part of Global Britain. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no. 6, pp. 23–34. DOI: 10.31857/S0869049922060028, EDN: FBWNJQ

«Новая стратегия Великобритании направлена на вовлечение в дела Тихоокеанского региона, при этом обязательства, связанные с ЕС, отходят на второй план. На мой взгляд, если Великобритания хочет выйти на мировой уровень, ей следует начать с Европы. Здесь вам не только рады, здесь вы просто незаменимы», – заявил министр иностранных дел Польши З. Рау на V польско-британском Бельведерском форуме в сентябре 2021 г.²

Последующие месяцы продемонстрировали, что Великобритания и не уходила из Восточной Европы. Наблюдается определенный парадокс: выйдя из ЕС и тем самым значительно ограничив свою возможность влиять на дела континента, Великобритания декларативно сместила главный фокус своей внешней политики с Европы на Индо-Тихоокеанский регион³. Внешнеполитическая стратегия консервативного правительства «Глобальная

² Wspólne interesy Polski i UK na Polsko-Brytyjskim Forum Belwederskim. 17 września 2021. Londynek.net. (https://londynek.net/wiadomosci/article?jdnews_id=79958).

³ Global Britain in a Competitive Age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. P. 66.

Британия» ожидаемо акцентировала внимание на стратегических контактах с игроками по всему миру, а не только в рамках «домашнего» региона, что подтверждает создание нашумевшего альянса АУКУС (AUKUS). В возникшей после референдума 2016 г. системе британских внешнеполитических приоритетов Польша, которую Британия ранее рассматривала лишь в качестве «одного из» партнеров по НАТО в Восточной Европе, заняла неожиданно высокое положение. В декабре 2017 г. стороны подписали польско-британское Соглашение о сотрудничестве в области обороны и безопасности. Оно стало вторым после Ланкастерских соглашений с Францией (2010 г.) договором о военном сотрудничестве Великобритании со страной-членом ЕС [Годованюк 2020, 45]. Данный факт вкпе с нетривиальным британским вовлечением в дела региона Центрально-Восточной Европы (далее – ЦВЕ) в последние месяцы ставит вопрос о характере стратегического партнерства Лондона и Варшавы. Чтобы ответить на него, необходимо определить: какое значение регион ЦВЕ имеет в рамках «Глобальной Британии» и почему именно Польша оказалась форпостом стратегии Соединенного Королевства в Европе; каковы особенности военно-политического взаимодействия двух стран и можно ли говорить о полноценном военном союзе; какое место двустороннее сотрудничество занимает в рамках НАТО; как видят перспективы взаимоотношений из Лондона и Варшавы.

В последние годы в сфере стратегической безопасности наблюдается тренд на умножение и диверсификацию альянсов при сокращении количества их членов. Яркими примерами тенденции служат АУКУС и «Ромб», украинская «стратегия малых альянсов»⁴ и стремительное развитие сети стратегических партнерств Лондона под эгидой «Глобальной Британии». В Европе после кризиса 2014 г. помимо традиционных «больших форматов» секьюритизации (НАТО и ЕС) возникают новые, субрегиональные объединения: Бухарестская девятка, Объединенный экспедиционный корпус, «Инициатива трех морей» и пр.

С точки зрения теории альянсов (исследовательский подход теории международных отношений, развивающийся в рамках реализма), тренд на возрастание количества формальных союзов связан, с одной стороны, со стремлением государств «хеджировать» различные внешние угрозы в связи со смещающейся конфигурацией сил в рамках регионального комплекса безопасности⁵ [Buzan, Weaver 2003] и, с другой стороны, с относительной надежностью формализованных альянсов, в основе которых лежит репутационный капитал его членов [Истомин 2017б, 101; Snyder 1997, 35]. Системы альянсов традиционно выступают важным элементом геополитической стратегии США [Истомин 2017а, 215]. Те же тенденции наблюдаются во внешней политике Лондона в рамках концепта «Глобальной Британии»: только в мае 2022 г. Великобритания заключила Соглашение о взаимном доступе с Японией и подписала Политическую декларацию солидарности с Швецией и Финляндией.

В ЦВЕ глобальная тенденция к увеличению количества альянсов ложится на субрегиональную специфику. В сфере внешней политики и безопасности страны ЦВЕ традиционно стремятся к культурной и политической консолидации с Западом⁶ и воспринимают Россию как угрозу собственной безопасности, в соответствии с чем внешнеполитическое целеполагание происходит по двум векторам. С одной стороны, государства действуют по асимметричной логике «примыкания» [Grigorescu 2008, 281], которая объясняет их

⁴ Кулеба Д. Настало время малых альянсов. Вот, зачем мы их создаем. LIGA.net. 18 октября 2022. (<https://www.liga.net/politics/opinion/nastalo-vremya-malyh-alyansov-vot-zachem-my-ih-sozdaem>).

⁵ Monaghan S. The Joint Expeditionary Force: *Global Britain in Northern Europe?* Center for Strategic and International Studies. 25 March 2022. (<https://www.csis.org/analysis/joint-expeditionary-force-global-britain-northern-europe>)

⁶ Kundera M. (1984) The Tragedy of Central Europe. *New York Review of Books*. vol. 31, no. 7. pp. 33–38.

намерение вступить в НАТО: в ее основе лежит обмен различными типами благ (безопасность меньшей стороны альянса в обмен на автономию). С другой стороны, страны ЦВЕ хотят установить равновесное сотрудничество в сфере безопасности в рамках субрегиона [Orzelska-Staczek, Bajda 2021, 8], для чего необходимы потенциал и мотивация консолидировать регион изнутри в качестве автономной секьюритизированной единицы. С данной тенденцией связаны множественные форматы взаимодействия в ЦВЕ, в которых после 2014 г. стали сильнее делать акцент на безопасности. Как дихотомия описанных тенденций отражена во внешней и оборонной стратегии Польши?

«Глобальная Британия» в Центрально-Восточной Европе

«Глобальная Британия» представляет собой стратегический внешнеполитический дискурс действующего консервативного правительства, который приняли после решения о выходе страны из ЕС (2016 г.). Он направлен на усиление внеевропейской компоненты британской торговой, дипломатической и военной деятельности. Со временем концепт стали неразрывно ассоциировать с внешнеполитическим видением Кабинетов тори и дискурсом брекзита. Однако он выражает и объективный запрос на более активную международную роль Соединенного Королевства, для чего необходимо не только активизировать политические и экономические контакты, но и модернизировать вооруженные силы в соответствии с задачами безопасности. По данной причине было бы неверно отождествлять эту внешнеполитическую парадигму лишь с правительством консерваторов. Следует ожидать, что она сохранит актуальность и в случае, если к власти придут лейбористы.

Помимо инвестиций в собственный военный потенциал (в первую очередь в военно-морской флот и стратегические ядерные силы), Великобритания намерена укреплять и активизировать глобальную сеть союзов и партнерств с военным измерением прежде всего в Индо-Тихоокеанском регионе (далее – ИТР). В «домашнем» евроатлантическом регионе Лондон сохраняет акцент на «особых отношениях» с США и собственной роли «ведущего члена Альянса в Европе»⁷, одновременно развивая более узкие форматы в сфере безопасности, которые не входят в систему НАТО. Среди таких контактов можно отметить Объединенный экспедиционный корпус со странами Северной Европы, стратегическое оборонное партнерство с Парижем и многочисленные двусторонние форматы взаимодействия со странами восточного фланга НАТО, самым активным из которых стало англо-польское стратегическое партнерство.

Несмотря на провозглашенный в Комплексном обзоре «поворот в Индо-Пацифику», эмпирические данные свидетельствуют о том, что Великобритания в последние годы значительно закрепилась в ЦВЕ. Помимо упомянутых форматов сотрудничества, важными элементами британской активности в субрегионе по линии НАТО стали Расширенное передовое присутствие (в его рамках британские войска размещены в Польше и Эстонии) и Адаптированное передовое присутствие в Румынии. Новые стратегические документы подчеркивают необходимость обеспечивать свободу судоходства в Черном море в сотрудничестве с Болгарией, Грецией, Румынией и Турцией⁸. В 2015–2022 гг. британская армия проводила программу обучения украинских военнослужащих под кодовым названием Операция «Орбитал». 29 апреля 2022 г. было объявлено, что летом 2022 г. пройдут учения

⁷ Global Britain in a Competitive Age... P. 6.

⁸ Ministry of Defence (2021) Defence in a Competitive Age. P. 30.

8 тыс. британских военнослужащих (самого большого контингента со времен холодной войны) на востоке Европы – на территории от Финляндии до Северной Македонии⁹.

Причины противоречия между вектором на закрепление в ИТР и реальной беспрецедентной военно-политической активизацией Лондона в ЦВЕ лежат в динамике «особых отношений» Великобритании с США, а точнее во внешнеполитических приоритетах Вашингтона. При последних администрациях США усилился тренд на сдерживание Китая в военном отношении в регионе ИТР и сопряженная риторика менее активного вовлечения США в европейскую повестку безопасности. Сложившаяся тенденция повышает роль Лондона как силы внутри Альянса и, в некотором смысле, как «прокси» Вашингтона. В результате Великобритания, как ожидают, будет демонстрировать свою вовлеченность и приверженность безопасности континента, в особенности на его восточных рубежах [Андреева 2018, 48].

Польша в системе региональной безопасности ЦВЕ

Британские интересы в Восточной Европе в целом сводятся к сдерживанию России, которая, по мнению британских стратегов, ставит цель разрушить основы существующего либерального мирового порядка и выступает «наиболее острой» прямой угрозой интересам Лондона. В рамках данной концепции Польша представляет собой стратегически важную территорию.

Следует отметить, что взгляды Лондона и Варшавы на линию поведения в отношении Москвы в целом совпадают. Их стратегия сводится к жесткому противодействию всем попыткам изменить статус-кво. Возможно, Польша в этом вопросе даже более принципиальна, учитывая сложную историю взаимоотношений с восточным соседом. Великобритания рассчитывает, что практически любые инициативы в сфере безопасности и обороны на двустороннем и многостороннем треках найдут отклик у польского правительства. В стратегических документах Британии по внешней и оборонной политике 2015 и 2021 гг. была отмечена важность именно военного сотрудничества с Польшей в интересах укрепления восточных рубежей Североатлантического альянса¹⁰ – не в последнюю очередь из-за мощного потенциала польских сухопутных сил.

Большое значение для Лондона имеет и логистический фактор. Во-первых, в случае конфликта в Восточной Европе тяжелую технику в больших количествах можно перебросить только по морю – у польских ВМС есть четыре базы на Балтийском побережье, две из которых расположены рядом с крупнейшими морскими портами страны. Во-вторых, разветвленная сеть железнодорожных путей и автомобильных дорог позволяет доставлять технику из Германии и балтийских портов к границе Калининградской области России, в страны Балтии, к польско-белорусской границе и на Украину, причем у любого маршрута на большей части пути есть хотя бы один дублер. В-третьих, в непосредственной близости от всех потенциальных линий соприкосновения находятся крупные аэродромы с взлетно-посадочными полосами с бетонным покрытием. Такая логистическая инфраструктура позволяет в короткие сроки обеспечивать крупные поставки военной техники и оборудования через воздушные, морские и сухопутные пути снабжения.

---

⁹ British Army Exercises Boost Presence across Europe. Press Release. Gov.uk. 29 April 2022. (<https://www.gov.uk/government/news/british-army-exercises-boost-presence-across-europe>).

¹⁰ Ministry of Defence (2015) National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. P. 51; Ministry of Defence (2021) Ibid. P. 30.

Польско-британское партнерство: взгляд из Варшавы

Будучи крупнейшим в военно-техническом отношении игроком в субрегионе, Польша представляет интерес в качестве ведущего союзника в ЦВЕ для многих евроатлантических держав. Впрочем, Варшава тоже выстраивает систему стратегических партнерств в соответствии с особой логикой. Выше были обозначены две тенденции ее политики в сфере безопасности: стремление к консолидации с Западом и создание более узких форматов безопасности в рамках субрегиона. Как будет показано в дальнейшем, сотрудничество с Лондоном отвечает обеим тенденциям.

На первый взгляд, в системе союзнических приоритетов Варшавы Лондон значительно уступает Вашингтону, стратегическое партнерство с которым – долгосрочная максима польской внешней политики. В польских стратегических документах, действовавших после 2014 г. (Стратегии национальной безопасности 2014 г. и 2020 г., Приоритеты внешней политики Польши на 2012–2016 гг. и 2017–2021 гг., Оборонная концепция 2017 г.), Великобритания упомянута всего пять раз, причем дважды – в контексте экономических последствий брежневита¹¹. Впрочем, можно проследить рост интереса к Лондону как к стратегической силе в субрегионе: если в 2012 г. Великобританию считали лишь «важным союзником по НАТО»¹², то в 2017 г. Польша поставила задачу «активно продвигать сотрудничество между Соединенным Королевством и ЕС в сфере безопасности и обороны»¹³, «приветствует растущую активность Великобритании в регионе (на восточном фланге НАТО – прим. авт.) и надеется на укрепление общих связей»¹⁴. В то же время роль Польши как ключевого союзника по НАТО в ЦВЕ выступает константой стратегического целеполагания Лондона: в шести британских стратегических документах («белые книги» Министерства обороны и Министерства по выходу из ЕС, 1998–2021 гг.) она упомянута в таком качестве шестнадцать раз, в том числе шесть раз в последних двух «белых книгах»¹⁵.

Таким образом, интерес Варшавы к сотрудничеству с Лондоном возрос в 2016–2017 гг.: именно в этот период США наиболее остро критиковали механизм коллективной безопасности НАТО, а британское присутствие в ЦВЕ активизировалось как следствие Варшавского саммита Альянса. После того как внимание Вашингтона к европейскому региону снизилось, в *видении* Варшавы его место стал занимать Лондон. В двух польских стратегических документах 2017 г. отмечено возрастание угроз безопасности страны со стороны восточного соседа и значительное превосходство Российской Федерации над восточно-европейскими членами НАТО в области обычных вооружений. Одновременно сделан акцент на роли Великобритании в системе безопасности ЦВЕ. В конце декабря 2017 г. стороны заключили комплексное Соглашение о сотрудничестве в области обороны и безопасности. После подписания данного документа инфраструктура двусторонних военных контактов Лондона по степени развитости уступает только партнерству с Вашингтоном и Парижем; Варшавы – только с Вашингтоном.

Акценты «Глобальной Британии» оптимально соотносятся и с внутрирегиональными приоритетами Польши. Она стремится устанавливать автономные секьюритизированные форматы, в которых будет играть передовую роль: в первую очередь речь идет о Вишеградской четверке (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), Бухарестской девятке и «Иници-

¹¹ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. (2017) Polish Foreign Policy Strategy, 2017–2021. P. 3, 14.

¹² Biuro Bezpieczeństwa Narodowego (2012) Priorytety polskiej polityki zagranicznej, 2012–2016. P. 17.

¹³ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. (2017) Ibid. P. 8.

¹⁴ Ministerstwo obrony narodowej (2017) Koncepcja obronna Rzeczypospolitej Polskiej. S. 45.

¹⁵ Ministry of Defence (2015) Ibid. P. 51, 53 92; Ministry of Defence (2021) Ibid. P. 21, 35, 74.

ативе трех морей». Следует отметить, что формирование субрегиональных группировок в ЦВЕ и укрепление конкретных двусторонних связей в обход структур Альянса не ослабляет НАТО, поскольку в той или иной степени способствует укреплению его «восточного фланга» – одной из целей Стратегической концепции 2022 г.

Лондон заинтересован в упомянутых многосторонних форматах как в проекции собственного влияния в регионе – наряду с созданным в 2015 г. Объединенным экспедиционным корпусом на Балтийском море (ОЭК). Польша в то время не присоединилась к нему из-за отсутствия военно-технических возможностей, однако нарастающее в последние месяцы военно-морское сотрудничество Лондона и Варшавы может в перспективе способствовать включению Польши в ряды ОЭК. Сотрудничество Лондона с четырьмя странами Вишеградской группы все более сосредотачивается на повестке безопасности. Примером данной динамики служат встречи на высшем уровне сразу двух форматов северо-восточного фланга НАТО – Вишеграда¹⁶ и ОЭК¹⁷, которые прошли в марте 2022 г. в Лондоне на фоне обострения геополитической ситуации в субрегионе.

Особое место в конвергенции стратегических интересов Лондона и Варшавы занимает «Инициатива трех морей» – многосторонний формат, посвященный вопросам региональной инфраструктурной связности и энергетической безопасности (в отличие от более ориентированной на вопросы обороны Бухарестской девятки). Как было отмечено в спонсированном членом британского парламента Д. Кавчиньским докладе Королевского объединенного института оборонных исследований (RUSI), «Инициатива трех морей» представляет особый интерес для Лондона в связи с акцентом Комплексного обзора на военно-морском потенциале и обеспечении безопасности судоходства в Балтийском и Черном морях¹⁸. Инициатива не включает в себя военно-политическое измерение, однако актуальные на сегодняшний день вопросы европейской энергетической безопасности повышают ее значимость, а проекты логистических связей между тремя морями (Балтийским, Адриатическим и Черным) важны для «Глобальной Британии» как в торгово-экономическом, так и военно-стратегическом отношении.

Динамика военно-политического сотрудничества в 2017–2022 гг.

До многосторонних и двусторонних договоренностей на Варшавском саммите НАТО (2017 г.) Польша и Великобритания взаимодействовали в сфере безопасности только в рамках общеевропейских инициатив и в формате «Северной группы» (британская инициатива 2010 г. по сути представляла собой форум министров обороны стран Северной Европы, Балтии, Германии и Польши, на котором обсуждался широкий круг вопросов)¹⁹.

В декабре 2017 г. Великобритания и Польша подписали бессрочный двусторонний договор о сотрудничестве в сфере обороны и безопасности. Партнерство включает в себя следующие области: расширение возможностей по совместному развертыванию

---

¹⁶ UK – Visegrád Group (V4) Joint leaders' Statement. Press Release. Gov.uk. 8 March 2022. (<https://www.gov.uk/government/news/uk-visegrad-group-v4-joint-leaders-statement-8-march-2022>).

¹⁷ Prime Minister to Host Nordic and Baltic Leaders as He Pushes to Bolster European Resilience and Defence. Press Release. Gov.uk. 13 March 2022. (<https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-to-host-nordic-and-baltic-leaders-as-he-pushes-to-bolster-european-resilience-and-defence>).

¹⁸ Report: Three Seas Initiative and the Opportunities for Global Britain. London: RUSI. 2021. (<https://emerging-europe.com/wp-content/uploads/2021/09/Report-on-the-Three-Seas-Initiative.pdf>).

¹⁹ Depledge D. (2012) Looking North: Britain's Revitalised Interest in the Northern Areas of Europe. Commentary. RUSI. 9 March 2012. (<https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/looking-north-britains-revitalised-interest-northern-areas-europe>).

вооруженных сил и их оперативному взаимодействию, военно-промышленное взаимодействие, военная логистика, развитие личных связей между вооруженными силами путем создания подразделений-побратимов, создание необходимой свободы передвижения вооруженных сил сторон по территориям Великобритании и Польши, кибербезопасность, обмен разведанными в области военного планирования и обороны и стратегические коммуникации.

В Договоре отдельно следует выделить Статью 5 «Развертывание и применение сил», в которой указано, что одна страна может ввести контингент на территорию другой «совместно или от имени» по письменному запросу и с заранее определенными целями и полномочиями, хотя подобные действия и относятся к суверенному праву сторон. Причем, согласно Статье 6, Британия и Польша обязуются предоставлять друг другу сведения о доступных для военного развертывания объектах и оборудовании, а также необходимые ресурсы²⁰.

Фактически Соглашение создает для Британии суверенные возможности для проведения военных операций на территории своего союзника. Лондон получает, во-первых, способность выстроить тесное сотрудничество с Варшавой по многим аспектам военного планирования и индустриального взаимодействия, а во-вторых, легальный механизм применения своих вооруженных сил в Европе в обход процедур НАТО.

По всей видимости, именно эту двустороннюю процедуру ввели в действие в преддверии обострения украинского кризиса. 7 февраля 2022 г. на встрече министров обороны Великобритании и Польши было объявлено о развертывании в последней дополнительно 350 морских пехотинцев²¹. Более того, 17 марта 2022 г. министр обороны Великобритании Б. Уоллес объявил об отправке в Польшу батареи зенитно-ракетного комплекса среднего радиуса действия «Скай Сейбр»²². Ранее в декабре 2021 г. также на основе двусторонних договоренностей 140 военных инженеров прибыли на польско-белорусскую границу для укрепления пограничных сооружений²³. С учетом британского контингента в боевой группе НАТО под командованием США (размещена в Польше в 2017 г. в рамках согласованной на Варшавском саммите 2016 г. программы усиленного передового присутствия), общая численность британских военных специалистов в стране достигает 750 человек в составе только боевых подразделений.

Британия и Польша активно развивают военно-техническое сотрудничество, в рамках которого, помимо стрелкового оружия и боеприпасов, идут и поставки современных и дорогостоящих образцов боевой техники. В феврале 2022 г. британская компания «Бабкок» победила в конкурсе на разработку проекта фрегата для польских военно-морских сил. Фрегат «Тип 31», который в том числе станет одним из основных классов кораблей Королевского ВМФ, в польском флоте получит название «Мечник». Всего планируется построить три фрегата. Примечательно, что в данном случае Великобритания не продает готовые корабли, а обеспечивает инженерно-проектировочные услуги, поставляет двигатели, вооружение, радары и сенсоры стоимостью 1,8 млрд долл. США. Сами корабли

²⁰ Treaty between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Republic of Poland on Defence and Security Cooperation. Warsaw, 21 December 2017. Entered into force on 4 July 2018.

²¹ UK Defence Minister Says to Send a Further 350 Troops to Poland. 7 February 2022. (<https://www.reuters.com/world/uk/uk-defence-minister-says-send-further-350-troops-poland-2022-02-07/>).

²² UK to Deploy Sky Sabre Missile Defence System in Poland. Reuters. 17 March 2022. (<https://www.reuters.com/world/europe/uk-deploy-sky-sabre-missile-defence-system-poland-says-minister-2022-03-17/>).

²³ UK to Provide Engineering Support to Poland amid Border Pressures. Press Release. Gov.uk. 9 December 2021. (<https://www.gov.uk/government/news/uk-to-provide-engineering-support-to-poland-amid-border-pressures>).

строят на польских верфях²⁴. Также следует отметить подписанный 25 апреля 2022 г. контракт на разработку польской системы противовоздушной обороны «Нарев», которая будет использовать ракеты британского производства «САММ», уже применяемые в британских вооруженных силах²⁵. Такой уровень кооперации, который включает в себя трансфер технологий и обучение персонала, демонстрирует приоритетное значение сотрудничества с Польшей, а также рост ее обороноспособности и технологического уровня вооруженных сил.

В целом характер военно-технического и организационного взаимодействия Великобритании и Польши указывает на стремление Лондона создать независимую от структур и процедур НАТО платформу в Восточной Европе для «сдерживания России». Великобритания добивается поставленной цели, повышая уровень совместимости вооруженных сил, унифицируя техническое оснащение армий двух стран, а также формируя привилегированный формат двустороннего сотрудничества. Во многом такой упор именно на двусторонний диалог в военно-политической области призван выполнить цели и задачи британской внешней политики по поддержанию как минимум статус-кво в международных отношениях, с одной стороны²⁶, и стимулировать сотрудничество с европейскими партнерами в условиях «горького послевкусия» брекзита, с другой. Одновременно Лондон продолжает активно взаимодействовать с Варшавой в рамках Североатлантического альянса, играя традиционную роль «самого сильного европейского союзника». В совокупности двусторонний и многосторонний треки отношений позволяют полностью обеспечить потребности и запросы Великобритании, и Польши в сфере безопасности, дополняя друг друга и формируя всеобъемлющую конструкцию общей безопасности.

Партнерство в свете украинского кризиса 2022 г.

Еще 30 января 2022 г., на фоне стремительного нарастания напряженности в отношениях России и Украины, Великобритания предложила усилить военное присутствие Североатлантического альянса в Восточной Европе. Как уже было отмечено выше, в начале февраля 2022 г., после визита польского министра обороны М. Блащак в Лондон, в соответствии с польско-британским соглашением 2017 г. был укреплен британский военный контингент в Польше.

Спустя неделю министры иностранных дел Украины, Польши и Великобритании выпустили совместное заявление, в котором анонсировали создание трехстороннего партнерства в области безопасности²⁷. После начала российской специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. Британии пришлось отказаться от проекта и вместо этого вступить в коалицию с Нидерландами и Канадой по координации гуманитарной, экономической и оборонной поддержки Украины. Тем не менее, оказываемую помощь Лондон активно согласует с Варшавой и Бухарестом [Ананьева 2022, 129–130].

С 24 февраля логистическое значение Польши многократно возросло: если первый пакет британской военной помощи Украине доставили в период с 17 по 19 января на

---

²⁴ First Look at Poland's New Miecznik Frigate. Naval News. 10 April 2022. (<https://www.navalnews.com/naval-news/2022/04/first-look-at-polands-new-miecznik-frigate/>).

²⁵ UK-Poland Launch Collaboration on Cutting-Edge Missile System. 25 April 2022. (<https://www.gov.uk/government/news/uk-poland-launch-collaboration-on-cutting-edge-missile-system>).

²⁶ Global Britain in a Competitive Age... P. 12.

²⁷ United Kingdom, Poland and Ukraine Foreign Ministers' Joint Statement, 17 February 2022. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-by-the-united-kingdom-poland-and-ukraine-17-february-2022>).

военные аэродромы под Киевом, то объявленный 23 февраля второй пакет уже мог не достичь пункта назначения. Польское руководство за несколько дней организовало военные поставки через аэропорт города Жешув (примерно 70 км от границы с Украиной) и далее по автомобильным дорогам к погранпереходам²⁸. Об особой роли Варшавы в транзите военных грузов Б. Джонсон говорил во время телефонного разговора с президентом Польши 28 февраля²⁹. Прямые переговоры глав правительств двух стран проходили также 1 и 8 марта в Варшаве, а 24 марта – на саммите НАТО в Брюсселе. 28 марта последовали телефонные переговоры Б. Джонсона и А. Дуды, 4–5 апреля Варшаву посетила глава Форин-офиса Л. Трасс. 7 апреля польский лидер прибыл в Лондон, где обсудил с Б. Джонсоном расширение сотрудничества в области безопасности и обороны³⁰.

Интенсивная программа политических контактов на высоком и высшем уровнях практически завершилась спустя два месяца после начала острой фазы конфликта между Россией и Украиной. Однако данная пауза лишь отражает тот факт, что стороны выстроили систему поставок вооружений через польскую границу и достигли принципиальных политических договоренностей о дальнейшей координации внешнеполитических действий. Польша наравне с Британией демонстрирует крайне жесткую позицию по всем аспектам Украинского кризиса – по этой причине в сентябре 2022 г. в Варшаве особо приветствовали назначение Л. Трасс премьер-министром³¹. Варшава стала важным идеологическим союзником Соединенного Королевства внутри единой Европы, активно лоббируя наиболее жесткие санкционные меры в отношении России³². Великобритания, фактически задав тренд на отказ от российских углеводородов³³, не может влиять на согласование санкционных мер в ЕС – особенно в условиях продолжающихся разногласий об окончательном урегулировании в отношении Протокола по Северной Ирландии. Тем не менее, прочный консенсус между Лондоном и Варшавой по вопросам ценностей и повестке безопасности позволяет Британии проводить свои интересы в рамках европейских структур, используя двусторонние связи как инструмент опосредованного влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьева Е.В. (2022) Британия // В: Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе: монография. А.А. Громыко (рук.), А.С. Айвазян и др. М.: Ин-т Европы РАН. 194 с.

Андреева Т.Н. (2018) Политика первого кабинета Т. Мэй в области обороны и безопасности // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 6. С. 45–55.

²⁸ NATO Members Mount Huge Operation to Resupply Ukrainian Fighters. The Wall Street Journal. 8 March 2022. (<https://www.wsj.com/articles/nato-members-mount-huge-operation-to-resupply-ukrainian-fighters-11646761821>).

²⁹ PM Call with President Andrzej Duda of Poland: 28 February 2022. Press Release. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/news/pm-call-with-president-andrzej-duda-of-poland-28-february-2022>).

³⁰ PM Meeting with President Andrzej Duda of Poland: 7 April 2022. Press release. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/news/pm-meeting-with-president-andrzej-duda-of-poland-7-april-2022>).

³¹ Ананьева Е.В. (2022) Смена караула в Британии // Международная жизнь. 8 сентября. (<https://interaffairs.ru/news/show/36913>).

³² Poland Urges EU to Slap Sanctions on Russian Oil and Gas. AP News. 2 May 2022. (<https://apnews.com/article/russia-ukraine-business-executive-branch-europe-slovakia-596b3d94c8d70c916223e185f1173b04>).

³³ UK to Phase Out Russian Oil Imports. Press Release. Gov.uk. 8 March 2022. (<https://www.gov.uk/government/news/uk-to-phase-out-russian-oil-imports>).

Годованюк К.А. (2020) «Глобальная Британия» в преддверии Брексита. М.: Институт Европы РАН. 161 с.

Истомин И.А. (2017) «Дилемма альянсов» в развитии военно-политических союзов США // Ситуационные анализы: международные институты в современной мировой политике. Выпуск 6. С. 215–265.

Истомин И.А. (2017) Современная западная теория военно-политических альянсов. Достижения и лакуны // Международные процессы. Т. 15. № 4. С. 93–114.

Buzan B., Weaver O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 592 p.

Grigorescu A. (2008) East and Central European Countries and the Iraq War: The Choice between "Soft Balancing" and "Soft Bandwagoning" // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 41. No. 3. Pp. 281–299.

Orzelska-Staczek A., Bajda P. (2021) Security Aspects of Regional Cooperation in Central Europe: Visegrád Group, Bucharest Nine, and the Three Seas Initiative // *On-line Journal Modelling the New Europe*. No. 37. Pp. 4–23.

Snyder G.H. (1997) *Alliance Politics*. Ithaca: Cornell University Press. 432 p.

REFERENCES

Ananieva E.V. (2022) Britaniya [Britain]. In: *Etap special'noj voennoj operacii na Ukraine. Anatomiya antirossijskoj politiki v Evrope: monografiya*. Eds(s): A.A. Gromyko. Moscow: In-t Evropy RAN. 194 p.

Andreyeva T.N. (2018) Politika pervogo kabinjeta T. Mey v oblasti oborony i bezopasnosti [May First Cabinet's Defence and Security Policy]. *World Economy and International Relations*. vol. 62, no. 6, pp. 45–55.

Buzan B., Weaver O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 592 p.

Godovanyuk K.A. (2020) "Global'naya Britaniya" v preddverii Brekzita [Global Britain on the Eve of Brexit]. Moscow: RAS Institute of Europe. 161 p.

Istomin I.A. (2017) "Dilemma alyansov" v razvitii voyenno-politicheskikh soyuzov SShA ["The Alliance Dilemma" in the Development of US Political-Military Alliances]. *Situation analyses: International institutions in contemporary world politics*. issue 6, pp. 215–265.

Istomin I.A. (2017) Sovremennaya zapadnaya teoriya voyenno-politicheskikh alyansov. Dostizheniya i lakuny [Contemporary Western Theory of Political-Military Alliances. Achievements and Gaps]. *International processes*. vol. 15, no. 4, pp. 93–114.

Grigorescu A. (2008) East and Central European Countries and the Iraq War: The Choice between "Soft Balancing" and "Soft Bandwagoning". *Communist and Post-Communist Studies*. vol. 41, no. 3, pp. 281–299.

Orzelska-Staczek A., Bajda P. (2021) Security Aspects of Regional Cooperation in Central Europe: Visegrád Group, Bucharest Nine, and the Three Seas Initiative. *On-line Journal Modelling the New Europe*. no. 37, pp. 4–23.

Snyder G.H. (1997) *Alliance Politics*. Ithaca: Cornell University Press. 432 p.

Информация об авторах

Кувшинов Дмитрий Леонидович, старший лаборант-исследователь Сектора политических проблем европейской интеграции, Отдел европейских политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: kuvshinov@imemo.ru

Морозов Александр Сергеевич, ведущий аналитик, ООО «Национальный центр информатизации». Адрес: Бережковская наб., д. 38, стр. 1, Москва, 121059. E-mail: a.s.morozov@my.mgimo.ru

About the authors

Dmitrii L. Kuvshinov, Senior Research Assistant, Section for Political Aspects of European Integration, Department for European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: kuvshinov@imemo.ru

Alexander S. Morozov, Lead Analyst, National Center of Informatization LLC. Address: 121059, Moscow, Berezhkovskaya Embankment, 38, building 1. E-mail: a.s.morozov@my.mgimo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 14.10.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 20.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 1.12.2022

DOI: 10.31857/S086904992206003X
EDN: FBZOVK

Оригинальная статья / Original article

Конституционно-политический кризис в Пакистане: теория и практика¹

© Г.Г. МАКАРЕВИЧ

Макаревич Глеб Григорьевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), gmakarevich@imemo.ru. ORCID: 0000-0001-8037-0973

Статья посвящена конституционно-политическому кризису 2022 г. в Пакистане. Политические субъекты в Пакистане разделены на две группы: профессиональные публичные политики и так называемый истеблишмент – вооруженные силы, судьи, гражданская бюрократия, исламское духовенство, землевладельцы и феодальная аристократия. Вторая группа обладает политической, экономической и культурной гегемонией. Представлен обзор теоретических подходов для анализа политических процессов в незападных обществах. Конституционно-политический кризис 2022 г. в Пакистане анализируется через призму конструктивизма, теории элит и исторической социологии. Кризис стал свидетельством не трансформации политической системы, а гибкости и устойчивости ее основ. Истеблишмент доказал, что освоил ненасильственные инструменты для свержения неугодных гражданских правительств, чтобы удерживать власть и руководить страной. Дан прогноз, что такой баланс сил вряд ли изменится до тех пор, пока публичные политики не создадут альтернативный нарратив о прошлом, настоящем и будущем страны.

Ключевые слова: Пакистан, политический кризис, метанарратив, властвующая элита, истеблишмент

Цитирование: Макаревич Г.Г. (2022) Конституционно-политический кризис в Пакистане: теория и практика // Общественные науки и современность. № 6. С. 35–44. DOI: 10.31857/S086904992206003X, EDN: FBZOVK

---

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement no. 075-15-2020-783).

Constitutional and Political Crisis in Pakistan: Theory and Practice

© G. MAKAREVICH

Gleb G. Makarevich, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), gmakarevich@imemo.ru. ORCID: 0000-0001-8037-0973

The article analyses the constitutional and political crisis in March-April 2022 in Pakistan. Political actors in Pakistan are divided into two groups: public politicians and the so-called establishment – the armed forces, the judiciary, civil bureaucracy, the ulema, landlords and feudal aristocracy. The latter group possesses three types of hegemony – political, economic, and cultural. An overview of theoretical approaches applied to the analysis of political processes in non-Western societies is provided. It is proposed to observe the 2022 constitutional and political crisis in Pakistan through the lens of constructivism, elite theory and historical sociology. The concerned crisis does not entail the transformation of the system, but the manifestation of greater flexibility and stability of its foundations. The establishment proved to master non-coercive instruments to topple unsatisfactory governments to continue staying in power and leading the country. Such a balance is not likely to change until public politicians create an alternative narrative about the past, present, and future of the country.

Keywords: Pakistan, political crisis, master narrative, power elite, establishment

Citation: Makarevich G. (2022) Constitutional and Political Crisis in Pakistan: Theory and Practice. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 35–44. DOI: 10.31857/S086904992206003X, EDN: FBZOVK

О природе конституционно-политического кризиса в марте-апреле 2022 г. в Исламской Республике Пакистан спекулируют не только эксперты-международники во всем мире, но акторы и в самой стране. Не существует однозначного ответа на ключевые вопросы о кризисе: почему оппозиция решительно выступила против правительства И. Хана именно в рассматриваемый период, хотя противники премьера объединились еще в сентябре 2018 г.? Какие силы больше всего повлияли на исход политического противостояния? Можно ли говорить о трансформации политической системы страны?

В статье предлагается разделить участников политического процесса в Пакистане на две условные группы: непосредственно публичные политики – лидеры правящей и оппозиционных партий, ведущие партийные работники, рядовые парламентарии, и так называемый истеблишмент – представители вооруженных сил, судебной власти, гражданской бюрократии, исламского духовенства, крупных землевладельцев и феодальной аристократии. Ключевую роль второго в политике страны в целом и рассматриваемом кризисе в частности объясняют три вида гегемонии.

Политическую гегемонию осуществляют через прямое (военные перевороты) и косвенное (распространение информации о поддержке конкретного кандидата или партии) вмешательство в политический процесс. Экономическая гегемония проявляется в том, что перечисленные группы имеют доступ к большинству совокупного объема материальных ресурсов страны. Культурная гегемония заключается в способности истеблишмента транслировать в качестве метанарратива Пакистана свои представления об истории страны, ее текущем положении и траекториях будущего развития. Представители истеблишмента воспринимают себя как самых искренних сторонников распространяемых о стране narra-

тивов, их создателей и защитников, что дает им обоснование смещать выборное гражданское руководство в случае, если оно проводит «не отвечающий национальным интересам политический курс».

В ходе исследования были проанализированы теоретические работы таких американских авторов, как У. Ростоу [Rostow 1959], Э. Саид [Saïd 1979], Б. Андерсон [Anderson 2006], Ч. Р. Миллс [Mills 2000] и Р. Лахман [Lachmann 2013]. При анализе политических процессов непосредственно в Пакистане привлекались как работы отечественных специалистов – В.Я. Белокреницкого [Белокреницкий 2019], Н.А. Замараевой [Замараева 2015] и А.Л. Филимоновой [Филимонова 2010], так и пакистанских исследователей – М. Васима [Waseem 2021] и А. Сиддики [Siddiqi 2017]. Источниками стали пакистанские нормативно-правовые акты, включая Конституцию страны, а также материалы СМИ.

Применяемая и предлагаемая теоретическая оптика

По мнению автора, для анализа политического процесса в Пакистане в целом и конституционно-политического кризиса 2022 г. в частности неприемлемы подходы, которые наиболее часто используют в изучении незападных обществ. Их можно условно обозначить как модернизационный и ориенталистский.

Первый опирается на ряд теорий модернизации, толчком к разработке которых стала необходимость обосновать союзнические отношения США с авторитарными режимами в «третьем мире», которые создавались для сдерживания советской идеологической экспансии [Raghavan 2018, 160–165]. Первой такой разработкой стала теория стадий экономического роста У. Ростоу, согласно которой в ходе своего развития страны проходят пять стадий: традиционное общество, созревание предпосылок для «подъема» (preconditions for take-off), «подъем» (take-off), «переход к зрелости» (drive to maturity), эпоха массового потребления (age of high mass consumption) [Rostow 1959].

Теория упускает из виду то, что перечисленные стадии могут сосуществовать – это часто встречается в незападных обществах. Признаки традиционного общества можно обнаружить на всей территории Пакистана, предпосылки для «подъема» едва ли созрели во всех провинциях, «подъем» в полной мере наблюдается лишь в провинции Панджаб, а оставшиеся две стадии проявляются в крупных городских агломерациях – Карачи, Лахоре и Исламабаде.

Ограничения модернизационной парадигмы не должны подталкивать исследователя к другой крайности – ориенталистскому мышлению, которое основано на онтологическом и эпистемологическом разделении между «Востоком» и «Западом» [Saïd 1979, 2–3]. Конструируя «Другого» или переключая опыт развития европейских стран, исследователи не получают приемлемого ответа на поставленные вопросы. В качестве альтернативы автор предлагает использовать комбинацию трех методологических подходов: конструктивизма, теории элит и исторической социологии.

Особенности строительства нации-государства в Пакистане

Изначально Пакистан был идеей, конструктом. Можно согласиться с Б. Андерсоном в том, что любая нация в первую очередь представляет собой воображаемое политическое сообщество, которое зиждется на учениях эпохи Просвещения. Его члены не могут знать друг друга лично, но воспринимают себя как единую общность в определенных границах [Anderson 2006, 5–7].

Андерсон полагает, что нация конструируется в результате распространения общего языка и появления доступных печатных изданий (print media) на языке, который формирует

общую повестку [Anderson 2006, 67–72]. В Пакистане, однако, можно выделить условно три крупные языковые среды – высший класс, представители которого получали образование в ведущих британских и американских вузах и говорят в основном на английском языке; средний класс, воспринимающий в качестве основы своей идентичности язык урду, и автохтонные этнические группы, которые преимущественно используют родные языки.

Если английский остался основным языком для высокообразованной элиты и после получения Пакистаном независимости, то урду стал родным языком для слоев населения, которые приняли идею Пакистана как своего отечества.

«Духовный отец Пакистана» и создатель «теории двух наций» М. Икбал выделял ислам и язык урду в качестве основ будущей нации мусульман, хотя мусульманские общины Южной Азии формировались по собственным историческим путям, не обладали единым пантеоном религиозных авторитетов и говорили на разных языках [Филимонова 2010]. Соответственно, формирование пакистанской нации подразумевало отказ от конкретных исламских доктрин в пользу более общих понятий «исламской идентичности» и «языка мусульман».

Автохтонные этнические группы не смогли отказаться от своей идентичности в пользу новообразованного государства, сохранили связи с локальными сообществами по другую сторону границы и не встроились в политическую иерархию страны.

Таким образом, представители перечисленных групп буквально живут в разных мирах, которые конструирует соответствующая печатная пресса. Англоговорящая интеллигенция читает относительно либеральные СМИ, средний класс предпочитает материалы с выраженной патриотической позицией, а этнические меньшинства больше озабочены локальной повесткой и не вовлечены в общенациональный политический процесс.

Властвующая элита в Пакистане

Ведущую роль в конструировании Пакистана как нации-государства играют представители второй из перечисленных выше групп – вооруженные силы, судьи, гражданская бюрократия, мусульманское духовенство, крупные землевладельцы и феодальная аристократия. Выходцы из них составляют так называемый не избираемый истеблишмент. Они формируют костяк пакистанской властвующей элиты (power elite). Ч. Миллс выделяет три взаимозависимых и относительно равноправных группы – политические, экономические и военные элиты [Mills 2000, 15], однако в случае Пакистана элитные группы распределяются иначе.

Изначально политическую элиту страны составляли выходцы с территорий современной Индии, которых называют мухаджирами (то есть совершившие хиджру – переселение в благочестивых целях по примеру Пророка Мухаммада): «отец-основатель» Пакистана М. Али Джинна был этническим гуджаратцем и состоялся как политик в Бомбее, а его соратник и преемник Л. Али Хан принадлежал к землевладельческой семье из ныне индийского штата Уттар-Прадеш; выходцем из того же региона был председатель партии «Мусульманская лига» Ч. Халикуззаман.

Будучи меньшинством по отношению к коренному населению Пакистана, мухаджиры искали политической поддержки у землевладельческих кланов Панджаба. Спустя несколько десятилетий существования государства роль мухаджиров значительно снизилась, а определяющим процессом стала «панджабизация» элит, в результате которой выходцы из крупнейшей провинции Пакистана заняли ключевые должности в высшем армейском руководстве и федеральном гражданском аппарате, образовав «истеблишмент» [Белокреницкий 2019].

В итоге профессиональные публичные политики в Пакистане могут считать свое положение устойчивым до тех пор, пока они не находятся в конфликте с истеблишментом, в первую очередь – с армией. Генералитет имеет свои сложившиеся представления о ряде проблем национальной безопасности (в самом широком толковании), а потому стремится не допускать принятия решений по важным для него вопросам без учета своих интересов, в том числе – корпоративных [Siddiqi 2017]. В противном случае происходит открытый конфликт между армией и правительством, который объединяет оппозицию [Замараева 2015].

Следует отметить, что группы истеблишмента не всегда выступают единым фронтом и не отличаются полной общностью интересов: как на разных исторических этапах, так и в современном Пакистане между ними складывались весьма непростые отношения, зачастую далекие от дружественных. Истеблишмент представляет собой монолитную силу лишь в кризисных ситуациях, когда присутствует консенсус о необходимости решительных политических действий – как правило, подобная ситуация возникала после военных переворотов. С ослаблением военных режимов разногласия, наоборот, возрастали и приводили к тому, что различные группы истеблишмента выступали на стороне той или иной гражданской политической силы.

Ко всему прочему, целый ряд представителей истеблишмента из кругов исламских клерикалов, крупных земельных собственников и племенной элиты являются видными членами различных политических партий и выборных органов власти. В результате они одновременно считаются частью истеблишмента и субъектами публичной политики. Так, основатели двух влиятельнейших политических кланов Пакистана – Шарифов и Бхутто-Зардари – происходят из предпринимательских и землевладельческих семей, и в начале своей карьеры они были протеже военных. Однако их попытки установить контроль над генералитетом неминуемо приводили к открытому конфликту и лишению властных полномочий.

Применимость исторической социологии к изучению политического процесса в Пакистане

Таким образом, чтобы понимать политические процессы в Пакистане, необходимо иметь в виду императивы ключевых элитных групп, которые определяют национальную повестку. Генезис пакистанского истеблишмента можно проследить с помощью исторической социологии. Согласно Р. Лахману, дисциплина ставит перед собой следующие задачи: находить отличия между несущественными повседневными человеческими действиями и редкими ситуациями, когда люди трансформировали социальную структуру; объяснять, почему преобразующие события происходят в определенное время и в определенном месте; демонстрировать, как определенные события делают возможными события последующие [Lachmann 2013, 10–11].

Так, предпосылкой обретения военными в Пакистане нынешнего социального статуса стала рекрутинговая стратегия британской колониальной администрации, представители которой считали панджабцев «воинственным народом» (martial race) [Omissi 1994, 15–20]. После обретения независимости считавшийся ранее «гарнизонной территорией» (garrison area) Панджаб оказался самой густонаселенной провинцией в новом независимом государстве. Бежавшие из Индии панджабцы-мусульмане безоговорочно приняли новую родину, поскольку по ту сторону границы у них ничего не осталось. Они воспринимали Индию как угрозу существованию «государства мусульман» и придавали высокое значение армии. Данные взгляды переняло большинство панджабцев, которые приняли идею Пакистана [Waseem 2021, 103–128].

В итоге действующая Конституция 1973 г. гласит, что вооруженные силы Пакистана должны не только защищать страну «от внешней агрессии или угрозы войны», но и «действовать с целью оказать помощь гражданским властям в тех случаях, когда их к этому призывают». Также никто не имеет права препятствовать армии в исполнении возложенных на нее гражданскими властями (в лице президента страны) обязанностей до окончания проводимой вооруженными силами операции².

Анализ действий каждой группы, контекста, в котором они действуют, и последствий, к которым приводят их действия, может улучшить понимание политических процессов, которые кардинально отличаются от привычных нам и якобы интуитивно понятных западных практик.

Конституционно-политический кризис в Пакистане: причины, развитие и действующие субъекты

Устойчивость общей конфигурации сил в пакистанской политике не означает, что во взаимоотношениях гражданских политиков и истеблишмента отсутствует вариативность. Так, после отставки генерала-президента Первеза Мушаррафа в 2008 г. вместо прямого вмешательства в политику армия стала поддерживать внесистемных кандидатов, не связанных с кланами Шарифов и Бхутто-Зардари, представители которых уже имели долгую и сложную историю взаимоотношений с истеблишментом.

Направленная против политиков старой формации антикоррупционная кампания лидера партии «Движения за справедливость» (Pakistan Tehreek-e-Insaf, PTI) И. Хана одновременно снижала популярность у избирателей и оставалась безопасной для истеблишмента. Харизма бывшего капитана сборной Пакистана по крикету, помноженная на слухи о поддержке кандидата со стороны армии, обеспечили лидеру партии победу на всеобщих парламентских выборах в 2018 г.

Победа И. Хана объединила политические партии с многолетней историей, которые в предыдущие годы были непримиримыми противниками. В сентябре 2020 г. появилось «Демократическое движение Пакистана» (Pakistan Democratic Movement, PDM). В объединение вошло 11 политических партий, однако главными его движущими силами стали условные правоцентристы «Пакистанская мусульманская лига Наваза Шарифа» (Pakistan Muslim League (N), PML-N), условные левоцентристы «Пакистанская народная партия» (Pakistan Peoples Party, PPP) и исламисты «Джамиат-и улама-и ислам Фазл ур-Рехмана» (Jamiat Ulema-e-Islam (F)). Несмотря на то что оппозиция безостановочно критиковала правительство за неудачи в социально-экономической сфере и угрожала ему вотумом недоверия, до определенного времени она не вступала в активное противостояние с премьер-министром.

Объяснение, как представляется, заключается в способности И. Хана на протяжении нескольких лет поддерживать видимость прочности военно-гражданского кондоминиума. Однако отношения между премьером и армией значительно охладели вследствие изменения ситуации в регионе после ухода американских войск из Афганистана и проблем со странами Запада. Они были недовольны прокитайским курсом Исламабада на международной арене и недостаточным вниманием к кооперации с США и европейскими странами.

Первым признаком изменений стали слухи о разногласиях по поводу назначения нового руководителя Межвойсковой разведки Пакистана (Inter-Services Intelligence, ISI).

² The Constitution of Pakistan (1973) Part XII, Chapter 2: Armed Forces. Article 245 (1, 2–4). (<http://pakistani.org/pakistan/constitution/part12.ch2.html>).

Проблема состояла в том, что генералитет якобы назначил нового главу ведомства без консультаций с премьер-министром. Кроме того, считалось, что у И. Хана сложились доверительные рабочие отношения с генерал-лейтенантом Ф. Хамидом. Спустя три недели консультаций премьер все же утвердил предлагаемую армией кандидатуру генерал-лейтенанта Н. А. Анджума³.

Несмотря на заверения правительственных чиновников о беспочвенности слухов о конфликте, оппозиция сделала выводы об ослаблении позиций премьер-министра. После официального визита И. Хана в Москву (23–24 февраля 2022 г.) на фоне начала специальной военной операции России на Украине и последовавшей за ним негативной реакцией западных стран армия демонстративно отстранилась от политического процесса⁴. Данное развитие событий придало уверенности оппонентам премьера – оппозиция потребовала провести голосование в нижней палате парламента с целью выразить недоверие действующему правительству.

Чтобы избежать неудачного исхода голосования, И. Хан решил распустить парламента в соответствии со статьей 58 (часть 1) и статьей 48 (часть 1) Конституции. В ответ лидеры оппозиции обратились ко второй могущественной и независимой институции истеблишмента – Верховному суду, что перевело политический кризис в разряд конституционных.

Долгое время роль судебных органов власти в политических кризисах сводилась к толкованию действий исполнительной власти (будь она представлена гражданскими или военными) в духе «Доктрины государственной необходимости» (Doctrine of State Necessity), согласно которой противоречащие Конституции действия допустимы в случае серьезных угроз государственности Пакистана.

Считается, что в первый раз доктрина была применена в судебном процессе «Федерация Пакистан против Тамизуддина Хана». После того, как генерал-губернатор Г. Мухаммад распустил первый состав учредительного собрания, его председатель Т. Хан обратился в Главный суд Синда (Sindh Chief Court) с требованием признать незаконность действия исполнительной власти и получил поддержку судей. Однако Федеральный суд Пакистана (Federal Court) объявил решение региональной инстанции недействительным, таким образом поддержав действия исполнительной власти. В дальнейшем на протяжении всей политической истории Пакистана суд руководствовался скорее политической целесообразностью, чем положениями Конституции [Jatoi, Mustafa, Kataria 2022].

Политическое могущество представителей судебной власти Пакистана и Верховного суда, в частности, основано на третьей части 184-й статьи Конституции Исламской Республики Пакистан: «Без ущерба для положений статьи 199, Верховный суд, если он сочтет, что речь идет о вопросе общественной важности в связи с обеспечением каких-либо фундаментальных прав, представленных в первой главе второго раздела Конституции, имеет право издать постановление в отношении вопроса, указанного в настоящей статье»⁵.

Таким образом, Конституция позволяет Верховному суду вмешиваться в политический процесс без обращения какой-либо стороны и выносить, в сущности, политические решения без мандата, полученного посредством электорального процесса. Такие поста-

³ Syed B.S. Standoff on ISI chief ends, Anjum named new spymaster. The Dawn. 27 October 2021. (<https://www.dawn.com/news/1654275>).

⁴ Yousaf K. Army has nothing to do with politics: ISPR. The Express Tribune. 10 March 2022. (<https://tribune.com.pk/story/2347314/army-has-nothing-to-do-with-politics-ispr>).

⁵ The Constitution of Pakistan (1973) Part VII: The Judiciary. Chapter 2: The Supreme Court of Pakistan. Article 184 (3). (<https://www.pakistani.org/pakistan/constitution/part7.ch2.html>).

новления получили название *suo moto*, и судьи неоднократно применяли их в отношении политиков и политических партий.

В ходе конституционно-политического кризиса 2022 г. судьи вновь выступили в качестве политического субъекта, издав *suo moto*, которое признало роспуск нижней палаты парламента неконституционным⁶. По итогам все же состоявшегося голосования правительству И. Хана выразили недоверие, и к власти пришло коалиционное правительство оппозиции.

В дни неопределенности ясно обозначили свою позицию военные: начальник штаба сухопутных войск вооруженных сил Пакистана генерал К. Дж. Баджва заявил, что специальную военную операцию России на Украине необходимо «немедленно остановить», а Пакистану необходимо поддерживать «долговременные и безупречные стратегические отношения с США»⁷.

Явное противоречие между риторикой военных и премьер-министра предопределило решение суда. Его вердикт демонстрирует стремление не просто оказаться на стороне победившей оппозиции, а напрямую способствовать ее успеху, удовлетворяя чаяния их вероятных патронов – вооруженных сил Пакистана. Армия и суд выступили в связке, отправив в отставку прежнее правительство и «благословив» новое – вероятно, с расчетом на еще большую его зависимость и управляемость.

Выводы и перспективы

Таким образом, истеблишмент в Пакистане сохраняет полный контроль над ситуацией в стране, избегая прямой конфронтации с гражданским политическим классом. Истеблишмент стремится найти приемлемого политика и поддерживает его до тех пор, пока проводимый курс отвечает национальным интересам Пакистана в понимании ключевых элитных групп.

Устойчивое положение истеблишмента обусловлено общим социальным происхождением его представителей, близостью входящих в него групп к рычагам власти и обеспеченностью ресурсами. В то же время их объединяет общее видение истории Пакистана, его текущего положения и дальнейшей судьбы.

Того же нельзя сказать о политическом классе, который на протяжении всей истории страны никогда не побеждал в противостоянии с истеблишментом, а в последние десятилетия и вовсе стремится продемонстрировать свою солидарность с ним по ключевым вопросам, чтобы избежать открытого конфликта.

Конституционно-политический кризис 2022 г. в Пакистане возник из-за неблагоприятной международно-политической конъюнктуры и осложнялся наметившимися ранее разногласиями между правительством И. Хана и армией. В такой ситуации истеблишмент не встал на сторону премьера в его противостоянии с политической оппозицией, а на пике конфликта даже выступил на стороне протестующих, способствовав смещению руководства страны и изменению ее политического курса в сторону налаживания отношений с Западом.

Ряд политологов и журналистов в Пакистане предполагали, что первое в истории смещение правительства через парламентскую процедуру приведет к трансформации паки-

---

⁶ *Suo Moto Case no. 1. The Supreme Court of Pakistan. 03 April 2022.* (https://www.supremecourt.gov.pk/downloads_judgements/s.m.c._1_2022.pdf).

⁷ *Russian invasion of Ukraine must be stopped immediately: COAS Bajwa. The Dawn. 2 April 2022.* (<https://www.dawn.com/news/1683055/russian-invasion-of-ukraine-must-be-stopped-immediately-coas-bajwa>).

станской политической системы. Представляется, что конституционно-политический кризис в Пакистане 2022 г. свидетельствует не о трансформации системы, а о проявлении большей гибкости и устойчивости ее основ.

Истеблишмент продемонстрировал умение лишать власти политиков без помощи военных переворотов, вмешательства исполнительной власти в лице президента страны и даже без судебных процессов по обвинениям в коррупции, а посредством «парламентского демократического процесса».

Ни одна из противоборствующих сил не выступила против истеблишмента, наоборот – победу в противостоянии достигла сторона, которая заручилась его поддержкой. Можно предположить, что представители политического класса смогут обрести полноценную субъектность, только создав альтернативный нарратив о прошлом, настоящем и будущем страны, который бы был принят широкими слоями среднего класса. В ином случае истеблишмент так и останется главным политическим субъектом страны, что лишней раз продемонстрировал кризис 2022 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белокреницкий В.Я. (2019) Формирование и современное состояние пакистанской нации // *Восток (Oriens)*. № 1. С. 76–91. DOI: 10.31857/S086919080004457-9.
- Замараева Н. А. (2015) Армия и демократические институты в современном Пакистане // *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. № 9. С. 312–327.
- Филимонова А. Л. (2010) Идея Пакистана: предыстория формирования // *Вестник Московского университета*. Серия 13. Востоковедение. № 3. С. 84–101.
- Anderson B. (2006) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism*. London, New York: Verso. 240 p.
- Jatoi S., Mustafa G., Kataria M. (2022) Judicial Activism and Democracy in Pakistan: a Case Study of Chief Justice Saqib Nisar Era // *Pakistan Journal of Social Research*. Vol. 4. Pp. 1–12.
- Lachmann R. (2013) *What Is Historical Sociology?* Cambridge: Polity Press. 176 p.
- Mills C.W. (2000) *The Power Elite*. Oxford: Oxford University Press. 448 p.
- Omissi D. (1994) *The Sepoy and the Raj: The Indian Army, 1860–1940*. London: Palgrave Macmillan. 313 p.
- Raghavan S. (2019) *The Most Dangerous Place*. New Delhi: Penguin Random House India. 472 p.
- Rostow W. (1959) The Stages of Economic Growth // *The Economic History Review*, New Series. No. 1. Pp. 1–16.
- Said E. (1979) *Orientalism*. New York: Vintage Books. 367 p.
- Siddiq A. (2016) *Military Inc. – Second Edition: Inside Pakistan’s Military Economy*. Gurugram: Penguin Random House India. 400 p.
- Waseem M. (2021) *Political Conflict in Pakistan*. London: C. Hurst & Company. 625 p.

REFERENCES

- Anderson B. (2006) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism*. London, New York: Verso. 240 p.
- Belokrenitsky V. (2019) Formirovanie i sovremennoe sostoyanie pakistanskoj nacii [Formation and the Present Condition of Pakistani Nation]. *Vostok (Oriens)*. no. 1, pp. 76–91. DOI: 10.31857/S086919080004457-9.

- Filimonova A. (2010) *Ideya Pakistana: predystoriya formirovaniya* [The Idea of Pakistan: Background of Formation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. no. 3, pp. 84–101.
- Jatoi S., Mustafa G., Kataria M. (2022) Judicial Activism and Democracy in Pakistan: a Case Study of Chief Justice Saqib Nisar Era. *Pakistan Journal of Social Research*. vol. 4, pp. 1–12.
- Lachmann R. (2013) *What Is Historical Sociology?* Cambridge: Polity Press. 176 p.
- Mills C.W. (2000) *The Power Elite*. Oxford: Oxford University Press. 448 p.
- Omissi D. (1994) *The Sepoy and the Raj: The Indian Army, 1860–1940*. London: Palgrave Macmillan. 313 p.
- Raghavan S. (2019) *The Most Dangerous Place*. New Delhi: Penguin Random House India. 472 p.
- Rostow W. (1959) The Stages of Economic Growth. *The Economic History Review, New Series*. no. 1, pp. 1–16.
- Said E. (1979) *Orientalism*. New York: Vintage Books. 367 p.
- Siddiq A. (2016) *Military Inc. – Second Edition: Inside Pakistan's Military Economy*. Gurugram: Penguin Random House India. 400 p.
- Waseem M. (2021) *Political Conflict in Pakistan*. London: C. Hurst & Company. 625 p.
- Zamaraeva N. *Armiya i demokraticheskie instituty v sovremennom Pakistane* [Army and Democratic Institutions in Contemporary Pakistan]. *Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke*. no. 9, pp. 312–327.

Информация об авторе

Макаревич Глеб Григорьевич, младший научный сотрудник Группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: gmakarevich@imemo.ru

About the author

Gleb G. Makarevich, Junior Research Fellow, Group on South Asia and Indian Ocean, Center for Asia Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: gmakarevich@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 2.10.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 30.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 5.11.2022

DOI: 10.31857/S0869049922060041
EDN: FCHBHW

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ SOCIOLOGICAL STUDIES

Оригинальная статья / Original article

Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан¹

© Е.Б. ШЕСТОПАЛ, Н.Н. РОГАЧ

Шестопад Елена Борисовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия), shestop0505@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-4778-4327

Рогач Николай Николаевич, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия), nickolayrogach@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7477-906X

Статья базируется на результатах качественного политико-психологического исследования восприятия России ее гражданами, проведенного весной-летом 2022 г. в 7 регионах страны. Методология включала в себя глубинные фокусированные интервью, неоконченные предложения и качественный контент-анализ. Исследование показало, что под влиянием текущего политического контекста существенно изменились представления граждан России о своей стране. Особенно трансформировалось видение таких глубинных его компонентов, как представления граждан о ее настоящем и будущем. Сделан вывод, что специальная военная операция (СВО) России на Украине стала катализатором преодоления комплекса «национальной неполноценности», который доминировал в обществе до 2014 г., но и под влиянием «крымской весны» не исчез полностью. С началом СВО общество все больше консолидируется вокруг идеи о принципиальной значимости национальных интересов России.

Ключевые слова: массовое сознание, политическое восприятие, образ страны, образ будущего, политические представления, национальная идентичность

Цитирование: Шестопад Е.Б., Рогач Н.Н. (2022) Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан // Общественные науки и современность. № 6. С. 45–61. DOI: 10.31857/S0869049922060041, EDN: FCHBHW

---

¹ Финансирование. Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта № 122101100033-0 «Образ настоящего, прошлого и будущего России в сознании ее граждан» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Funding. The article was prepared within the project no. 122101100033-0 “The image of the present, past and future of Russia in the minds of its citizens” was implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation and the EISR.

Images of the Present and Future of Russia in the Political Mentality of Its Citizens

© E.B. SHESTOPAL, N.N. ROGACH

Elena B. Shestopal, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), shestop0505@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-4778-4327

Nikolay N. Rogach, Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), nickolayrogach@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7477-906X

Abstract. The article is based on the results of a qualitative political-psychological study of the perception of Russia by its citizens, conducted in the spring/summer of 2022 in 7 regions of the country. The research methodology included in-depth focused interviews, unfinished sentences, and qualitative content analysis. It is shown that citizens' perceptions of their country had substantially transformed under the influence of the current political context. Respondents' representations of the present and future have changed especially. It is concluded that the special military operation of Russia in Ukraine became a trigger that launched the process of overcoming the complex of "national inferiority" that dominated in Russian society until 2014, and did not disappear even then. Today one can see that society is increasingly consolidating around the idea of the fundamental importance of Russia's national interests for the country.

Keywords: mass political mentality, political perception, country image, image of the future, political representations, national identity

Citation: Shestopal E.B., Rogach N.N. (2022) Images of the Present and Future of Russia in the Political Mentality of Its Citizens. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 45–61. DOI: 10.31857/S0869049922060041, EDN: FCHBHW

События последнего года вряд ли можно считать обыденным явлением постсоветской политики. Их масштаб и значение еще предстоит теоретически осмыслить, однако уже сейчас можно заметить, что в сознании общества происходит не просто обычная смена текущих состояний, а фундаментальные сдвиги. Они приводят к переоценке многих представлений и ценностей, сложившихся в последние десятилетия, и к формированию нового взгляда на Россию и другие государства. Сравнивая образ своей страны на протяжении последнего – в ретроспективе, весьма стабильного – десятилетия [Шестопал 2021, 90–102] с нынешними представлениями российского общества, следует обратить внимание прежде всего на те изменения, которые произошли в восприятии страны в самое последнее время.

Сами изменения в психологическом состоянии граждан носят как ситуативный, так и более глубинный характер. Вполне очевидно, что после начала СВО произошли и продолжают происходить множественные изменения в самочувствии общества. Так, многие исследователи в период с февраля по май 2022 г. зафиксировали рост тревожности у населения². Уже в ноябре ее уровень явно снизился по сравнению с началом спецоперации. Тревога и, соответственно, потребность в психологической помощи, по данным ВЦИОМ, в ноябре 2022 г. была на 15% выше, чем годом ранее, однако она распределялась в обще-

² Национальный индекс тревожности. Индекс тревожностей – спецпроект 2022. (<https://www.cros.ru/ru/exploration/research/3479/>). Примечательно, что тревога в связи с собственно военной операцией была ниже, чем беспокойство по поводу роста цен и введения Западом санкций в отношении России.

стве неравномерно. Больше всего стрессу были подвержены молодежь 18–24 лет (35%), жители мегаполисов (24%) и активные пользователи интернета (23%)³.

Что касается более глубоких изменений массового политического сознания, то они затронули прежде всего национально-государственную идентичность, которая находилась в глубоком кризисе с распада СССР. Именно события 2014 г. расшатали доминирующий в течение всего постсоветского периода «комплекс национальной неполноценности», после чего общество стало постепенно возвращаться к своим социокультурным основаниям, что ослабило кризис идентичности [Дробижьева и др. 2021; Шабров 2022]. События февраля 2022 г. закрепили фундаментальную тенденцию.

В данной публикации рассмотрены только темпоральные аспекты образа своей страны, а именно представления о ее настоящем и будущем, на которых во многом и сфокусировано восприятие общества в силу остроты текущего момента. Основанием для размышлений стало исследование, проведенное авторами весной-летом 2022 г. Задача статьи – проанализировать те представления о настоящем и будущем России, которые доминируют в сознании респондентов, обращая внимание как на их содержательные аспекты, так и на ту психологическую «оптику», сквозь которую граждане смотрят на свою страну.

Теоретические основания исследования

В основе концептуальной модели исследования лежит политико-психологический подход к интерпретации образа своей страны.

В данной субдисциплине уже не одно десятилетие разрабатывают теорию политического восприятия, которая позволяет понять его структуру и процесс. Важное значение в изучении странового восприятия сыграли работы, посвященные механизмам искажения восприятия, а также страхам и рискам как его факторам [Cohen 1979; Jervis 1976; Alcock, Newcombe 1970; Buzan 1991; Смирнова 2007]. В работах этого направления политическое восприятие направлено на смысловые и оценочные интерпретации тех или иных образов.

Два последних десятилетия политическая психология разрабатывала концептуальную модель анализа образа страны. Свой вклад в ее построение внесли Н.Б. Бокова, Н.С. Виноградова, Т.В. Евгеньева, А.Л. Зверев, М.В. Крымчаниновна, Т.Н. Пищева, М.А. Савельева, А.В. Селезнева, Н.В. Смутькина, В.В. Титов, З.Р. Усманова, Е.Б. Шестопал и И.А. Цымбал. Так, в 2008 г. была опубликована коллективная монография «Образы государств, наций, лидеров», авторы которой сформулировали основные содержательные компоненты образа своей и других стран [Шестопал 2008].

В 2009–2010 гг. на кафедре социологии и психологии МГУ имени М.Л. Ломоносова были проведены научные проекты «Образ России в массовом сознании», «Образ России в сознании политической элиты». В 2012 г. вышла монография «Психология политического восприятия», которая в качестве приоритетных для анализа образа страны выделила следующие параметры: образ современной России; образ прошлого России; национальные символы, события и герои; образ идеальной России; образ будущего России; образ личного будущего; образ народа; политический образ страны; территориальный образ страны; место России в мире [Шестопал 2012]. Образ своей и других стран в России детально проанализировали авторы коллективной монографии «“Они” и “мы”. Образы России и мира в сознании российских граждан» [Шестопал 2021]. Также настоящая статья обращается к работам многих отечественных авторов, ранее изучавших образ будущего России

³ В поисках психологической помощи. ВЦИОМ. 22 ноября 2022. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-psikhologicheskoi-pomoshchi>).

[Нестик 2018; Вилков 2020; Омельченко и др. 2021; Комаровский 2021; Желтикова 2021; Максимова и др. 2021].

Указанные выше исследования стали определенными этапами осмысления природы образов своей страны в российской политической психологии, что позволило разработать свою концептуальную модель, которая легла в основу данного исследования.

Другим теоретическим основанием стали концепции политической темпоральности или политического времени. В работах по данной тематике выделяются два основных подхода.

Первый рассматривает фактор времени в политике с точки зрения ее цикличности и ритмичности. Данную тему в современной российской политической науке одним из первых поднял А.С. Панарин [*Панарин* 1999]. Второй подход, который получил название «хронополитика», изучает темпоральные процессы в политике под несколько иным углом зрения. Он представлен работами В.Л. Цымбурского [*Цымбурский* 2007], В.И. Пантина [*Пантин* 1996], М.В. Ильина [*Ильин* 1995]. Концепция делает акцент на проблеме неоднородности исторического и политического времени, а также на понимании роли времени в реальных политических процессах, а не в отражении этих процессов в сознании людей. Между тем для данного исследования актуален именно анализ того, как временной фактор влияет на восприятие своей страны гражданами. При анализе темпорального фактора изучается влияние времени, которое может быть представлено как в статичном виде (по состоянию на данный момент), так и в сравнении отдельных временных промежутков между собой [*Шестопал* 2015, 21]. Под политическим временем понимается длительность существования политических систем, государственных институтов и стран, а также устойчивость тех или иных отношений между ними. Политическое восприятие существует одновременно в нескольких временных полях, на пересечении которых и рождается актуальный политический образ того или иного объекта. Соответственно, исходя из темпоральных особенностей политического восприятия, можно выделить несколько категорий, которые позволяют системно оценить влияние темпорального фактора на формирование политического образа:

- реальное время – статический срез, в рамках которого политический образ изучают по состоянию на конкретно обозначенный временной промежуток;
- историческое время – ретроспективный срез, в рамках которого политический образ рассматривают в сравнительной перспективе с предыдущими характеристиками политического объекта или их совокупности;
- гипотетическое будущее время – перспективный срез, в рамках которого политический образ сравнивают с гипотетическими или желаемыми респондентом будущими характеристиками политического объекта или их совокупности. Данные категории преломляются в политическом образе и позволяют рассматривать в его рамках такие переменные, как образ настоящего, прошлого и будущего. В данной статье рассмотрены только образы настоящего и будущего.

Описание исследования

Эмпирической базой работы стали результаты исследования восприятия своей страны гражданами России, которое было проведено весной-летом 2022 г. в Москве, Московской, Тюменской, Челябинской, Ростовской, Самарской областях, а также РСО-Алании. Общая численность респондентов составила 91 человек. Исследование носило качественно-количественный характер: перед ним не стояла цель получить данные, репрезентативные для страны в целом. Тем не менее, выборку сбалансировали по параметрам возраста, пола и

уровня образования респондентов, как это принято в качественных исследованиях. Количественные данные приводятся в тексте только для того, чтобы сопоставить нынешние замеры с предыдущими, и иметь возможность судить о направленности этих изменений (их усилении или ослаблении).

Методология исследования включала в себя комплекс методов: фокусированные интервью с вопросами открытого и закрытого типа, метод неоконченных предложений («Россия для меня – это...» и др.). Ответы респондентов проходили процедуру шкалирования и статистического анализа в программном обеспечении для обработки статистических данных (IBM SPSS Statistics и MS Excel). Стенограммы интервью анализировались методом качественного контент-анализа.

Комбинирование стандартизированных методик опроса и качественных методов исследования позволило не только проанализировать рациональные оценки образа России, но и исследовать более глубокие слои политического сознания граждан страны.

Концептуальная модель исходит из того, что структура образа страны включает в себя, во-первых, смысловые элементы: образ власти, образ политического лидера, образ народа, образ территории, геополитический образ страны (ее международную миссию). Каждый из них анализировали по определенным параметрам: шкалам привлекательности, силы и активности. Во-вторых, образы своей страны представляет интерес для данного исследования своей психологической структурой, когнитивными и эмоциональными особенностями, потребностно-мотивационными основаниями, то есть психологической оптикой восприятия.

Инструментарий исследования включает в себя гайд-интервью с блоком вопросов, которые раскрывает содержание политических представлений, установок и социально-политических ожиданий российских граждан от политических лидеров, власти и государства в целом, и семантический дифференциал. Также в статье использованы данные другого эмпирического исследования авторов, посвященного психологическому состоянию российского общества, которое проводилось в тот же период времени по схожей методологии, а также материалы более ранних исследований (см. [Шестопал 2021; Шестопал, Смутькина 2018]). Данные материалы позволяют точнее оценить условия текущего социально-политического контекста и описывать эмоциональное состояние общества, которые определяют политическую «оптику» российских граждан.

Гипотеза. Предполагается, что под влиянием резких изменений политического контекста в связи с началом СВО могут меняться и представления граждан о настоящем и будущем страны. Наряду с ситуативной реакцией на военную угрозу, происходящие события могли запустить более глубокие процессы преодоления кризиса национальной идентичности, который наше общество переживало после распада СССР. Можно ожидать, что респонденты будут достаточно негативно оценивать нынешний образ страны, однако будущее, скорее всего, они будут видеть оптимистично.

Результаты исследования и их обсуждение

Психологические характеристики образа России. Первый блок вопросов в интервью был посвящен тому, как граждане России видят свою страну сегодня, какие чувства к ней испытывают. В рамках данного исследования важно было зафиксировать прежде всего эмоциональные и когнитивные составляющие образа своей страны. Анализ ответов на неоконченные предложения «Россия для меня – это...» показал, что опрошенные в большинстве своем испытывают положительные эмоции по отношению к России. В ответах респонденты чаще всего (63,3%) упоминали понятия «Родина», «Отчизна»,

«родная земля», «мой дом». Примечательно, что участники опроса реже давали когнитивно-сложные, развернутые ответы, что свидетельствует об определенной стереотипизации образа страны.

Для оценки эмоциональной привлекательности (со знаком плюс и со знаком минус) и силы/слабости в образе России граждане должны были перечислить ее сильные и слабые стороны. К сильным сторонам респонденты, прежде всего, относят вооруженные силы и достижения в военной сфере (40,7%), природные богатства, в том числе энергоресурсы и полезные ископаемые (38,5%) и сам российский народ, который обладает уникальным набором морально-нравственных и волевых качеств (35,2%). К слабым сторонам России они причислили экономику – в первую очередь ситуацию в финансовом и промышленном секторах (38,9%).

Исследование показало, что респонденты гордятся богатой историей своей страны, «полной достижений и побед» (33,7%), восхищаются мужеством и героизмом предков, прошедших через суровые испытания прошлых лет, с почтением и уважением относятся к выдающимся деятелям культуры и спорта, первооткрывателям и ученым (15,7%). Особую гордость участники исследования испытывают за самобытный русский народ, который и делает нашу страну великой:

«Мне кажется, что русский народ – это особенная группа людей, которые всегда стоят друг за друга горой и являются носителями уникального и такого родного мне менталитета и образа мышления» (женщина, 17 лет, среднее образование).

Интересен тот факт, что 19,1% респондентов не смогли привести каких-либо конкретных поводов для гордости за свою страну, но, тем не менее, они испытывают положительные чувства по отношению к России на неосознаваемом уровне.

Чувство стыда за свою страну респонденты по большей части испытывают из-за проблем в экономической и социальной сферах, коррупции и кумовства, которые мешают России в полной мере реализовать свой потенциал. Помимо сложностей социально-экономического характера (22%), участников исследования существенно тревожит моральный упадок (19,7%), психоэмоциональное состояние и отсутствие эффективного диалога между властью и людьми (13,2%). Например, такую характеристику современного российского общества дал один из респондентов (мужчина, 51 год, высшее образование): *«Потеряна подлинная духовная связь, генетическое родство с великими предками, измельчали и подменены православные ценности... Отсутствует единая идеология, способная питать личные, гражданские и профессиональные ценности»*.

Говоря о власти, российские граждане представляют себе некий абстрактный образ (83,5%) – размытый (71,4%) и бессубъектный (85,7%). Описывая его, они используют простые односложные предложения (79,1%). Респонденты видят власть преимущественно активной (48,9%) и чрезвычайно сильной (76,6%).

Таким образом, говоря о той психологической «оптике», сквозь которую опрошенные видят свою страну, следует отметить положительные тренды: значительную эмоциональную вовлеченность и позитивное восприятие своей страны. В то же время вызывают тревогу такие особенности восприятия, как нейтральное отношение к России, которое выразили более половины опрошенных, а также рост амбивалентных оценок.

Психологический анализ высказываний опрошенных показал, что в настоящее время возрастает когнитивная сложность образов России. Данная тенденция говорит об изменении самой оптики, которое по-разному затронуло разные составные части образа. Наибольшие изменения коснулись представлений о власти, которую опрошенные стали видеть более эффективной, сильной и активной.

Содержательные элементы образа России

Согласно исследовательской модели, содержание образа страны включает в себя пять элементов: образ власти, образ политического лидера, образ народа, образ территории и геополитический образ. Рассмотрим каждый из них отдельно.

Образ власти. В образе своей страны власть занимает центральное место, что связано с государственноцентричностью российского менталитета. Тем не менее значимость данного элемента не означает, что граждане трактуют власть исключительно позитивно. Скорее наоборот: преобладают негативные (56%) и амбивалентные (22%) оценки. Однако, во-первых, тренд на негативное отношение российских граждан и власти отнюдь не нов – на протяжении всего постсоветского периода фиксировалось преобладание негативных эмоциональных оценок в образе власти [Шестопал 2019, 290–293, 614]. Во-вторых, при общем росте негативных оценок, в то же время в содержании образа власти ее стали чаще оценивать как эффективную (с 10,5% в 2017 г. до 17,8% в 2022 г.).

Устойчивые тренды сохраняются, однако в настоящее время можно увидеть и изменения в восприятии власти как компонента образа России. Так, во-первых, полученные данные свидетельствуют о том, что эмоциональное отношение к власти растет и со знаком плюс, и со знаком минус, в то время как нейтральное восприятие встречается все реже. Также растет тревога, связанная с силовым измерением власти: по сравнению с замером пятилетней давности, значительно увеличилась доля людей, которые считают российский политический режим чрезвычайно жестким (с 8,8% в 2018 г. до 25,6% в 2022 г.). Опрошенные сравнивали власть с *«медленной, тяжелой и неповоротливой машиной, тяготеющей к авторитаризму»* (мужчина, 24 года, высшее образование). Во-вторых, исследование показало расхождение между глубинными пластами восприятия власти как компонента образа своей страны: на эмоциональном уровне ее стали воспринимать лучше, чем раньше, одновременно негативно оценивая ее «авторитарность» на уровне рациональном. Можно предположить, что последние представления сложились под влиянием западных политико-культурных стереотипов, которые проникали в массовое сознание российских граждан извне на протяжении всех постсоветских лет. В-третьих, в образе власти очень усилился компонент силы (с 24,4% в 2017 г. до 76,6% в 2022 г.), что связано с резко возросшей потребностью в безопасности (с 22,8% до 40%) на фоне СВО.

Образы политических лидеров. В российской политической культуре существует устойчивая традиция персонализации власти. В связи с данной тенденцией особый интерес представляют образы лидеров и общественных деятелей. Исследование показало, что наиболее яркой и влиятельной фигурой на российском политическом олимпе остается президент В.В. Путин (30,9%), на втором месте по частоте упоминаний в ответах респондентов находится министр иностранных дел С.В. Лавров (14,7%), на третьем – премьер-министр М.В. Мишустин (10,6%), на четвертом – министр обороны С.К. Шойгу (9,8%). Данные подкрепляются схожими результатами исследований российских социологов⁴. В то же время политическая привлекательность образа В.В. Путина во многом связана не столько с принимаемыми им решениями, сколько с его личностными качествами – уникальным набором морально-нравственных и психологических характеристик, которые приписывают ему опрошенные: *«сила», «решительность», «умение находить выход из сложных ситуаций», «острый ум», «полное служение на грани самопожертвования: Родине, народу конкретному человеку»* и др. Исследования показывают, что качества

⁴ Гришин В. Будущее России. Урал – через призму социологических исследований. ВЦИОМ. (<https://wciom.ru/presentation/prezentacii/budushchee-rossii-ural-cherez-prizmu-sociologicheskikh-issledovaniy>).

образа В.В. Путина четко коррелируют с представлениями россиян об идеальном президенте, что, в свою очередь, обеспечивает высокий уровень доверия со стороны общества [Шестопал, Рогач 2020].

Образ народа. Как отмечалось выше, респонденты считают, что на самобытный русский народ является основой уникальной российской культуры. Участников попросили определить набор качеств, которыми обладают жители России, и описать, как они проявляются в политической жизни государства. В таблицах ниже приведены ответы, сгруппированные в несколько категорий и оцененные по их эмоциональному знаку.

Таблица 1.1

Какие качества, на Ваш взгляд, присущи гражданам России?, %

Table 1.1

What qualities, in your opinion, are inherent for the citizens of Russia?, %

Эмоциональный знак	2017–2018, %	2022, %
Позитивные чувства	72,5	41,1
Негативные чувства	9,6	23,3
Нейтральное отношение	3,1	1,2
Амбивалентные чувства	12,4	34,4
Нет ответа	2,4	0

Таблица 1.2

Какие качества, на Ваш взгляд, присущи гражданам России?, %

Table 1.2

What qualities, in your opinion, are inherent for the citizens of Russia?, %

Категории качеств	2017–2018, %	2022, %
Качества внешности	5,8	11,1
Психологические качества	39,1	48,9
Морально-нравственные качества	42,8	40,0
Профессиональные качества	7,1	0
Другое	2,4	0
Нет ответа	2,7	0

Установлено, что в прошлые годы респонденты чаще позитивно оценивали личностные качества россиян. Амбивалентных оценок также стало больше. На фоне роста позитивного отношения к власти эти данные можно интерпретировать как рост самокритичности в отношении самих себя⁵.

По мнению опрошенных, жители России обладают такими положительными качествами, как: «трудолюбие», «единство», «сила духа», «упорство», «искренность», «открытость и отзывчивость», «простота», «смекаливость» и др. Благодаря данным

⁵ Похожие данные представлены и в исследовании ВЦИОМа. В: Гришин В. Будущее России. Урал – через призму социологических исследований. ВЦИОМ. (<https://wciom.ru/presentation/prezentacii/budushchee-rossii-ural-cherез-prizmu-sociologicheskikh-issledovaniy>).

характеристикам наш народ способен сплотиться вокруг общей идеи или против общего врага, готов пожертвовать собой ради благополучия Отечества.

Одним из наиболее устойчивых качеств русского человека, отражающим его подлинную суть, является *«терпение»*. Однако не всегда данная черта идет гражданам на пользу, особенно в совокупности с традиционными аполитичностью, инертностью и надеждой на *«русский авось»*. Подобную *«смесь»* черт опрошенные считают опасной.

Образ территории. Ответы респондентов на вопрос *«Какими пределами для Вас ограничивается Россия?»* выявили новый тренд в восприятии гражданами своей страны: если в прошлые годы опрошенные по большей части говорили об официальных государственных границах, то в этом году ситуация кардинально изменилась. Почти половина опрошенных (46,6%) заявила, что реальные границы нашей страны намного шире формальных, так как Россия существует там, где живут русские люди.

Намного более значимой для граждан стала идея восстановления исторических границ страны. Они верят, что Россия должна существовать в пределах территорий, *«которые принадлежали России большую часть ее истории»*. В 2017–2018 гг. подобные ответы встречались в три раза реже. Рост популярности идеи во многом связан с событиями на Украине: *«Где однажды был поднят русский флаг, там он опускаться не должен никогда»*.

Говоря о возможных изменениях территориальных границ страны, большинство опрошенных (42,8%) прогнозировало их расширение за счет присоединения ДНР, ЛНР и других юго-восточных регионов Украины. Также некоторые граждане допускают включение в состав России Южной Осетии и Абхазии. Около трети респондентов (30,8%), напротив, считают, что территория страны может уменьшиться в случае, если государство будет втянуто в крупный вооруженный конфликт с блоком НАТО. О сохранении территориального статус-кво в ближайшие 5–10 лет заявило лишь 4,4% граждан. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что события, происходящие сегодня в международной сфере, люди воспринимают как действительно значимые.

Геополитический образ: миссия России на международной арене. Чтобы выявить содержательные характеристики внешнеполитического образа России, участников исследования попросили определить круг ее друзей, союзников, врагов и соперников. Также они обозначили свое понимание необходимой *«корректировки»* внешнеполитического курса страны и предположили, какими *«наш»* видят иностранные граждане.

Согласно полученным данным, главным антагонистом России сегодня выступают страны *«коллективного Запада»*, прежде всего США (*«врагами»* их считает 29,1%, *«соперниками»* – 18,7% граждан) и Европа (*«враги»* – 10,4%, *«соперники»* – 18,7%). *«Лучшим другом»* страны граждане назвали Республику Беларусь (24,2%), на втором месте находится Китайская Народная Республика. К ней россияне относятся более сдержанно, считая Китай верным *«союзником»* (20,3%), который остается таковым, пока ему это выгодно (таб. 2.1, 2.2, 2.3, 2.4.).

Описывая современную геополитическую обстановку, участники исследования отмечали намеренную *«демонизацию»* образа России за рубежом, которая, по их мнению, связана с событиями, происходящими на Украине сегодня (26%) и произошедшими в Крыму в 2014 г. (16,5%). Респонденты считают, что немалую роль в этом процессе играют западные СМИ, которые стремятся сформировать в массовом сознании наших граждан негативно-окрашенный (23,6%), *«искаженный образ России как государства-агрессора»* (28,6%).

В ответах на вопрос об основных приоритетах внешней политики России можно условно выделить две модели поведения на международной арене: *«умеренной»* и *«уверенной»* защиты своих национальных интересов. Первая предусматривает создание

Таблица 2.1

Как Вам кажется, какие страны являются друзьями России?

Table 2.1

In your opinion, which countries are Russia's friends?

Друзьями	2017-2018, %	2022, %
нет друзей	33,9	11
Белоруссия	6,7	24,2
страны бывшего СССР (Казахстан, Киргизия, Узбекистан)	15,5	6,6
Китай	14,8	14,8
другое	14,5	15,4
арабские страны	10,9	1,6
Турция	0,4	1,1
Запад, США	0,5	1,1
нет ответа	2,8	24,2

Таблица 2.2

Как Вам кажется, какие страны являются союзниками России?

Table 2.2

In your opinion, which countries are Russia's allies?

Союзники России	2022, %
нет союзников	4,4
Белоруссия	22,5
страны бывшего СССР	11
Китай	20,3
другое	15,9
армия и флот	3,8
арабские страны (Иран)	1,7
Турция	1,2

Таблица 2.3

Как Вам кажется, какие страны являются врагами России?

Table 2.3

In your opinion, which countries are Russia's enemies?

Враги России	2017-2018, %	2022, %
США	32,4	29,1
Европа	3,6	10,4
НАТО	3,1	5,5
Турция	0,8	0
Китай	1,7	1,7
Украина	10,2	6,6
другое	29,9	12,1
нет ответа	18,3	34,6

Таблица 2.4

Как Вам кажется, какие страны являются соперниками России?

Table 2.4

In your opinion, which countries are Russia's rivals?

Соперниками	апр. 2022, %
США	18,7
Европа	18,1
НАТО	1,7
Турция	2,7
Китай	7,1
Украина	3,3
другое	9,9
нет ответа	38,5

многополярного мира без диктата единоличного гегемона, выстраивание равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами, укрепление статуса России как государства с собственными национальными ценностями, с которыми в полной мере должны считаться другие.

Сторонники второй модели считают, что Россия должна защищать собственные интересы более уверенно, без оглядки на других участников международных отношений: *«нужно дать отпор странам Запада», «чтобы нас боялись и уважали», «чтоб никто не мог диктовать нам свои условия».* Среди главных внешнеполитических задач России данная группа граждан выделяет: *«борьбу с русофобией»,* остановку продвижения блока НАТО на Восток и возвращение *«утраченных после развала СССР территорий».*

Образ желаемого будущего России

Несмотря на сложность текущей социально-политической ситуации в стране и мире, участники опроса сохраняют оптимистичный настрой на будущее: более 54% респондентов считают, что ситуация в России в будущем изменится в лучшую сторону. Лишь 18,7% ожидают ухудшения. Незначительная доля опрошенных (2,2%) уверены, что «Россия будущего» будет такой же, как «Россия настоящего». Полученные результаты показывают, что граждане понимают значимость и масштаб происходящих сегодня политических событий и смотрят в будущее с надеждой, несмотря на то что Россия находится в своеобразной точке исторической бифуркации. Результаты согласуются с социологическими данными ВЦИОМ, согласно которым индекс личного счастья в стране стабилен: так, в октябре 2022 г. он был идентичен мартовским показателям – 66 пунктов (март 2022 г. – 68 пунктов)⁶.

В образе будущего страны опрошенные расставили определенные ценностные приоритеты. Так, на первые места они поставили отстаивание своих национальных интересов и независимость, борьбу за мир и безопасность. Независимость также выделяют как основное условие для перемен к лучшему. Соответственно, параметр входит в образ идеального будущего страны. Данная особенность зафиксирована впервые в этом году (таб. 3, 4).

⁶ Счастье в России: мониторинг. ВЦИОМ. 15 ноября 2022. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-3>).

Таблица 3

Как бы Вы могли определить основные приоритеты внешней политики нашей страны?

Table 3

How would you define the main priorities of our country's foreign policy?

Категории ответов	2022, %
независимость	8,2
безопасность	11,5
борьба за мир	13,2
отстаивание национальных интересов	28
агрессия и провокация	2,8
другое	13,2
нет ответа	23,1

Таблица 4

Какой, по Вашему мнению, должна быть Россия, чтобы жизнь переменялась к лучшему?

Table 4

What, in your opinion, should Russia be in order for life to change for the better?

Категории ответов	2022, %
сильной	12,1
независимой	16,5
демократичной	8,8
сильным игроком на мировой арене (сверхдержавой, гегемоном, лидером и пр.)	1,6
экономически развитой	11,5
сконцентрировать внимание на внутренних вопросах	11
другое	15,4
нет ответа	23,1

Путь к идеальному будущему, которое изменит жизнь к лучшему, по мнению респондентов, лежит не только в достижении более устойчивого статуса на международной арене, но и в перераспределении государственных доходов и заботе о гражданах (таб. 5).

Таблица 5

На какие нужды в первую очередь должны идти государственные средства?

Table 5

To what needs should public funds go in the first place?

Категории ответов	2022, %
развитие экономики	8,2
развитие образования	16,5
развитие медицины	14,8
социальные нужды	29,1
промышленность, технологии	11,5
другое	18,7
нет ответа	1,2

Очевидно: респонденты понимают, что Россию (и мир) ждут изменения, но эти изменения они оценивают скорее оптимистично. Идеальная Россия представляется им независимой и обращенной, прежде всего, на решение своих внутренних проблем – особенно в социальной сфере. Можно сделать вывод, что основной потребностью опрошенных стала «безопасность»: экономическая (независимость от других стран), экзистенциальная (сильная страна, которую уважают и с которой считаются) или социальная (удовлетворение социальных нужд и решение внутривнутриполитических проблем).

По мнению опрошенных, РФ может и должна стать *«процветающей страной, из которой не хочется уезжать»*. Ответственность за благополучие страны и ее жителей участники исследования возлагают прежде всего на власть (51,4%), а не на самих себя (5,7%).

* * *

Первым и наиболее существенным результатом исследования стало подтверждение центральной гипотезы о том, что представления россиян о настоящем и будущем своей страны серьезно трансформировались под влиянием резко изменившегося политического контекста. Однако изменения не ограничились ситуативной «консолидацией вокруг флага»: они затронули глубинные процессы преодоления кризиса национальной идентичности. Представления о слабости и неразвитости России по сравнению со странами Запада, политический цинизм и пассивность, а также негативное восприятие власти и своей страны в целом, которые доминировали с 1991 г. до середины 2010-х гг., пошатнулись в 2014 г., но не исчезли [Шестопап 2021, 92]. С началом СВО у подавляющего большинства общества перечисленные комплексы сменились чувством самоуважения и гордости за свою страну. Впервые в новейшей истории России власть стала вызывать не только уважение, но и *«чувства признательности за поддержку русского народа и русских людей на Донбассе»*, а также гордость (*«Я давно не испытывала к ней такого уважения»*). Граждане начали видеть свою страну независимой и достойной того, чтобы ею гордиться, уважать ее силу и привлекательность. Сделанный вывод подтверждают и данные репрезентативного опроса ВЦИОМ: 61% участников этого исследования убеждены, что СВО сплотила общество, тогда как 20% думает, что операция его разобщила⁷.

Между тем, сложившаяся картина имеет достаточно противоречивый характер. Наряду с общей тенденцией на консолидацию имеют место новые ценностные расколы и центробежные тенденции, которые затрагивают преимущественно отдельные социальные группы: молодежь, жителей мегаполисов, пользователей Интернета. Они не только испытывают под влиянием происходящих событий большой стресс и тревожность, хуже адаптируются к ним, но и не имеют того опыта старших поколений, который позволяет им адаптироваться к сложным ситуациям и не терять ориентиры в настоящем и в будущем.

Отдельные смысловые компоненты образа своей страны (власть, лидеры, территория, народ, миссия страны на международной арене) под влиянием контекста изменились неравномерно: одни трансформировались больше, другие – меньше.

Так, территориальный аспект образа своей страны в сознании граждан не совпадает с ее реальными границами. Большинство респондентов осознают, что изменение российской территории неизбежно, и рассматривают как уже свершившийся факт расширение российской территории за счет присоединения ЛДНР, частей Запорожской и Хер-

⁷ Абрамов К. Символы России: вчера и сегодня. ВЦИОМ. (https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/20221014_K_V_Abramov_Istorija_dlja_budushchego_4.pdf).

сонской областей. В то же время другая категория респондентов допускает сокращение территории в случае военных неудач. Данная категория респондентов эмоционально неустойчива, серьезно напугана и дезориентирована. С ней необходимо работать очень аккуратно.

Граждане воспринимают российскую власть преимущественно негативно, что, тем не менее, нельзя трактовать как новый тренд. Обострение социально-политической ситуации в мире и стране привело к тому, что общество стало более требовательно оценивать стиль политического руководства и конкретные действия властей. В то же время в отдельных аспектах российскую власть стали оценивать как более эффективную.

Восприятие лидеров, с которыми граждане ассоциируют страну, поменялось не столь значительно, как, например, представления о территории или власти. По-прежнему в образе страны доминирует президент и члены его команды. Лидеры оппозиции не вызывают интереса. Примечательно, что граждане чаще находят основание для гордости в образах политических лидеров прошлого, чем в действующих политиках.

Несколько поменялись акценты в оценке миссии нашей страны на международной арене. Совсем недавно ее воспринимали скорее как миротворца, который стремится установить равноправный мир, устраивающий всех участников международных отношений. Сегодня же опрошенные все больше склоняются к необходимости более настойчивой защиты своих национальных интересов.

Под влиянием последних событий трансформировались все три психологические измерения политического времени в восприятии своей страны: реальное время (настоящее в образе страны), ретроспективное историческое время (прошлое в образе страны) и гипотетическое будущее время (идеальный образ будущего страны). Так, настоящее стало центральной фокусной точкой, вытеснив образы прошлого и доминируя над представлениями о будущем. В то же время доминирующий темпоральный срез выглядит достаточно противоречивым и неустойчивым, он очень зависит от изменчивого ситуативного контекста. Такое доминирование настоящего на шкале времени связано, скорее всего, с остротой текущей ситуации.

СВО идет уже достаточно долго, и общество начинает психологически адаптироваться к ней. Тем не менее, для оптимизации этого процесса недостаточно просто грамотно работать со СМИ, подавая тревожащую общество информацию о военных действиях (хотя это делать необходимо). Перед государством и экспертным сообществом стоит куда более сложная задача: выработать единую линию в понимании прошлого, настоящего и будущего, воссоединения со своей историей, наиболее плодотворными традициями российской культуры. Как показало проведенное исследование, при создании смыслового наполнения образа России будущего необходимо не только использовать лучшие практики прошлого, но и формулировать такие цели и ценности применительно к образу будущего, которые будут созвучны с ожиданиями граждан.

Анализ полученных результатов показал, что ситуативные изменения массового сознания, которые носят краткосрочный и неустойчивый характер, ставят перед исследователями много вопросов, ответы на которые только предстоит найти. Так, общая волатильность и неустойчивость настроений не позволяют давать надежные долгосрочные и среднесрочные прогнозы. Следует предположить, что исследователям предстоит уделить больше внимания глубоким психологическим трендам, связанным с неосознаваемыми, эмоциональными аспектами образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вилков А.А. (2020) Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. Т. 20. Вып. 1. С. 64–68.
- Дробужева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А., Кузнецов И.М., Рыжова С.В., Фадеев П.В., Щеголькова Е.Ю., Эндрюшко А.А. (2021) Ключевые консолидаторы российской идентичности // В: Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты. Отв. ред.: Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН. С. 37–48.
- Желтикова И.В. (2021) Образ будущего. Орел: Картуш. 163 с.
- Ильин М.В. (1995) Очерки хронополитической типологии. М. 112 с.
- Комаровский В.С. (ред.) (2021) Образ будущего России глазами молодежи. М.: Аспект-Пресс. 224 с.
- Максимова С.Г., Атясова Н.Ю., Суртаева О.В., Шахова Е.В., Спирина А.С. (2021) Образ будущего России как основа для позитивной идентификации граждан // Society and Security Insights. Т. 4. № 4. С. 77–94.
- Нестик Т.А. (2018) Образ будущего России у представителей поколения Z // Человек и мир. Т. 2. № 2. С. 75–87.
- Омельченко Д.А., Максимова, С.Г., Ноянзина О.Е., Щеглова Д.К. (2021) Образ будущего России у различных поколений: концептуальные основания и результаты эмпирического анализа // Society and Security Insights. Т. 4. № 4. С. 110–140.
- Панарин А.С. (1999) Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во Моск. ун-та. 288 с.
- Пантин В.И. (1996) Циклы и ритмы истории. Рязань: Аракс. 157 с.
- Смирнова А.Г. (2007) Восприятие угрозы в международных отношениях: в поисках теоретических оснований // Политическая экспертиза. Т. 3. № 4. С. 193–208.
- Цымбурский В.Л. (2007) Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН. 543 с.
- Шабров О.Ф. (2022). Национально-государственная идентичность: культура vs идеология? // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Выпуск. 13. Национальная идентичность России: вопросы теории и истории. М.: Издатель Воробьев А.В. С. 221–230.
- Шестопап Е.Б. (ред.) (2021) «Они» и «мы». Образы России и мира в сознании российских граждан. М.: РОССПЭН. 423 с.
- Шестопап Е.Б., Рогач Н.Н. (2020) Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. № 4. С. 166–180.
- Шестопап Е.Б. (отв. ред.) (2019) Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018). М.: Весь мир. 656 с.
- Шестопап Е.Б. (2018) Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия // Социальная психология и общество. № 9. С. 81–90.
- Шестопап Е.Б. (ред.) (2015) Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России. М.: Аргатак-Медиа. 420 с.
- Шестопап Е.Б. (ред.) (2012) Психология политического восприятия в современной России. М.: РОССПЭН. 423 с.
- Шестопап Е.Б. (науч. ред.) (2008) Образы государств, наций и лидеров. М.: Аспект Пресс. 288 с.
- Alcock N.Z., Newcombe A.G. (1970) The Perception of National Power // The Journal of Conflict Resolution. Vol. 14. No 3. Pp. 335–343.
- Buzan B. (1991) People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Boulder: Lynne Rienner Publishers, Inc. 393 p.
- Cohen R. (1979) Threat Perception in International Crisis. Madison: The University of Wisconsin Press. 229 p.

Jervis R. (1976) *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press. 544 p.

REFERENCES

Alcock N.Z., Newcombe A.G. (1970) The Perception of National Power. *The Journal of Conflict Resolution*. vol. 14, no. 3, pp. 335–343.

Buzan B. (1991) *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, Inc. 393 p.

Cohen R. (1979) *Threat Perception in International Crisis*. Madison: The University of Wisconsin Press. 229 p. 4333333

Drobizheva L.M. et al (2021) Klyuchevye konsolidatory rossiiskoi identichnosti [Key Consolidators of Russian Identity]. In: *Soderzhatel'nye osnovy rossiiskoi identichnosti. Regional'nyi i ehtnokul'turnyi konteksty*. Moscow: FNISTS RAN. Pp. 37–48.

Il'in M.V. (1995) *Ocherki khronopoliticheskoi tipologii* [Essays on Chronopolitical Typology]. Moscow. 112 p.

Jervis R. (1976) *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press. 544 p.

Komarovskii V.S. (ed.) (2021) *Obraz budushchego Rossii glazami molodezhi* [The Image of the Future of Russia through the Eyes of Youth]. Moscow: Aspect-Press. 224 p.

Maksimova S.G., Atyasova N.Yu., Surtaeva O.V., Shakhova E.V., Spirina A.S. (2021) Obraz budushchego Rossii kak osnova dlya pozitivnoi identifikatsii grazhdan [The Image of the Future of Russia as a Basis for Positive Identification of Citizens]. *Society and Security Insights*. vol. 4, no. 4, pp. 77–94.

Nestik T.A. (2018) Obraz budushchego Rossii u predstavitelei pokoleniya Z [The Image of the Future of Russia among Representatives of Generation Z]. *Chelovek i mir*. vol. 2, no 2, pp. 75–87.

Omel'chenko, D. A., Maksimova, S. G., Noyanzina, O. E., Shecheglova, D. K. (2021) Obraz budushchego Rossii u razlichnykh pokolenii: kontseptual'nye osnovaniya i rezul'taty ehmpiricheskogo analiza [Images of the Future in Political Science and Public Discourses of Modern Russia]. *Society and Security Insights*. vol. 4, no 4, pp. 110–140.

Panarin A.S. (1999) *Rossiya v tsiklakh mirovoi istorii* [Russia in the Cycles of World History]. Moscow: Moscow University Press. 288 p.

Pantin V.I. (1996) *Tsikly i ritmy istorii* [Cycles and Rhythms of History]. Ryazan: Araks. 157 p.

Shabrov O.F. (2022) Natsionalno-gocudarsvennaja identichnost: kultura vs ideologija? [National-State Identity: Culture vs Ideology?]. *Filosofiya politiki i prava: Ezhegodnik nauchnykh rabot. Vypusk. 13. Natsional'naya identichnost' Rossii: voprosy teorii i istorii*. Moscow: Izdatel' Vorob'ev A.V. Pp. 221–230.

Shestopal E.B. (ed.) (2021) «Oni» i «My». *Obrazy Rossii i mira v soznanii rossiiskikh grazhdan* [“They” and “We”: Images of Russia and the World in the Russian Citizens Consciousness]. Moscow: ROSSPEN. 423 p.

Shestopal E.B., Rogach N.N. (2020) Ideal'nye predstavleniya kak faktor vospriyatiya real'nogo politicheskogo lidera [Representations of an “Ideal” as a Factor of the Perception of a Political Leader in Reality]. *Polis. Politicheskije issledovaniya*. no. 4, pp. 166–180.

Shestopal E.B. (ed.) (2019) *Vlast i lidery v vospriyatii rossiyskikh grazhdan. Chetvert veka nablyudeniy (1993–2018)* [Authorities and Leaders in the Perception of Russian Citizens. A Quarter of a Century of Observations (1993–2018)]. Moscow: Ves mir. 656 p.

Shestopal E.B. (2018) Osobennosti ispol'zovaniya psikhologicheskikh metodov dlya izucheniya politicheskogo vospriyatiya [Psychological Methods in Political Perception Studies]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. no 9, pp. 81–90.

Shestopal E.B. (ed.) (2015) *Putin 3.0: obshchestvo i vlast' v noveishei istorii Rossii* [Putin 3.0: Society and Power in the Contemporary History of Russia]. Moscow: Argamak-Media. 420 p.

Shestopal E.B. (ed.) (2012) *Psychologija politicheskogo vospriyatija v sovremennoj Rossii* [Psychology of Political Perception in Contemporary Russia]. Moscow: ROSSPEN. 423 p.

Shestopal E.B. (ed.) (2008) *Obrazy gosudarstv, natsii i liderov* [Images of States, Nations and Leaders]. Moscow: Aspect Press. 288 p.

Smirnova A.G. (2007) *Vospriyatie ugrozy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: v poiskakh teoreticheskikh osnovanii* [Threat Perception in International Relations: In Search of Theoretical Foundations]. *Politicheskaya ehkspertiza*. vol. 3, no. 4, pp. 193–208.

Tsyburskii V.L. (2007) *Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty 1993–2006* [The Island of Russia. Geopolitical and chronopolitical works 1993–2006]. Moscow: ROSSPEN. 543 p.

Vilkov A.A. (2020) *Obrazy budushchego v politologicheskome i publichnom diskursakh sovremennoj Rossii* [Images of the Future in Political Science and Public Discourses of Modern Russia]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya*. vol. 20, no. 1, pp. 64–68.

Zheltikova I.V. (2021) *Obraz budushchego* [The Image of the Future]. Orel: Kartush. 163 p.

Информация об авторах

Шестопал Елена Борисовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес: Москва, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4, к. 561. Ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Адрес: Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21. E-mail: shestop0505@rambler.ru

Рогач Николай Николаевич, кандидат политических наук, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Адрес: Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21. E-mail: nickolayrogach@gmail.com

About the authors

Elena B. Shestopal, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University. Address: Lomonosovsky prosp., 27. building 4, office 561, Moscow. Leading Research Fellow, Center for Interdisciplinary Studies, Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Address: 51/21, Moscow, Nakhimovsky prosp. E-mail: shestop0505@rambler.ru

Nikolay N. Rogach, Candidate of Sciences (Political Science), Junior Research Fellow, Center for Interdisciplinary Studies, Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Address: 51/21, Moscow, Nakhimovsky prosp. E-mail: nickolayrogach@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 10.10.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 5.12.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 13.12.2022

DOI: 10.31857/S0869049922060053
EDN: FCJOVT

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ CHALLENGES OF DIGITALIZATION

Оригинальная статья / Original article

Умные города в Индии: на пути от теории к практике¹

© И.Ю. ЩЕДРОВ

Щедров Иван Юрьевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), ivanschedro@gmail.com. ORCID: 0000-0002-3477-6320

Данная статья анализирует международное и индийское понимание концепции «умного города», а также характер выполнения национальной программы «Миссия умных городов» (Smart Cities Mission). Представлен обзор ключевых достижений и проблем, связанных с этой инициативой. Отмечено, что отсутствие единого понимания термина и критериев классификации «умных городов» налагает отпечаток на внедрение программы в Индии. Общенациональный подход к модернизации городов, выбранный правительством Индии, еще больше размывает сущность концепции. Так, в программу включены города, которые сильно отличаются по численности населения и уровню социально-экономического развития; инициативы включают как применение передовых технологических решений, так и реконструкцию зданий, облагораживание территорий. Низкие темпы выполнения миссии можно объяснить несколькими причинами. К основным относятся проблемы финансирования, фрагментарный подход к развитию программы, а также нехватка специалистов и материальной базы. Данные причины также обуславливают низкую эффективность программы с точки зрения решения актуальных проблем развития.

Ключевые слова: Индия, умные города, городское развитие, устойчивое развитие, инновации

Цитирование: Щедров И.Ю. (2022) Умные города в Индии: на пути от теории к практике // Общественные науки и современность. № 6. С. 62–74. DOI: 10.31857/S0869049922060053, EDN: FCJOVT

---

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement no. 075-15-2020-783).

Smart Cities in India: Converting Theory to Practice

© I. SHCHEDROV

Ivan Yu. Shchedrov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ivanschedro@gmail.com. ORCID: 0000-0002-3477-6320

This article studies the international and Indian understanding of the concept of “smart city”, as well as the nature of the implementation of the national program “Smart Cities Mission” launched in 2015 in India. An overview of the key achievements and problems associated with the implementation of this initiative is presented. It seems that the lack of a common understanding of the concept and the criteria for classifying “smart cities” leaves an imprint on the implementation of the program in India. The nationwide urban development approach taken by the Government of India further blurs the essence of the concept. In particular, the initiative includes cities and towns different by size and level of socio-economic development; proposed projects include both the implementation of advanced technological solutions and the reconstruction of buildings and landscaping. The low pace of mission implementation is explained by several reasons. They include funding problems, a fragmented approach to the development, and a lack of specialists and material resources. The same reasons determine the low effectiveness of the program in terms of solving urgent development problems.

Keywords: India, smart cities, urban development, sustainable development, innovations

Citation: Shchedrov I. (2022) Smart Cities in India: Converting Theory to Practice. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 62–74. DOI: 10.31857/S0869049922060053, EDN: FCJOVT

С 2000-х гг. Индия позиционирует себя как одного из пионеров цифровой трансформации стран «Глобального Юга». Страна делает ставку на развитие информационно-коммуникационных технологий и цифровой инфраструктуры, активно стимулирует производство микроэлектроники. Для поддержки отечественного бизнеса правительство ввело программы «Делай в Индии» (Make in India), «Цифровая Индия» (Digital India), «Стартап в Индии» (Startup India) и др.

Пожалуй, одним из самых значимых трансформационных процессов в экономике стала урбанизация, которая постепенно деформирует структуру социально-экономических отношений в стране. Несмотря на то что сейчас Индия отстает от Китая, Бразилии и России по показателю урбанизации, высокие темпы роста городского населения (2,3% в год) позволяют говорить о том, что к 2050 г. численность городских жителей удвоится и составит примерно 800 млн человек². Население крупных городов Мумбаи и Дели к этому времени составит 42 и 36 млн человек соответственно. В то же время мировая динамика технологического и инновационного развития превращает города в «столицы» цифровой экономики. По некоторым прогнозам, уже к 2030 г. они будут производить до 75% ВВП Индии³.

² Bhagat R. (2014). Urban Migration Trends, Challenges and Opportunities, Background Paper, World Migration Report 2015, International Organisation for Migration. P 4.

³ The future is urban. Is India prepared? Notes on a 2030 reality report. The Hindustan Times. 20 August 2019. (<https://www.hindustantimes.com/real-estate/the-future-is-urban-is-india-prepared-notes-on-a-2030-realty-report/story-UpVeNpZ5sacseup4KYAFYYO.html>).

Осознавая важность этих макротрендов, руководство страны инициировало программы модернизации городского пространства и совершенствования систем управления. После прихода к власти Индийской народной партии в 2014 г. были введены программы AMRUT (в продолжение программ городского развития, начатых еще в 2005 г.) и HRIDAY. Одним из самых масштабных проектов с точки зрения как географического охвата, так и выделенных финансовых средств стала реализуемая с 2015 г. «Миссия умных городов» (Smart Cities Mission). Ее стратегическая цель – технологическая модернизация ста городов на основе концепции «умного города». В теории инициатива поможет устранить хронические проблемы (среди которых, например, высокий уровень бедности и ухудшающиеся экологические проблемы), таким образом повысив качество жизни 130 млн человек⁴.

Данная статья представляет собой попытку теоретического сопоставления международной концепции «умных городов» и индийской специфики практического воплощения программы. Кроме того, анализируются основные успехи и проблемы миссии на основе данных, собранных за первый квартал 2022 г.

Концепция «умных городов»: от теории к практике

Несмотря на то что термин «умный город» плотно закрепился в научном дискурсе, единого определения понятия не существует. Понимание «умного города» как стратегии развития городских систем появилось в конце 1990-х гг., однако особую популярность концепция получила только спустя 10 лет, когда ее приняли на вооружение крупные цифровые компании. С этого времени теоретическое осмысление прошло три этапа, в рамках которых попытки концептуализации влияли на практику технологического развития. Параллельно появлялись новые термины, которые отразились в схожих по смыслу концепциях «устойчивые города» (sustainable cities, resilient cities), «города будущего» (future cities), «цифровые города» (digital cities) и т. д. [Mircea, Lucian, Sanduleac 2017]. Их возникновение связывают с повышением внимания к вопросам экологии, устойчивого и технологического развития, а также с попытками найти ответы на проблемы социально-экономического характера, вызванные технологической трансформацией, глобализацией, изменением демографической структуры и потребностей общества. Данные вопросы становились предметом изучения со стороны экспертного сообщества и стали частью научного мейнстрима (рис. 1).

Некоторые исследователи рассматривают концепцию «умного города» через призму применения электронных и цифровых решений для улучшения качества городской среды, другие – как стандарт городского управления. В зависимости от изучаемых аспектов, исследовательское сообщество можно условно разделить на четыре группы [Kozłowski, Suwar 2021]. Первая группа использует техно-центричный подход, анализируя, как в городах используют современные технологии для улучшения качества жизни. Вторая рассматривает «умные города» как инструмент развития человеческого капитала за счет улучшения качества образования и повышения роли граждан в процессе принятия решений. Третья группа исследователей больше внимания уделяет институциональным факторам и видит такие города как инструмент для создания благоприятной среды и интегрированных систем, которые упрощают взаимодействие между людьми. Четвертая группа пытается совместить эти подходы в рамках одной концепции. Отдельно следует выделить и группу специалистов, которые описывают «умный город» как социально-политический

⁴ Infographic: The 100 most polluted cities in the world. Al Jazeera. 22 November 2021. (<https://www.aljazeera.com/news/2021/11/22/infographic-the-worlds-100-most-polluted-cities-interactive>).

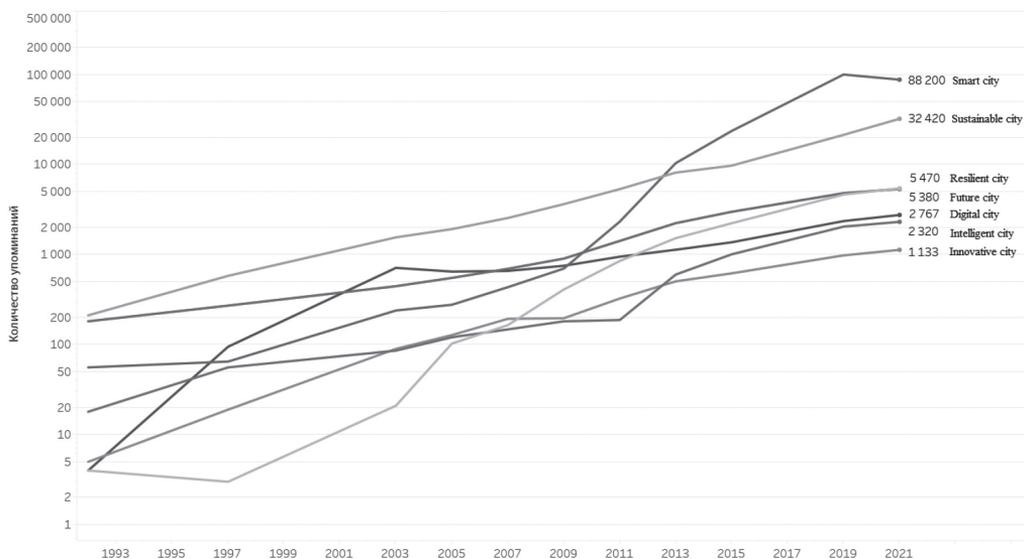

Рисунок 1. Частота упоминаний терминов в научных текстах

Figure 1. Frequency of terms mentioned in scientific texts

Источник: составлено автором на основе данных поисковых запросов в Google Scholar.
Source: compiled by the author based on Google Scholar search queries data.

проект, основанный на нарративе крупнейших ИТ-компаний. Последние, по мнению этих экспертов, используют его как инструмент продвижения своей продукции⁵. Такая позиция связана с распространенным мнением, что любые технологические инновации зачастую могут быть включены в рамки концепции «умного города», а эффективность выполнения проектов может оказаться под вопросом.

Согласно определению, разработанному ЕЭК ООН и МСЭ, «умный устойчивый город – инновационный город, который использует ИКТ и другие средства для повышения качества жизни, эффективности городского управления и конкурентоспособности, обеспечивая при этом удовлетворение потребностей настоящего и будущих поколений в отношении экономических, социальных, экологических, а также культурных аспектов»⁶. Стратегическая консультативная группа ИСО рассматривает «умные города» как «образования, которые постоянно стремятся улучшить результаты социальной, экономической и экологической устойчивости, отвечая на вызовы, связанные с изменением климата, быстрым ростом населения, политической и экономической нестабильности»⁷.

Подобное разнообразие и широта трактовок обуславливает необходимость сформулировать четкие критерии, чтобы определить, какой город можно считать «умным». ООН разрабатывает ключевые показатели эффективности городского развития в рамках

⁵ The 3 Generations Of Smart Cities. Boyd Cohen. Fast Company. 08.10.15. (<https://www.fastcompany.com/3047795/the-3-generations-of-smart-cities>).

⁶ Sustainable Smart Cities. UNECE UN. Housing and land management. (<https://unece.org/housing/sustainable-smart-cities>).

⁷ What are smart cities? ISO. (<https://www.iso.org/sites/worldsmartcity/>).

инициативы U4SSC. Всего было представлено 55 ключевых и 36 дополнительных показателей, которые относятся к трем категориям: экономика, окружающая среда, а также общество и культура⁸. Иная классификация критериев обозначена в рамках следующих международных стандартов: ISO 37101:2016 – Sustainable development in communities – Management system for sustainable development; ISO 37120:2014 Sustainable development of communities; ISO 37123 – Indicators for resilient cities; ISO 37122 – Indicators for Smart Cities. На основе представленных показателей Всемирный совет по городским данным (World Council on City Data) разработал систему сертификации городов. Отдельно отмечено, что при составлении классификации главными проблемами становятся: а) отсутствие единой характеристики «умного города» и б) отсутствие международных показателей для измерения прогресса, сравнительного анализа и стимулирования инвестиций⁹. Существует множество других показателей для оценки качества городского развития: Global Power City Index (Японский институт городских стратегий), the Smarter Cities Ranking (Совет по защите природных ресурсов), Forbes smart city ranking (Forbes), Urban Audit dataset (Евростат) и т. д.

Подходы к классификации охватывают слишком большое количество аспектов городского развития, что приводит к размыванию сущности концепции [*Anthopoulos, Janssen, Weerakkody* 2016]. Многие из показателей не определяют границы концептуальных рамок, некоторые из них косвенно относятся к вопросам развития ИКТ и скорее отвечают представлениям о региональной специфике развития муниципальных образований [*Sharifi* 2019]. Зачастую данные разногласия делают невозможным объективное сравнение, особенно в рамках дихотомии «развитые и развивающиеся страны». Многие страны «Глобального Юга» не формулируют собственное представление о развитии «умных городов», лишь частично дополняя международно-признанную терминологию [*Liao et al* 2017]. В то же время различия в практической плоскости достаточно очевидны.

Конкретным примером могут служить проекты в Индии. Страна формирует общенациональный подход, который получил практическое выражение в Миссии умных городов Индии (Smart Cities Mission). Ее цель – модернизация и создание 100 «умных городов» по всей стране. В Индии нет четкого определения «умных городов»; одна из дефиниций характеризует их как пригодные для жизни, с устойчивой и процветающей экономикой и предлагающие жителям множество возможностей удовлетворить свои интересы¹⁰. Из приведенного определения видно, что особая ставка сделана на человекоцентричном подходе.

На практике включенные в проект города значительно отличаются по своим размерам, уровню финансирования и техническому развитию. Такие масштабные инициативы в рамках целой страны представляют собой попытку модернизации кардинально разных городских образований в рамках одной парадигмы. Зачастую такой подход приводит либо к размыванию сущности концепции «умного города», либо к снижению эффективности с точки зрения практического воплощения. В частности, инициативы можно условно разделить на два кластера. В первый входят проекты, направленные на решение особенно характерных для страны социально-экономических проблем: повышение доступности жилья; развитие системы санитарии, водоснабжения, электроснабжения и утилизации твердых отходов; обеспечение безопасности женщин. Отдельно выделяют вопросы перепланировки города, включая преобразование трущоб и развитие новых территорий, чтобы

⁸ U4SSC Collection Methodology for Key Performance Indicators for Smart Sustainable Cities. 2017. ITU. (<https://www.itu.int/en/publications/Documents/tsb/2017-U4SSC-Collection-Methodology/index.html#p=1>).

⁹ About ISO 37122 – Indicators for smart cities. WCCD. (<https://www.dataforcities.org/iso-37122>).

¹⁰ Mission objectives. Smart Cities Mission. Government of India. (<https://smartcities.gov.in/about-scm>).

предоставить населению городских агломераций комфортное и доступное жилье. Второй кластер объединяет общие задачи – повышение уровня городской мобильности (в том числе за счет общественного транспорта), эффективное управление при участии граждан, поддержание устойчивости окружающей среды, обеспечение безопасности и защищенности. Неотъемлемыми элементами в данном кластере также выступают повышение уровня здравоохранения и образования, развитие связи и цифровизация.

В целом, в понимание «умного города» включены, прежде всего, достойный уровень жизни, устойчивость окружающей среды и внедрение «умных» решений. Одновременно особое внимание уделяется устойчивому и инклюзивному развитию. Такое представление соотносится с международным, однако акцент сделан именно на социально-экономическом развитии города через повышение благосостояния его жителей. Поставленных целей планируется достигать путем предоставления базовых услуг и улучшения городского планирования. Использование такого подхода обусловлено крайней необходимостью модернизации городов с учетом текущего уровня их развития и тенденций роста населения. Таким образом, концептуальную значимость имеет «инклюзивное» развитие городов с упором на повышение качества жизни низших слоев, что и отличает эту инициативу от мировой практики строительства «умных городов».

Миссия умных городов: основные характеристики

Программа «Миссия умных городов» была введена 25 июня 2015 г. как совместный проект Министерства городского развития Индии (Ministry of Housing and Urban Affairs), правительств штатов и союзных территорий. Национальный проект общей стоимостью 26,6 млрд долл. (47% от общей суммы – расходы центрального и региональных правительств) планировали завершить за пять лет, однако сроки окончания перенесли на 2023 г. Основная цель миссии – экономический рост и повышение качества жизни за счет применения «умных» технологий. В то же время правительство Индии надеется, что успешные проекты стимулируют приток инвестиций, создадут эффект подражания и послужат стимулом для развития соседних регионов.

Инициатива предполагает два направления модернизации городов: а) территориальное развитие; б) общегородская модернизация. В первом случае подразумевается, что решения будут внедряться в определенных районах города. Во втором случае системы внедряются на территории всего муниципального образования.

Правительство провело 4 этапа конкурса, чтобы выбрать города для включения в программу. На основе предложений по инфраструктурному развитию каждый штат и союзная территория должны были предоставить шорт-лист городов для национального конкурса. Для включения в него городу нужно было собрать наибольшее количество баллов по категориям: а) качество услуг, б) институциональные возможности, в) самофинансирование, г) реформы. Далее в зависимости от качества предложенной заявки город проходил отбор в рамках одного из четырех этапов национального конкурса. Важно отметить, что предлагаемый в заявке план развития должен был соответствовать и неформальным критериям, среди которых: а) увеличение выработки энергии из возобновляемых источников; б) модернизация систем водоснабжения и переработки отходов; в) модернизация транспортной системы; г) повышение доступности жилья и т. д.

В каждом городе создали специализированный орган (special purpose vehicle), членами которого стали представители центрального и регионального правительств, органов местного самоуправления, а также специалисты из консалтинговых фирм. Орган служит связующим элементом в области ГЧП, одна из его задач – привлекать финансовые средства

под проекты. С целью контролировать проведение миссии создают специализированные комиссии на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Также в каждом городе формируют интегрированные центры контроля и управления (integrated command and control centres) – по своей сути узловые механизмы по обработке информации и анализу больших данных для эффективного принятия решений в случае кризисных ситуаций и происшествий.

Одним из императивов правительства Н. Моди в отношении развития регионов Индии выступает принцип «кооперативного и конкурентного федерализма» (Cooperative and Competitive Federalism): центральное правительство поддерживает здоровую конкуренцию между штатами, а также развивает инструменты, направленные на повышение обмена опытом между ними. Программа в области «умных городов» не стала исключением. Были созданы онлайн-платформы для обмена данными в области городского развития и поиска наилучших решений в сфере муниципального управления. К ним относятся платформы Urban Data Exchange (IUDX) и Smart Cities Open Data Portal, а также программное обеспечение SmartCode. Помимо прочего, правительство внедрило системы оценки городского развития на основе индексов – Ease of Living Index (EoLI) и Municipal Performance Index (MPI)¹¹.

Основные достижения и проблемы миссии

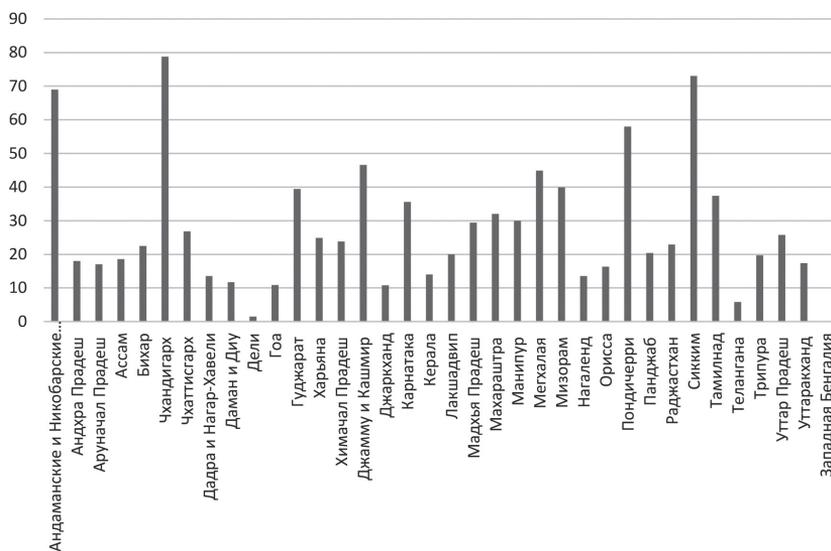
Большое количество отобранных в результате конкурса городов находятся в штатах Тамилнад, Уттар-Прадеш, Махараштра, Карнатака, Мадхья-Прадеш и Гуджарат. Меньше всего городов было выбрано из Джаркханда, Харьяны, Кералы, Ориссы и Теланганы. Статистика показывает диспропорции в географическом охвате проектов. Так, доля населения, проживающая в выбранных городах, сильно разнится в зависимости от штата и союзной территории (рис. 2). Города существенно отличаются размерами и численностью населения. Например, в программу включен город Каваратти, численность населения которого составляет 11 201 человек, и Дели, в котором проживает более 12 млн человек.¹²

Кроме того, видны диспропорции в скорости работы по программам. По состоянию на начало 2022 г. были одобрены 6686 проектов на общую сумму 23,36 млрд долл. Тем не менее только половина из них (3371) числилась завершенными, их общая стоимость составляет 7,16 млрд долл. Лишь 37 из 100 городов завершили более половины проектов. По количеству утвержденных инициатив лидируют штаты Карнатака (826), Мадхья-Прадеш (805), Уттар-Прадеш (667), Тамилнад (652) и Раджастан (542). Меньше всего проектов одобрено в Манипуре (11).

Значительная часть выполненных проектов относится к вопросам развития городских территорий (реконструкция зданий, модернизация парков и пр.), транспортной системы, энергетики, здравоохранения, систем канализации, водоснабжения и управления отходами (рис. 3). Следует отметить, что выделенные средства распределяются относительно равномерно. Больше всего финансовых ресурсов было направлено на развитие территорий (15%), энергетики (14%), цифровизации (12%), системы водоснабжения (12%), системы канализации и санитарии (10%). В то же время значительно меньше внимания уделяется вопросам общественной безопасности, защите окружающей среды и повышению доступности городской среды.

¹¹ Rankings for Ease of Living Index 2020 and Municipal Performance Index 2020 announced. Ministry of Housing and Urban Affairs. Government of India. 4 March 2021. (<https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1702417>).

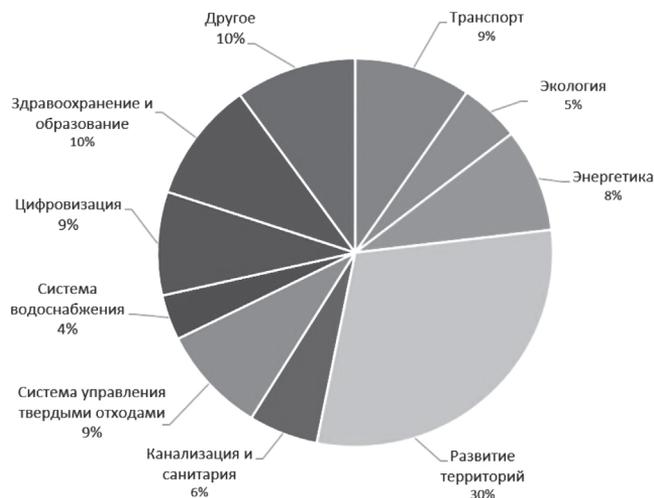
¹² Rumi Aijaz. India's Smart Cities Mission, 2015–2021: A Stocktaking. 2021; ORF Special Report № 155. August. Observer Research Foundation. P. 6.

Рисунок 2. Процент городских жителей штата/союзной территории, проживающих в городах, участвующих в инициативе

Figure 2. Percentage of city dwellers in a state/union territory living in cities that participates in the initiative

Источник: составлено автором на основе официальных данных Миссии по состоянию на март 2022 г., статистики Резервного Банка Индии (РБИ) и данных переписи населения Индии за 2011 г.
 Source: compiled by the author based on Mission official data as of March 2022, Reserve Bank of India (RBI) statistics and 2011 Indian Census data.

Рисунок 3. Секторальное распределение завершённых проектов

Figure 3. Sectoral distribution of completed projects

Источник: составлено автором на основе официальных данных Миссии умных городов по состоянию на март 2022 г.

Source: compiled by the author based on the Smart Cities Mission official data as of March 2022.

Рисунок 4. Кластеризация городов методом главных компонент на основе распределения проектов по секторам

Figure 4. Clusterization of cities based on distribution of projects by sector using principal component analysis

Источник: *составлено автором на основе официальных данных Миссии умных городов по состоянию на март 2022 г.*

Source: *compiled by the author based on the Smart Cities Mission official data as of March 2022.*

Чтобы определить, насколько гомогенна политика городов в развитии различных аспектов миссии, автор провел кластеризацию на основе метода главных компонент (principal component analysis, PCA). Метод позволяет анализировать наборы данных, которые имеют большое количество признаков. Снижение размерности достигается за счет линейного преобразования многомерных данных (в данном случае 14 измерений) для отображения в двух измерениях и представления в виде групп городов со схожими характеристиками. Данный анализ показал, что города Индии не придерживаются единой политики в области развития своих территорий, акцентируя внимание на различных аспектах в рамках миссии. Отсутствие каких-либо городских кластеров (скопление точек в одном месте) на рисунке 4 является визуальным отображением такой дифференциации в области городского развития.

В 2020 г. на фоне пандемии COVID-19 муниципальным властям рекомендовали ускорить выполнение проектов в области здравоохранения. Были быстро созданы мобильные приложения, колл-центры и цифровые платформы, которые позволяли получать оперативную информацию о распространении болезни и об уровне нагрузки на местные медицинские учреждения. В сборе информации и оповещения населения особую роль играли интегрированные центры контроля и управления; к концу 2022 г. количество таких цен-

тров достигло 100 единиц. С помощью системы ГИС производилось картирование очагов инфекции, а система GPS помогала отслеживать местоположение машин скорой помощи и сотрудников медицинских учреждений. Города обладают разными возможностями по цифровизации и работе с оперативными данными. Некоторые из них, например, Шиллонг и Солапур, выделяли незначительную долю своего бюджета на развитие таких центров, что в итоге сказалось на возможностях анализа и обработки данных.

Ряд проблем ограничивают скорость и качество государственной инициативы – что касается сферы финансирования, то многие штаты и союзные территории не смогли предоставить средства, соразмерные объему финансирования со стороны центрального правительства. Специализированные органы (SPV) по сути представляют собой компании с ограниченной ответственностью, контрольный пакет акций которых принадлежит государству. Привлечение средств может происходить за счет традиционных (собственные доходы городов, ассигнования со стороны правительства штата) и нетрадиционных источников (двойное финансирование программ, торговля муниципальными облигациями, объединение долговых обязательств, использование инвестиционных фондов, помощь со стороны Азиатского банка развития и Всемирного Банка). Однако не все штаты и города способны пользоваться этими инструментами в равной степени. Кроме того, из-за рыночных механизмов и высокой роли частных капиталовложений предпочтение отдают наиболее рентабельным проектам, а не инициативам по повышению устойчивости городов или уменьшению неравенства среди их жителей. В результате городам, отобраным на четвертом этапе национального конкурса, пришлось корректировать свои заявки, чтобы соответствовать критерию финансовой самообеспеченности.

Другая проблема – некоторое несоответствие национальной программы международным практикам и стандартам развития «умных городов». Характер развития программ можно назвать фрагментарным. Отсутствие конкретного понимания концепции «умного города» и четких терминологических границ приводит к тому, что зачастую в миссию включают все области городского развития. На практике данная тенденция приводит к тому, что в рамках одной миссии параллельно создают интегрированные центры управления городскими данными и центры обучения рукоделию, внедряют проекты модернизации общественных пространств, строят общественные туалеты, фонтаны и амфитеатры, реконструируют стадионы. Значительная доля проектов не соответствует целям устойчивого развития: так, примерно 40% инициатив в области транспорта направлены на расширение дорожной инфраструктуры, и лишь малая часть – на развитие общественного транспорта. Правительство часто критикуют за несоответствие проводимых проектов целям миссии¹³.

Следует отдельно подчеркнуть, что Миссия умных городов в значительной степени пересекается с более ранними программами городского развития, а также с инициативами на региональном и муниципальном уровнях, что приводит к проблемам двойного финансирования, трудностям в распределении ответственности и неэффективности использования доступных ресурсов [Praharaaj, Han, Hawken 2018]. Так, в стране одновременно выполняются программы AMRUT, «Программа развития и расширения городов, являющихся частью национального наследия» (HRIDAY), программа повышения доступности жилья (Pradhan Mantri Awas Yojana), «Программа Чистая Индия» (Swachh Bharat Abhiyan).

¹³ Nirupam B., Biberman J. India's Smart City Program: Challenges and Opportunities. ICT India Working Paper No. 62. 2021. P. 19.

Существует также проблема нехватки специалистов различного профиля. Она в первую очередь касается специалистов и экспертов в области городского развития. Сейчас у многих городов нет генеральных планов развития. Практика показала, что в значительной части конкурсных заявок не учитывали реальные потребности города. Также создаваемые технические системы требуют большого количества высококвалифицированных трудовых ресурсов для управления системами и их технического обслуживания.

Наконец, наблюдается общая фрагментарность развития программы – с точки зрения как географического распределения проектов, так и спектра внедряемых систем. Сравнительно мало внимания уделяется общественной, природной и техногенной безопасности в контексте развития интернета вещей (internet of things, IOT).

В то же время нельзя не отметить успешные примеры миссии. В Индии каждому городу присваивают индекс легкости жизни (The Ease of Living Index), который делят на две категории в зависимости от численности населения городов. В рейтинге городов с численностью населения больше миллиона человек на высоких позициях находятся Бангалор, Пуна, Ахмедабад, Ченнаи и Сурат. В категории городов с населением меньше одного миллиона человек были выделены Шимла, Бхубанешвар, Силваса, Какинада и Салем. По показателю индекса эффективности муниципалитетов (municipal performance index) лидерами стали Индор, Сурат, Бхопал, Пимпри-Чинчwad и Пуна в первой категории, муниципальная корпорация Нью-Дели, Тирупати, Гандинагар, Карнал и Салем – во второй. Кроме того, ежегодно проводится конкурс городских проектов Smart Cities India Awards 2022, по итогам которого определяют наиболее успешные инициативы в 16 различных направлениях¹⁴.

Ряд специалистов отмечают успехи Нью-Дели, где в программе участвует небольшая территория в центре города. Власти уделили большое внимание модернизации и созданию новых общественных пространств, а также развитию транспортной инфраструктуры, в частности, системы парковок. Другим успешным примером можно считать город Индор, который находится в штате Мадхья-Прадеш. Значительная часть средств была направлена на создание системы переработки отходов и ликвидацию мусорных свалок. Уже в шестой раз подряд этот город признают самым чистым в Индии. Еще одним положительным примером можно считать проекты в священном для индусов городе Варанаси, где большое значение придать облагораживанию территорий, развитию системы ликвидации отходов и созданию цифровых платформ, что особенно важно в контексте развития города как одного из главных туристических направлений страны. Успеху инициатив способствовали грамотные планы развития городских территорий, в которых четко были определены инструменты, необходимые для решения городских проблем.

Выводы

Концепция «умного города» плотно закрепилась в международном научном дискурсе, однако наличие различных трактовок и отсутствие четкого понимания концепции влияет на проекты в сфере городского развития. Данная проблема особенно характерна для развивающихся стран, в частности – Индии.

В стране с 2015 г. действует проект по модернизации ста городов. Подобные инициативы в рамках одной парадигмы объединяют в себе разные по масштабу и уровню социально-экономического развития города, которые сталкиваются с разными проблемами. Такой подход

¹⁴ Smart Cities India 2023 Awards. Smart Cities India Expo. (<https://www.smartcitiesindia.com/smart-cities-india-awards.aspx>).

зачастую приводит либо к размыванию сущности концепции «умного города», либо к снижению эффективности инициатив. В частности, в рамках одной программы правительство Индии, с одной стороны, внедряет передовые технологические решения, с другой – ведет развитие инфраструктуры и облагораживание городов. Можно сделать вывод, что концепция «умного города» стала маркетинговым инструментом для модернизации городов в соответствии с мировыми трендами технологического развития – по крайней мере, в страновой специфике и до тех пор, пока не определены ее четкие границы.

Несмотря на значительные достижения, к которым относятся, в частности, строительство интегрированных центров контроля и управления, создание интернет-порталов и мобильных приложений, развитие интеллектуальной транспортной системы и т. д., города все еще сталкиваются с множеством проблем. Они связаны с: а) вопросами финансирования; б) фрагментарным подходом в развитии программы; в) нехваткой специалистов и материальной базы. Выделенные проблемы влияют на скорость и качество выполнения проектов в контексте решения актуальных социально-экономических проблем. Во многом по этой причине за семь лет существования миссии только половина всех проектов значатся завершенными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Anthopoulos L., Janssen M., Weerakkody V. (2016) A Unified Smart City Model (USCM) for Smart City Conceptualization and Benchmarking // *International Journal of Electronic Government Research*. No. 12. Pp. 77–93.

Kozłowski W., Suwar K. (2021) Smart City: Definitions, Dimensions, and Initiatives // *European Research Studies Journal*. Vol. 24. Special Issue 3. Pp. 509–520.

Liao, S., Chen, X., Qian, Y., Shen, L. (2017) Comparative Analysis of the Indicator System for Guiding Smart City Development. In: Wu, Y., Zheng, S., Luo, J., Wang, W., Mo, Z., Shan, L. (eds) *Proceedings of the 20th International Symposium on Advancement of Construction Management and Real Estate*. Springer. Pp. 575–593.

Mircea E., Lucian T., Sanduleac M. (2017) The Smart City Concept in the 21st Century // *Procedia Engineering*. No. 181. Pp. 12–19.

Praharaj S., Han J.H., Hawken S. (2018) Urban Innovation through Policy Integration: Critical Perspectives from 100 Smart Cities Mission in India // *City, Culture and Society*. No. 12. Pp. 35–43.

Sharifi A. (2019) A Critical Review of Selected Smart City Assessment Tools and Indicator Sets // *Journal of Cleaner Production*. No. 233. Pp 1269–1283.

REFERENCES

Anthopoulos L., Janssen M., Weerakkody V. (2016) A Unified Smart City Model (USCM) for Smart City Conceptualization and Benchmarking. *International Journal of Electronic Government Research*. no. 12, pp. 77–93.

Kozłowski W., Suwar K. (2021) Smart City: Definitions, Dimensions, and Initiatives. *European Research Studies Journal*. vol. 24, special issue 3, pp. 509–520.

Liao, S., Chen, X., Qian, Y., Shen, L. (2017) Comparative Analysis of the Indicator System for Guiding Smart City Development. In: Wu, Y., Zheng, S., Luo, J., Wang, W., Mo, Z., Shan, L. (eds) *Proceedings of the 20th International Symposium on Advancement of Construction Management and Real Estate*. Springer. Pp. 575–593.

Mircea E., Lucian T., Sanduleac M. (2017) The Smart City Concept in the 21st Century. *Procedia Engineering*. no. 181, pp. 12–19.

Praharaj S., Han J.H., Hawken S. (2018) Urban Innovation through Policy Integration: Critical Perspectives from 100 Smart Cities Mission in India. *City, Culture and Society*. no. 12, pp. 35–43.

Sharifi A. (2019) A Critical Review of Selected Smart City Assessment Tools and Indicator Sets. *Journal of Cleaner Production*. no. 233, pp. 1269–1283.

Информация об авторе

Щедров Иван Юрьевич, младший научный сотрудник Группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: ivanschedro@gmail.com

About the author

Ivan Shchedrov, Junior Research Fellow, Group on South Asia and Indian Ocean, Center for Asia Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: ivanschedro@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 1.10. 2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 20.10. 2022

Статья принята к публикации / Accepted: 29.10. 2022

DOI: 10.31857/S0869049922060065
EDN: FCJTBN

Оригинальная статья / Original article

Виртуализация городского пространства: социально-политические перспективы и риски

© А.Л. БАРДИН

Бардин Андрей Леонидович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), andreybardin@gmail.com. ORCID: 0000-0001-9526-9763

Исследованы существующие и перспективные подходы и стратегии использования инструментария метавселенных, с помощью которых в городах могут быть решены задачи социально-экономического и политического развития. Показаны основные точки роста и проблемные аспекты, связанные с технологиями виртуальной и смешанной реальности и ростом их влияния на общество. Обозначены наиболее перспективные практики, которые могут положительно воздействовать на развитие виртуального сегмента городского пространства как способа повысить качество жизни населения.

Ключевые слова: город, метавселенная, ИКТ, виртуальное пространство, цифровой двойник, метаэкономика, ценностные размежевания, цифровые разрывы

Цитирование: Бардин А.Л. (2022) Виртуализация городского пространства: социально-политические перспективы и риски // Общественные науки и современность. № 6. С. 75–88. DOI: 10.31857/S0869049922060065, EDN: FCJTBN

Virtualization of Urban Space: Socio-Political Perspectives and Risks

© A. BARDIN

Andrei L. Bardin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), andreybardin@gmail.com. ORCID: 0000-0001-9526-9763

Abstract. Existing and possible approaches to the use of metaverse digital tools by cities with the goals of solving the problems of socio-economic and political development are examined, as well as several metaverse strategies of cities. Advantages and disadvantages associated with the use of virtual and mixed reality technologies are considered. The article outlines policy tools that potentially can have a positive impact on development of virtual space beneficial for the citizens' quality of life.

Keywords: city, metaverse, ICT, virtual space, digital twin, value cleavages, meta-economy, digital divides

Citation: Bardin A. (2022) Virtualization of Urban Space: Socio-Political Perspectives and Risks. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 75–88. DOI: 10.31857/S0869049922060065, EDN: FCJTBN

В современном мире крупные города – в особенности мегаполисы – выступают центрами развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе цифровых. Данные технологии пронизывают практически все измерения современной городской политики. Они создают новые возможности для работы, образования, коммуникаций, финансовых операций и досуга, которые быстро становятся привычными: кажется, что вызвать такси через приложение или оплатить счета за коммунальные услуги онлайн можно было всегда. Стратегии развития современных городов редко обходятся без концептуализации будущего города как «умного» или «цифрового» [Barlow, Levy-Bencheton 2018], а ключевые международные рейтинги городов считают скорость доступа к Wi-Fi и качество электронных государственных услуг важными индикаторами уровня жизни. Судя по масштабам феномена «технологического бессознательного» [Trift 2004], можно ожидать, что в ближайшие годы мегаполисы станут не только площадкой для апробации новых цифровых решений, которые развивают виртуальные измерения городов, но и будут двигаться в направлении взаимодействия и, возможно, конвергенции реального и виртуального пространств.

Виртуализация городского пространства – процесс, который начался задолго до массового развития цифровых технологий в нынешнем его виде. Еще до становления «сетевое общества» [Castells 1992] образ города складывался в результате деятельности писателей, художников, создателей кинофильмов, со слов путешественников и журналистов. Мысленно пройтись по улицам города помогали книги, фильмы и другие артефакты культуры. Сегодня цифровые технологии вывели эту возможность на принципиально новый уровень. Так, благодаря образовательному проекту Discovery Tour от игровой студии Ubisoft появилась уникальная возможность пройтись по городам Древней Греции и Древнего Египта, воссозданным в играх серии Assassin's Creed¹, а в мире игры Minecraft энтузиасты возводят копии как реальных городов вроде Лондона и Нью-Йорка, так и фэнтезийных –

¹ Discovery Tour. Ubisoft. (<https://www.ubisoft.com/en-gb/game/assassins-creed/discovery-tour>).

Королевской гавани из сериала «Игра престолов» или Новиграда из цикла рассказов о ведьмаке Геральте.

«Виртуальный город» (виртуальное измерение городского пространства) – один из наиболее интересных объектов анализа, ведь он находится в стадии становления, и с каждым годом грани его потенциала расширяются. Интерес к данной теме возрос в последние годы на фоне пандемии COVID-19: в кризисный период виртуальная сфера оказалась важным средством выживания для специалистов многих отраслей. Так, проект Berlin(a) live² под эгидой властей германской столицы открыл музыкантам и исполнителям доступ на «виртуальную сцену»: они смогли организовать онлайн-трансляции своих выступлений и получать денежные взносы от зрителей. В ситуации, когда концертные площадки, клубы и театры были закрыты, для многих артистов такой формат оказался единственным средством заработка.

В то же время неоднозначные и противоречивые последствия внедрения новых цифровых технологий наиболее остро ощущают в крупных городах – особенно в мегаполисах. Возникают новые и усиливаются застарелые социально-политические разделения, в том числе «цифровое неравенство» и «цифровые разрывы» (digital divides) [van Dijk 2020]. Исследователи российского Института развития информационного общества под цифровым разрывом понимают «новый вид социальной дифференциации, связанный с обладанием различными возможностями использования современных ИКТ» [Глоссарий... 2009, 62]. Цифровые разрывы имеют и важные политические последствия: возникают ярко выраженные различия и разделения между теми, кто использует, или, напротив, не использует цифровые инструменты для участия в общественной и политической жизни [Norris 2001].

Цифровые технологии не только создают новые возможности, но и несут в себе множество рисков, усиливая социальное неравенство. Между тем, взаимодействие человека с цифровой реальностью становится интенсивнее. Данная работа фокусируется на главных проблемных аспектах и точках роста использования городами инструментария «метавселенных»: трехмерных пространств расширенной реальности (XR), объединяющих дополненную реальность (AR, цифровое изображение накладывается на объект в реальном мире), виртуальную реальность (VR, существует только в цифровом мире) и смешанную реальность (MR, цифровой объект взаимодействует с объектом в реальном мире). Целый ряд городов мира намерены адаптировать те или иные инструменты из арсенала метавселенных для собственного развития, некоторые уже представили и соответствующие комплексные программы. Во многом подобные заявления стали следствием высоких ожиданий рынка от новой технологии, которую многие эксперты считают «будущим интернета»: так, по оценке компании McKinsey, к 2030 г. стоимость коммерческого использования метавселенных достигнет 5 трлн долл. В результате возникнет «метаэкономика» – совокупность взаимодействий, связанных с созданием продуктов и услуг для виртуального пространства³.

Еще до обострения кризиса вокруг Украины в начале 2022 г. технологию встречали со скептицизмом: 46% респондентов – инноваторов, политиков, бизнесменов, исследователей и экспертов – в опросе Pew Research Center выразили мнение, что в ближайшие годы метавселенная не сможет обрести подлинную иммерсивность (обеспечить эффект полного погружения в виртуальную среду) и не станет значимой частью повседневной

² Berlin (a)live: Livestreams für kulturelle Events aus Berlin, (<https://www.berlinalive.de>).

³ Value creation in the metaverse. McKinsey & Company. June 2022. (<https://www.mckinsey.com/business-functions/growth-marketing-and-sales/our-insights/value-creation-in-the-metaverse>).

жизни⁴. Эксперты указывали, что поддержание работы масштабных виртуальных миров потребует беспрецедентных вычислительных мощностей и огромных затрат энергии. Обострение энергетического кризиса на фоне сложной геополитической обстановки сделало данный аргумент еще более значимым. Однако представляется, что, несмотря на ограничения, в том или ином виде отдельные элементы метавселенной все же будут интегрировать в виртуальное пространство городов – прежде всего в качестве площадки для экспериментов и тестирования инноваций. Соответственно, они заслуживают изучения.

В качестве основного метода в данной статье применен контент-анализ стратегий развития городов и других документов городских администраций, а также научного и общественного дискурса. В силу обширности тематического поля рассмотрены те аспекты вопроса, которые сами городские администрации считают приоритетными.

Метавселенная объектов

Технологию «цифрового двойника» на протяжении длительного времени широко применяют на практике, что делает ее одним из наиболее продвинутых инструментов метавселенной. Цифровой двойник – виртуальная модель, которая отвечает на вопрос о том, что изменится вследствие тех или иных перемен в городской среде. Среди ключевых преимуществ этого инструмента можно выделить, во-первых, оперативность информирования. В классической статистике сбор данных требует значительного времени, за которое они успевают устареть, цифровая же модель обновляется в режиме реального времени на основе сведений датчиков интернета вещей. Во-вторых, цифровой двойник позволяет отчасти решить проблему невозможности эксперимента: например, в нем можно смоделировать виртуальное наводнение, чтобы понять, какие районы города наиболее пострадают от него, и принять превентивные меры. Так, власти Хельсинки работают над интеграцией 3D-моделей города-спутника Эспоо с данными, поступающими в режиме реального времени: результатом должна стать модель, с помощью которой можно прогнозировать кризисные ситуации и методы реагирования на них. В Москве цифровой двойник города используют в строительстве, чтобы оценивать, как новое здание впишется в архитектурный облик столицы.

Цифровую модель можно применять и для решения проблем социально-политического характера: например, чтобы анализировать уровень доступности образования и принимать меры, чтобы гарантировать равный доступ к нему и не допустить сегрегацию [Renzulli, Evans 2005], или понять, все ли жители города обеспечены необходимой инфраструктурой [Ahmadi-Assalemi et al 2020].

В то же время некоторые специалисты отмечают амбивалентность данной технологии. Как пишет П. Патимова, с появлением виртуального двойника города «в цифровую среду перемещаются не только социальные взаимодействия, но и процесс производства городского пространства. При этом видение развития города сквозь призму цифровых инструментов, таких как BIM-проектирование, ведет к углублению разрыва «между репрезентациями пространства (то есть замыслами его развития) и пространствами репрезентации (реально существующими пространствами, которые несут символическое значение и представляют ценности общества)». Автор указывает, что производство пространств в цифровой среде, которая обладает собственной логикой, «отдаляет их и от работы с символическими значениями, и от пространственных практик, ведь чтобы модель легко экс-

⁴ Anderson J., Rainie L. The Metaverse in 2040. Pew Research Center. 30.06.2022. (<https://www.pewresearch.org/internet/2022/06/30/the-metaverse-in-2040/>).

портировалась в реальность, в ней должно быть как можно меньше коллизий (ошибок), а значит, и случайностей» [Патимова 2021, 23]. Подобной ловушки надлежит избегать специалистам, вовлеченным в программы развития города: смоделированная «в цифре» идеальная модель может идти вразрез с запросами реальных горожан и спецификой локального пространства, которую хорошо знают только местные жители. Самый легкий способ попасть в эту ловушку – пренебрегать такими механизмами, как соучаствующее проектирование, в ходе которого архитекторы консультируются с заинтересованными лицами и рабочими группами пользователей.

Технология цифровых двойников объектов, в том числе «умных городов», широко распространена в городах Китая. По мере того, как интернет становится неотъемлемой частью инфраструктуры самого разного назначения, «цифровое» измерение все сложнее отделить от физического. В «умном городе» постоянно работает множество сенсоров и датчиков, которые отслеживают состояние самых различных аспектов городской среды – например, уровень загрязнения воздуха или износа транспортных конструкций. Цифровой двойник помогает связать воедино множество показателей и систематизировать работу с данными. Одновременно развитие виртуальных пространств китайских городов, сфокусированное на создании копий объектов реального мира с целью отработки на них различных операций и ситуаций, постепенно выходит за рамки промышленности и инфраструктуры. Например, крупнейший китайский мегаполис Шанхай использует технологию не только для мониторинга состояния таких объектов, как мост Янпу и электростанция Наньши, но и в сфере культуры: в цифровом двойнике городского музея истории можно отправиться в виртуальный тур⁵.

Также Китай стремится комплексно развивать бизнес-экосистемы виртуальных миров с акцентом на технологии, которые уже сегодня могут вносить вклад в городскую экономику. Так, в августе 2022 г. муниципалитет Пекина представил документ, в котором изложил планы применить в городской экономике технологии виртуальных аватаров. Ее выделяют как важный элемент стратегии развития цифровой экономики КНР. В документе поставлена цель к 2025 г. создать виртуальную индустрию, которая будет приносить более 50 млрд юаней. Власти планируют поддерживать существующие и создавать новые инновационные стартапы, открывая совместные лаборатории с университетами и исследовательскими организациями, а также проектируя и внедряя 3D-модели, – в том числе посредством голографической технологии. По мнению авторов документа, цифровые аватары перспективны в качестве виртуальных туристических гидов, сотрудников службы поддержки клиентов, ведущих новостей и в ряде других сфер⁶. Таким образом, отдавая приоритет «метавселенной объектов», города Китая также развивают и инструментарий «метавселенной людей» – что, однако, сопряжено со значительно большими сложностями.

Еще один инструмент метавселенной, который города мира активно используют в привязке к городским объектам – NFT (цифровая блокчейн-запись объекта). В рамках данной статьи следует обратить внимание на применение технологии с целью продвигать идентичность города и его имидж. В частности, с помощью NFT город популяризируют как место проведения уникальных культурных мероприятий. Так, власти Сарагосы (Испания) выпустили токены, посвященные трем праздникам (Cabezudos de la Pílara, El Berrugón, La Forana), которые проходят в рамках ежегодного Фестиваля в честь Богородицы. Администрация Манчестера (Великобритания) в партнерстве с известным цифровым художни-

⁵ Zhu Yuting. Virtual twin platforms a bridge to city's future. Shine. 08.03.2022. (<https://www.shine.cn/news/metro/2203082846/>).

⁶ Beijing Metaverse Strategy. (http://jxj.beijing.gov.cn/zwgk/zcwj/bjszc/202208/t0220805_2787349.html).

ком А. Болтоном опубликовала серию токенов Creation – цифровые картины с историей становления профессионального футболиста, который стремится играть на знаменитой «Манчестер-арене». Данный ход призван подчеркнуть статус Манчестера как одного из главных мировых центров футбола.

Связанные с NFT инициативы, как правило, основаны на тематике, с которой город уже ассоциируют в мире: узнаваемые образы, уникальные культурные символы, предметы искусства и т.д. Такие объекты становятся манифестацией идентичности города, ее маркерами в виртуальном пространстве. Инициативы, как правило, имеют phygital-природу (physical + digital): они воплощают в цифровом формате некие реально существующие или ранее существовавшие объекты и явления. В качестве примера конвергенции виртуального и реального можно привести интерактивную инсталляцию «Магазин метавселенной», представленную в мае 2022 г. на городской «Неделе знаний» в Мельбурне. Посетители фестиваля заходили в физический магазин виртуальных продуктов, на витрине которого расположились товары авторства местных цифровых художников в формате NFT. Их можно было приобрести за криптовалюту и впоследствии использовать в метавселенной⁷.

В 2021 г. в мировой практике обозначился тренд на создание токенов для реальных объектов недвижимости. Покупка такого токена не дает права на недвижимость в реальном мире (однако уже проводятся эксперименты и с такой моделью). Выпуск NFT для объектов исторического и культурного наследия города позволяет их приобретателям владеть частью цифровой копии объекта, что придает владельцу особый статус в NFT-сообществе, и представляет собой новую форму коллекционирования «истории города». Так, в Атланте (США) выпустили токены викторианского особняка, дома Р. М. Роуз, признанного объектом культурного наследия. 1 тыс. токенов «воплощают его историческую и художественную ценность». Прибыль с продажи такого рода токенов можно направлять на поддержание зданий (и других объектов исторического наследия города) в надлежащем состоянии. Так виртуальная модель здания будет помогать сохранять ее физический оригинал⁸. Развитие данного механизма в направлении коммерциализации городских культурных символов, когда культура становится важной составляющей «городского бизнеса», уместно концептуализировать в терминах «символической экономики», которую выдвинула Ш. Зукин [Зукин 2015].

Метавселенная (для) людей

Столпами метавселенной выступают два таких важнейших для города сектора, как ИКТ и цифровое творчество. Пространство метавселенной создают, с одной стороны, посредством различных ИКТ (платформы и гарнитуры виртуальной реальности, игровые движки, машинное обучение, блокчейн, 3D-графика, цифровые валюты, сенсоры и т. д.), с другой стороны, контент для нее производят цифровые художники, геймдизайнеры и другие представители творческих профессий. Образуется синергия двух отраслей, поддержка которых жизненно важна для конкурентоспособности города в условиях цифровой экономики. Проекты в сфере метавселенной перспективны с точки зрения поддержки этих отраслей и создания новых рабочих мест.

⁷ The Metaverse Store. Melbourne Knowledge Week 2022. (<https://mkw.melbourne.vic.gov.au/event/the-metaverse-store/>).

⁸ Rufus Rose House. Official Site. (<https://www.rufusrosehouse.net>).

Город может воплощать такую стратегию, поддерживая образовательные программы по освоению навыков, необходимых для востребованных профессий: среди них цифровые дизайнеры, цифровые архитекторы, конструкторы виртуальных ассистентов, сценаристы и др. Возникают и принципиально новые виды деятельности. Так, в Decentraland (децентрализованная платформа в VR, одна из самых популярных площадок метавселенных) работают виртуальные риэлторы, которые помогают пользователям приобретать виртуальные участки земли, получая взамен цифровую валюту⁹. Метаэкономика открывает широкие возможности для создателей цифрового контента благодаря NFT и маркетплейсам виртуальных товаров. С помощью NFT создатели контента могут защищать свои авторские права и получать доход от создания цифровых продуктов, размещая их на таких площадках, как Decentraland¹⁰.

В условиях новой «волны виртуализации» муниципалитетам следует обратить внимание на следующие практики: создание благоприятной правовой и образовательной среды; программы поддержки предпринимательских инициатив, способствующие превращению идей в бизнес-проекты; поддержка таких инициатив через инкубационные и акселерационные программы. В то же время важно правильно расставлять акценты, главным из которых, как видится, должно стать развитие человеческого капитала. Примером такой стратегии выступает программа развития метавселенной Дубая: ее главные цели – создать 40 тыс. виртуальных рабочих мест и за пять лет увеличить количество компаний в сфере метавселенных и блокчейна в пять раз. Ожидается, что их выполнение принесет дополнительные 4 млрд дирхамов в экономику города. В основе стратегии – акцент на развитии талантов, а также на инвестициях в обучение разработчиков, создателей контента и пользователей¹¹. Первые практические шаги в заданном направлении связаны с совершенствованием нормативных и регуляторных практик виртуальной сферы. Ключевую роль в процессе играет Управление по регулированию виртуальных активов Дубая, которое в мае 2022 г. открыло представительство на площадке Sandbox. Инициативу властей поддержали представители бизнеса – например, девелоперская компания Damac Group планирует инвестировать 100 млн долл. в создание цифровых городов¹², которые станут «испытательным полигоном» для новых проектов в виртуальной сфере.

Неотъемлемым элементом метавселенной выступает цифровая идентификация пользователя и 3D-аватар, который представляет его в виртуальном пространстве. Кастомизация (оформление облика) своего аватара – одна из главных забот «жителя» метавселенной: внешний облик становится манифестацией цифровой идентичности, отражая принадлежность к тому или иному сообществу. Другие участники должны легко считать такой аватар. Появляются основы для огромного рынка цифровых объектов, что стимулирует создание новых рабочих мест в сфере цифровой моды. Так, в марте 2022 г. в метавселенной Decentraland состоялась первая Неделя моды метавселенной (Metaverse Fashion Week). В мероприятии участвовали более 60 брендов и более 100 тыс. посетителей. Примечательно, что «экологичность» виртуальной одежды («зеленая» составляющая

⁹ How the Metaverse Could Change Work. Harvard Business Review. 05.04.2022. (<https://hbr.org/2022/04/how-the-metaverse-could-change-work>).

¹⁰ Decentraland – Marketplace. (<https://market.decentraland.org>).

¹¹ Dubai Metaverse Strategy. The United Arab Emirates' Government portal. (<https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/local-governments-strategies-and-plans/dubai-metaverse-strategy>).

¹² Damac Group eyes move into the metaverse with \$100 million investment in “digital cities” led by Ali Sajwani. Arabian Business. 26.04.2022. (<https://www.arabianbusiness.com/money/wealth/alternative-assets/damac-group-eyes-move-into-the-metaverse-with-100-million-investment-in-digital-cities>).

бренда входит в приоритетные ценности поколений Z и Альфа) выступает важным драйвером развития отрасли и появления модных домов, которые работают исключительно «в цифре». Разработка одного из таких домов, Auroboros, стала примером взаимопроникновения реальностей: цифровое платье Venustrap Digital Dress можно «носить» и в реальном мире с помощью AR-фильтра в приложении Snapchat. В сентябре 2021 г. модный дом Balenciaga в партнерстве с компьютерной игрой Fortnite выпустил коллекцию, доступную как в игре, так и в реальной жизни.

Помимо создания новых рабочих мест и содействия развитию необходимых для самореализации в цифровой экономике навыков, город может создавать новые возможности для практик демократического участия и вовлекать в свое развитие более широкую аудиторию, углубляя свою виртуальную составляющую. Так, участие граждан в формировании бюджета города – один из важных механизмов «права на город» (Д. Харви). Традиционные инструменты, такие как встречи с населением и заседания консультативных рабочих групп, зачастую требуют существенных временных затрат и проводятся в неудобное для работающих горожан время. В результате многие из них лишены реальной возможности участвовать в формировании городской политики и ее корректировке в соответствии с нуждами населения. Также жителям зачастую крайне сложно разобраться в нюансах процедур участия и в официальных формулировках, которые скорее скрывают смыслы, чем доносят их до адресата. «Забор» из бюрократической терминологии непроницаем для обычного жителя, что блокирует запрос активных граждан и организаций «третьего сектора» на реальное участие в жизни города и провоцирует цепочку негативных реакций – от роста недоверия к власти до агрессии. Виртуальные разработки помогают решить данную проблему.

Так, город Шривпорт (штат Луизиана, США) разместил интернет-портал, на котором бюджет города представлен в интерактивном понятном формате, а пользователь может составлять собственные подборки информации и голосовать за предложения по корректировке бюджета¹³. Подобные инструменты соответствуют одному из ключевых трендов городского развития: прогрессивные муниципалитеты стараются говорить с гражданами «на одном языке», стремясь повысить доверие к власти и создать комфортное единое пространство коммуникаций. Упрощение языка и форматов взаимодействия муниципалитета с населением – важная составляющая данного процесса. Растет запрос на способность муниципалитетов посредством координационных механизмов делать участие граждан в сотворчестве удобнее, не только обеспечивать возможность высказывать свое мнение о проектах будущего городского пространства, но и предлагать собственные сценарии развития. Инструменты метавселенной предоставляют такие возможности – скажем, пользователь сможет сконструировать собственный виртуальный макет детской площадки и вынести его на широкое обсуждение (или предложить правки в другой вариант). Таким образом, виртуальные городские сервисы имеют потенциал инновационных инструментов конструирования будущего (futurecraft) и «спекулятивного проектирования» (speculative design). Значимость таких средств для гибкого развития города подчеркивают К. Ратти и М. Колдел, называя их инструментом переосмысления реальности и конструирования ее альтернативного облика, которые позволяют взвесить его ограничения и возможности [Ratti, Claudel 2016].

Виртуальная сфера открывает новые возможности для сокращения «коммуникационного разрыва» между муниципалитетом и жителями. Городской администрации крайне

¹³ The People's Budget. City of Shreveport. (<https://budget.shreveportla.gov>).

важно говорить с жителями на одном языке по мере того, как меняются методы, площадки и язык общения. В настоящее время примером успешной цифровой коммуникации такого рода служат страницы (паблики) городов в социальных сетях, вовлекающие аудиторию в общение. В будущем площадкой для общения и средством вовлечения горожан в диалог может стать пространство метавселенной. Безусловно, чтобы предоставить такую возможность, город должен системно работать над сокращением «цифровых разрывов», помогая жителям использовать цифровые инструменты для участия в политическом процессе. На расширении возможностей для самовыражения горожан в социальной и политической сферах сделал акцент в своей стратегии входа в метавселенную Сеул (Республика Корея). В ноябре 2021 г. мэр города объявил о проекте «метавселенная Сеула», которая к 2023 г. должна «обеспечить горожанам возможность удобно взаимодействовать с аватарами чиновников для работы с жалобами и проведения консультаций, которые в настоящее время возможны только при личном визите в учреждения города». В центре дискурса властей оказываются такие концепты, как «иммерсивность» и «взаимодействие». Власти планируют инвестировать около 3 млрд евро в создание виртуальной копии города, инфраструктура которой будет обеспечивать коммуникации с различными городскими инстанциями¹⁴.

Следует отметить, что технологии метавселенной не только создают новые каналы коммуникации, но и позволяют переосмыслить и трансформировать пространство, в котором происходит взаимодействие горожанина и чиновника. В виртуальном пространстве условный МФЦ (многофункциональный центр) может выглядеть как угодно. Примером «редизайна» выступают кастомизируемые виртуальные офисы, которые предлагает VR-платформа компании Gather: они могут выглядеть как каюта капитана корабля с видом на море, конференц-зал компании – как тронный зал в замке. Кастомизация пространства способна повысить психологический комфорт взаимодействия с городскими структурами, привнеся в него развлекательный элемент. В результате в жизнь города можно привлечь новую аудиторию, прежде всего молодежь (если, например, будущий район будут обсуждать в виртуальном сеттинге одной из популярных онлайн-игр).

Цифровые разрывы и «цифровые классы»

Выступая инновационной площадкой для коммуникаций, совместного творчества и игр, «метавселенная людей» также несет и риски утечек персональных данных. Научное и экспертное сообщества обеспокоены тем, что сам вход в метавселенную уже экспоненциально повышает подобные угрозы. Как показало исследование Калифорнийского университета в Беркли и Мюнхенского технологического университета, участие в VR-игре позволяет собрать более 25 типов персональных данных пользователей, к большинству из которых невозможно получить доступ через мобильное приложение или веб-интерфейс. Среди них – геопространственная телеметрия (рост, длина рук, межзрачковое расстояние, размеры комнаты) и особенности поведения (язык, рукопожатие, голос, скорость реакции, фокусировка зрения, восприятие цвета, когнитивные способности, физическая форма)¹⁵. В случае утечки такие данные могут использовать как корпорации, так и криминальные структуры. Более того, в пространстве «метавселенной людей» возникает и реальная угроза «кражи личности» посредством таких технологий, как deepfake: «В случае нару-

¹⁴ Seoul, First Local Gov't to Start New-Concept Public Service with "Metaverse Platform". (<http://english.seoul.go.kr/seoul-first-local-govt-to-start-new-concept-public-service-with-metaverse-platform/>)

¹⁵ Scientists predict unprecedented user privacy issues for the Metaverse. Tech News Space. (<https://technewsspace.com/scientists-predict-unprecedented-user-privacy-issues-for-the-metaverse/>).

шения контура безопасности информационного хранилища идентичностью гражданина не просто могут завладеть злоумышленники – она может быть полностью стерта, и такая “цифровая смерть” отрежет жертв атаки от возможности реализации базовых социальных прав» [Безруков и др. 2021]. Можно полагать, что подобные риски будут возрастать по мере «сетевизации» общества, и их минимизация становится приоритетной задачей при создании «метавселенной людей».

«Виртуализация» общества, форсированная заинтересованными в новом средстве извлечения прибыли технологическими корпорациями, с высокой вероятностью обострит уже существующие проблемы, связанные с разницей в отношении к цифровым технологиям и умении их использовать, а также углубит социальные размежевания, в том числе «цифровые разрывы». Группы населения, которые не обладают средствами и навыками для полноценной работы в виртуальном пространстве, останутся за рамками метаэкономики. Часть из них воспримут такое положение как благо, однако другие будут ощущать тревожность и исключенность из развития в «духе времени», а также отсутствие доступа к перспективным рабочим местам. Сегодня наблюдается «алгоритмическое неравенство» между теми, кто определяет и контролирует алгоритмы, на которых строится работа цифровых сервисов. В будущем может возникнуть новое «цифровое классовое неравенство» по признаку включенности в метаэкономику и доступа к ее ключевым ресурсам. В результате неизбежно появятся новые и обострятся прежние социально-политические разделения в обществе.

Уже сейчас ряд экспертов предсказывают возникновение «цифровых классов» из-за разницы в уровне доступа к ИКТ-технологиям и к большим данным. Так, С. Володенков отмечает: «Если ранее под цифровым неравенством подразумевался неравномерный доступ к каналам потребления информации, то сегодня мы считаем возможным в качестве потенциальной угрозы определить вероятность формирования цифровых классов, обладающих не столько разным уровнем доступа к информационно-коммуникационным каналам, сколько разным уровнем доступа к большим данным, а также разным уровнем компетенций в использовании Big Data» [Володенков 2019, 357–358]. При неравенстве возможностей работы в виртуальном пространстве и включенности в метаэкономику пропасть между «цифровыми классами» резко углубится и станет почти непреодолимой. По аналогии с движением антиглобализма, в результате появятся группы населения, которые не разделяют идеи виртуализации и трансгуманизма, и выступают против миграции в виртуальные миры, где контроль принадлежит ИТ-корпорациям. Такие группы будут формировать новые социальные движения (в том числе политического характера), направленные против виртуализации человеческого бытия и «цифрового отчуждения» [Семенов, Лапкин, Пантин 2021, 71] как процесса, деструктивного для личности и для общества. В результате углубятся социальные размежевания и цифровые разрывы внутри отдельных городов и между разными городами, что отразится во внутренней политике.

Тем не менее, тенденции цифровизации и виртуализации – это следствие технологического развития, которое вряд ли можно обратить вспять. Соответственно, их необходимо учитывать, проводя политику на городском и общегосударственном уровнях. Цифровые разделения, разрывы и противоречия необходимо по возможности регулировать и смягчать, не допуская социальной и политической дестабилизации, угрожающей существованию общества и государства. Власти должны поддерживать усилия гражданского общества по децентрализации виртуального пространства (например, упомянутые выше автономные организации) нормативными инструментами и реальными мерами.

Примером такого инструмента выступает регулирование алгоритмов. Общества становятся все более «алгоритмически насыщенными» (algorithmically infused): все больше

решений принимают алгоритмы, которые кажутся нейтральными, но активно влияют на выбор пользователя, предлагая ему контент определенного типа. Они способны приводить к решениям, усугубляющим неравенство, в связи с чем возник термин «алгоритмическое насилие» [Safransky 2020]. 1 марта 2022 г. в КНР вступил в силу свод правил, регулирующих работу рекомендательных алгоритмов ИТ-компаний. Помимо прочего, пользователи получили возможность выбирать и удалять ключевые слова, которые используют для формирования рекомендаций, а также вовсе отключать алгоритмы¹⁶.

Заключение

Используя цифровые инструменты, города могут повышать качество государственного управления и смягчать социально-экономическое неравенство. Инструментарий метавселенной в рамках развития виртуального пространства способен открыть новые перспективы для партисипативного проектирования (участие жителей в изменении облика своего района и города в целом), а также привлечь к нему новые группы населения – прежде всего молодежь. Высокий уровень иммерсивности и качества пользовательского опыта при применении таких инструментов сокращает коммуникационный разрыв между властью и населением, повышает эффективность предоставления государственных услуг за счет удобного доступа к городским сервисам. С помощью инструментария метавселенных можно привлекать в город туристов и талантливых личностей (например, разработчиков), продвигать бренд города на мировой арене. Пользователи со всего мира, в том числе те, кто не может посетить город, получают возможность познакомиться с его культурой, что выступает важным фактором сокращения культурного неравенства. Например, власти Ватикана с целью «демократизации искусства» создали NFT-галерею предметов из своей коллекции¹⁷. Синергия ИКТ и цифрового творчества в пространствах смешанной реальности придает импульс развитию обеих отраслей, а спрос на виртуальные продукты – создает новые рабочие места и источники дохода.

Одной из центральных социально-политических проблем, связанных с возрастанием значимости виртуальных инструментов в повседневной жизни, остается проблема утечки или кражи персональных данных и их использования для влияния на пользователя. Социолог Дж. Урри, рассуждая о принципиально новых горизонтах мобильности, которые стали доступны в цифровую эпоху, предостерегал: «Многое из того, что раньше считалось “частным” и близко касалось тела, теперь существует вне тела и вне “личности”... Люди, сами того не осознавая, заключили дьявольскую сделку с машинами, позволившую им делать много таких дел и перемещаться на такие расстояния, которые были просто немислимыми в прежние эпохи» [Урри 2012, 477]. При выходе в виртуальное пространство необходимо соблюдать «цифровую гигиену» и меры предосторожности. Государство и общественные организации должны содействовать в воспитании первой и обеспечении вторых. Необходимо обеспечить защиту прав пользователя от субъектов «надзорного капитализма» – сложившейся системы доминирования ИТ-корпораций, которые активно собирают данные пользователей не только для анализа их предпочтений и прогноза поведения, но и для направленного влияния на их поведение [Zuboff 2019].

¹⁶ Romero A. China Has Pioneered a Law To Empower People Over Algorithms. Medium.com. Mar 9 2022. (<https://onezero.medium.com/china-has-pioneered-a-law-to-empower-people-over-algorithms-70b29ba6285f>).

¹⁷ The Vatican Will Create a NFT Gallery to “Democratize Art”. Art News. 02.05.2022. (<https://www.artnews.com/art-news/news/vatican-nft-gallery-1234627189/>).

Другая актуальная проблема заключается в том, что многие государства, их экономики и социальные сферы зависят от политики IT-корпораций и связанных с ними структур, которые контролируют ключевые цифровые технологии, а зачастую и инфраструктуру. Как отмечает А.О. Безруков и его коллеги, «перестройка принципов функционирования международных экономических отношений и всей модели мировой геоэкономики представляет ведущим “цифровым-неоколониалистам” современности новые возможности. Продолжает увеличиваться разрыв – теперь уже цифровой – между глобальными провайдерами цифровых технологий и странами-реципиентами, постепенно подпадающими под всё большую зависимость технологически развитых государств» [Безруков и др. 2021]. На фоне обострения геополитической ситуации задача обеспечения технологического суверенитета приобретает особую значимость – в том числе и в части построения собственных виртуальных миров.

Резюмируя, можно сделать вывод, что нематериальные активы и репрезентация в виртуальном пространстве становятся все более важным фактором развития городов и их глобальной конкурентоспособности в условиях всеобъемлющей цифровизации. Анализ существующих тенденций свидетельствует о том, что они будут и дальше развивать инструменты метавселенной. Города готовы финансировать экспериментальные формы продвижения имиджа и бренда города, привлечения туристов, оказывать поддержку новым отраслям экономики, создавать новые рабочие места, развивать стартап-экосистемы, а также повышать качество электронных услуг для населения и вовлекать новые группы населения в партисипативные форматы городского развития. В то же время, по мере усложнения конструкций виртуальных пространств возрастают риски их использования, а также усиливаются цифровые разрывы как внутри городов, так и между ними. Данные риски возможно минимизировать, повышая цифровую (в том числе алгоритмическую) грамотность, уровень технологического суверенитета и кибербезопасности, а также поддерживая децентрализованные структуры, такие как децентрализованные автономные организации (DAO) – онлайн-сообщества, управляемые консенсусом участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безруков А.О., Мамонов М.В., Сучков М.А., Сушенцов А.А. (2021) Суверенитет и «цифра» // Россия в глобальной политике. Т. 19. № 2. С. 106–119.
- Володенков С.В. (2019) Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 341–364. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.16.
- Зукин Ш. (2015) Культуры городов. М.: Новое литературное обозрение. 419 с.
- Патимова П. (2021) Город. Мифы, природа и насилие // Городские исследования и практики. Т. 6. № 4. С. 17–25. DOI: 10.17323/usp64202117-25.
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. (2021) Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. № 5. С. 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.05.
- Урри Дж. (2021) Мобильности. М.: Праксис. 576 с.
- Хохлов Ю.Е. (2009). Глоссарий по информационному обществу. М.: Институт развития информационного общества. 160 с.
- Ahmadi-Assalemi G., Al-Khateeb H., Maple C., Epiphaniou G., Alhaboby Z.A., Alkaabi S., Alhaboby D. (2020) Digital Twins for Precision Healthcare // In: Cyber Defence in the Age of AI, Smart Societies and Augmented Humanity. Berlin: Springer. Pp. 133–158.

- Barlow M., Levy-Bencheton C. (2018) *Smart Cities, Smart Future: Showcasing Tomorrow*. New York: Wiley. 336 p.
- Norris P. (2001) *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ratti C., Claudel M. (2016) *The City of Tomorrow: Sensors, Networks, Hackers, and the Future of Urban Life*. New Haven: Yale University Press. 192 p.
- Renzulli L.A., Evans L. (2005) School Choice, Charter Schools, and White Flight // *Social Problems*. Vol. 52. No. 3. Pp. 398–418. DOI: 10.1525/sp.2005.52.3.398.
- Safransky S. (2020) Geographies of Algorithmic Violence: Redlining the Smart City // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 44. No. 2. Pp. 200–218.
- Thrift N. (2004) Remembering the Technological Unconscious by Foregrounding Knowledges of Position // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 22. No. 1. Pp. 175–190.
- Van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*. Cambridge, UK: Polity Press. 208 p.
- Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile Books. 704 p.

REFERENCES

- Ahmadi-Assalemi G., Al-Khateeb H., Maple C., Epiphaniou G., Alhaboby Z.A., Alkaabi S., Alhaboby D. (2020) Digital Twins for Precision Healthcare. In: *Cyber Defence in the Age of AI, Smart Societies and Augmented Humanity*. Berlin: Springer. Pp. 133–158.
- Barlow M., Levy-Bencheton C. (2018) *Smart Cities, Smart Future: Showcasing Tomorrow*. New York: Wiley. 336 p.
- Bezrukov A.O., Mamonov M.V., Suchkov M.A., Sushentsov A.A. (2021) Суверенитет и «тсифра» [Russia in the Digital World: International Competition and Leadership]. *Russia in Global Affairs*. vol. 19, no. 2, pp. 106–119.
- Khokhlov Yu.E. (2009) *Glossarii po informatsionnomu obshchestvu* [Glossary on the Information Society]. Moscow: Institute of the Information Society. 160 p.
- Norris P. (2001) *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Patimova P. (2021) Gorod. Mify, priroda i nasilie [The City. Myths, Nature and Violence]. *Urban Studies and Practices*. vol. 6, no 4, pp. 17–25. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp64202117-25>.
- Ratti C., Claudel M. (2016) *The City of Tomorrow: Sensors, Networks, Hackers, and the Future of Urban Life*. New Haven: Yale University Press. 192 p.
- Renzulli L.A., Evans L. (2005) School Choice, Charter Schools, and White Flight. *Social Problems*. vol. 52, no. 3, pp. 398–418. DOI: 10.1525/sp.2005.52.3.398.
- Safransky S. (2020) Geographies of Algorithmic Violence: Redlining the Smart City. *International Journal of Urban and Regional Research*. vol. 44, no. 2, pp. 200–218.
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. (2021) Sotsial'nye razmezhevaniya i politicheskie protivostoyaniya v nauchnom diskurse: kriterii otsenki i klassifikatsii [Social Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification]. *Polis. Political Studies*. no. 5, pp. 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.05.
- Thrift N. (2004) Remembering the Technological Unconscious by Foregrounding Knowledges of Position. *Environment and Planning D: Society and Space*. vol. 22, no. 1, pp. 175–190.
- Urry J. (2007) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis. 576p.
- Van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*. Cambridge, UK: Polity Press. 208 p.

Volodenkov S.V. (2019) Vliyanie tekhnologii internet-kommunikatsii na sovremennye obshchestvenno-politicheskie protsessy: stsennarii, vyzovy i aktory [Influence of Internet Communication Technologies on Contemporary Social and Political Processes: Scenarios, Challenges, and Actors]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. no. 5, pp. 341–364. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.16.

Zukin Sh. (2015) *Kul'tury gorodov* [The Cultures of Cities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 419 p.

Информация об авторе

Бардин Андрей Леонидович, кандидат политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: andreybardin@gmail.com

About the author

Andrei L. Bardin, Candidate of Political Science, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: andreybardin@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 8.10.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 6.11.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 15.11.2022

DOI: 10.31857/S0869049922060077
EDN: FCKHYX

Оригинальная статья / Original article

Проблемы института независимой антикоррупционной экспертизы и перспективы автоматизации

© Г.А. ПОРОСЕНКОВ, И.А. РЕЗНИКОВ, К.А. ЗЮБАНОВ, Т.А. ТУХВАТУЛЛИН

Поросенков Геннадий Андреевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), gporosenkov@hse.ru. ORCID: 0000-0002-6487-9371

Резников Иван Александрович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), i.reznikov12@gmail.com. ORCID: 0000-0003-2208-4666

Зюбанов Кирилл Алексеевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), kayzubanov@edu.hse.ru. ORCID: 0000-0002-6752-0516

Тухватуллин Тимур Анварович, Институт права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, (Москва, Россия), timurthn@gmail.com. ORCID: 0000-0002-4755-505X

Рассмотрены проблемы независимой антикоррупционной экспертизы, с которыми сталкиваются аккредитованные Минюстом эксперты. Предложены возможные решения каждой из обозначенных проблем. Часть решений опирается на инструменты автоматизации и, в частности, искусственного интеллекта. Для выделения и последующего анализа проблем были изучены результаты независимой антикоррупционной экспертизы, находящиеся в открытом доступе, проведены 46 независимых антикоррупционных экспертиз и обучена модель искусственного интеллекта CorrFinder, которая позволяет частично автоматизировать данную процедуру. В модели использованы методы логистической регрессии, Word2vec и TF-IDF. Выделены проблемы: «отказная политика» органов государственной власти в части рассмотрения и признания заключений независимых экспертов; неравномерный уровень подготовки экспертов; несовершенство принятой методики антикоррупционной экспертизы, включая закрытый и ограниченный перечень коррупциогенных факторов, а также отсутствие возможности обжаловать в суде нормативно-правовой акт как незаконный при наличии в нем коррупциогенного фактора; сложность использования и непрозрачность сервиса regulation.gov. Предложено: создать советы независимых экспертов по антикоррупционной экспертизе при Минюсте для институционализации их работы; внедрить профильное обучение до аккредитации и для последующей работы экспертов; обновить методику экспертизы, создав открытый перечень корруп-

циогенных факторов и закрепив их в ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и их проектов»; обеспечить прозрачность пути заключения по результатам независимой экспертизы на портале regulation.gov; в целях снижения операционного риска создать форму с полями, которые должен будет заполнять эксперт; консолидировать ресурсы стейкхолдеров антикоррупционной экспертизы для дообучения модели, которая позволит частично автоматизировать процедуру.

Ключевые слова: независимая антикоррупционная экспертиза, методика антикоррупционной экспертизы, независимые эксперты, коррупциогенные факторы, автоматизация, искусственный интеллект

Цитирование: Поросенков Г.А., Резников И.А., Зюбанов К.А., Тухватуллин Т.А. (2022) Проблемы института независимой антикоррупционной экспертизы и перспективы автоматизации // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 89–105. DOI: 10.31857/S0869049922060077, EDN: FCKHYX

Problems of the Institute of Independent Anti-Corruption Expertise and Prospects for Automation

© G. PORosenkov, I. REZNIKOV, K. ZYUBANOV, T. TUKHVATULLIN

Gennadii A. Porosenkov, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), gporosenkov@hse.ru. ORCID: 0000-0002-6487-9371

Ivan A. Reznikov, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), i.reznikov12@gmail.com. ORCID: 0000-0003-2208-4666

Kirill A. Zyubanov, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), kayzubanov@edu.hse.ru. ORCID: 0000-0002-6752-0516

Timur A. Tukhvatullin, Institute of Law and National Security of the RANEPa under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia), timurthn@gmail.com. ORCID: 0000-0002-4755-505X

The article studies the problems of independent anti-corruption expertise which the experts accredited by the Ministry of Justice are facing in practice. Possible solutions to each of the highlighted problems were proposed, some of which contain usage of the automation tools and, in particular, artificial intelligence. In order to highlight and further analyze the problems, the conclusions of independent anti-corruption expertise, which are publicly available, were studied; 46 independent anti-corruption examinations were conducted, the artificial intelligence model CorrFinder, which allows to partially automate the procedure, was trained. The model uses logistic regression methods, Word2vec and TF-IDF. A number of problems are highlighted, such as: the problem of «denial policy» of public authorities in terms of review and recognition of the conclusions of independent experts; the uneven level of training of experts; imperfection of the adopted method of anti-corruption expertise, including a closed and limited list of corruption factors, as well as the inability to appeal in court against a legal act as illegal because of the presence of a corruption factor in it; low level of usability and transparency of regulation.gov. It is proposed: to create councils of independent experts on anti-corruption expertise under the Ministry of Justice to institutionalize their work; to introduce specialized training before accreditation and for the subsequent work of experts; to significantly update the methodology of the examination by creating an open list of corruption-causing factors and listing them in the Federal Law “On Anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects»; to ensure transparency of the way of conclusion based on the results of an independent examination on the regulation portal.gov; to create a form for submission of opinion with the necessary fields to be filled in by an expert in order to reduce operational risk; to consolidate the resources of stakeholders of the anti-corruption expertise to train a model that allows partially automating the procedure.

Keywords: independent anti-corruption expertise, methodology of anti-corruption expertise, independent experts, corruptive factors, automation, artificial intelligence

Citation: Porosenkov G., Reznikov I., Zyubanov K., Tukhvatullin T. (2022) Problems of the Institute of Independent Anti-Corruption Expertise and Prospects for Automation. *Obshchestvennyye nauki isovremennost'*, no. 6, pp. 89–105. DOI: 10.31857/S0869049922060077, EDN: FCKHYX

Введение

По данным Минюста, в России ежегодно принимают порядка 1 млн нормативных правовых актов (далее НПА) и их проектов федерального, регионального и местного уровней¹. Каждый из актов должен пройти антикоррупционную экспертизу (далее АКЭ) на наличие в документе коррупциогенных факторов в соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»². Так, за первое полугодие 2021 г. Генеральная прокуратура провела антикоррупционную экспертизу порядка 500 тыс. НПА и выявила более 33 тыс. коррупциогенных факторов в 36 тыс. из них³.

Антикоррупционная экспертиза – одна из основных мер профилактики коррупции⁴. Она призвана минимизировать риски возникновения коррупции в продукте законотворчества (нормативном правовом акте) как на этапе разработки проекта, так и после его принятия⁵. Наравне с Министерством юстиции и Прокуратурой РФ, АКЭ НПА могут проводить независимые эксперты – аккредитованные Минюстом граждане РФ, у которых есть высшее образование и пятилетний стаж, а также отсутствуют судимости⁶. К сожалению, на текущий момент количество заключений, составленных независимыми экспертами, немногочисленно [Долотов, Крылова 2019]. Так, исследование 3 тыс. «карточек» на портале общественного обсуждения (regulation.gov) показало, что только 7 из них содержали реальные заключения независимых экспертов [Артеменко, Волкова, Долотов и др. 2022].

На основе более 40 независимых экспертиз в статье выявлены проблемы института независимой АКЭ, с которыми сталкиваются эксперты, и которые могут снижать их активность. В отличие от похожих публикаций, которые рассматривают проблемы института АКЭ (например, [Андрюхина 2015; Кочура 2012; Тонков, Туранин 2015]), новизна настоящего исследования заключается в том, что в нем изучены практические проблемы экспертизы. Иными словами, механизм независимой АКЭ анализируется преимущественно

¹ Искусственный интеллект привлекает к борьбе с коррупцией. РАЭК. 31 августа 2021. (<http://raec.ru/live/branch/12622/>).

² Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

³ Результаты проведения антикоррупционной экспертизы. Генеральная прокуратура Российской Федерации. 3 августа 2021. (<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/expertise/result?item=64206018>).

⁴ Ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О противодействии коррупции».

⁵ Hoppe T. Anti-Corruption Assessment of Laws (“Corruption Proofing”). Comparative Study and Methodology. Regional Cooperation Council. 2020. (https://rai-see.org/php_sets/uploads/2020/11/Comparative_StudyMethodology_on_Anticorruption_Assessment_of_Laws.pdf).

⁶ Приказ Министерства юстиции РФ от 29.03.2019 № 57 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

не на уровне регулирования со стороны института, а на уровне подготовки и отправки экспертом заключения независимой АКЭ.

Наряду с практическими рекомендациями по изменению процедуры АКЭ, в статье представлены предложения и решения по ее автоматизации, в том числе с использованием методов искусственного интеллекта (далее ИИ). Проектная группа НИУ ВШЭ «IT-решение в сфере антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов...»⁷ в партнерстве с Проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики (ПУЛАП) НИУ ВШЭ и Отделом методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ разработала модель ИИ, которая позволяет частично автоматизировать процедуру АКЭ, а именно – предсказывать наличие коррупциогенных факторов в документе и выделять для эксперта строки, которые имеют признаки коррупциогенности⁸.

Обзор литературы

Идея антикоррупционной экспертизы возникла в экспертных кругах в конце XX в. и получила активное развитие в 2002–2004 гг. Термин «коррупциогенность законодательства» введен в оборот в 2004 г. [Талапина 2007], хотя первые случаи применения данной дефиниции известны с 2001 г.⁹

Первый блок научных публикаций об антикоррупционной экспертизе состоит из научных работ до 2009–2010 гг. Данные исследования вышли еще до принятия Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее Закон об АКЭ) и основного подзаконного акта, регламентирующего проведение АКЭ НПА и их проектов – Постановления Правительства РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 26.02.2010 № 96.

Ученые-правоведы в указанный период концентрировались на определении статуса АКЭ НПА и их проектов (формулирование дефиниции, соотношение АКЭ и иных видов экспертиз – в первую очередь правовой), а также на предложениях по правовому регулированию института антикоррупционной экспертизы. Большое внимание уделялось разработке методической базы для проведения АКЭ НПА и их проектов (например, [Власов, Кошаева, Колесник, Цирин 2010]). Знаковым событием данного периода стала Методика первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности нормативных правовых актов, которую создала на основе существовавшей на тот момент практики АКЭ группа ученых под редакцией В.Н. Южакова [Южаков 2007]. В рамках работы специалисты сформировали подробную пошаговую методику, в которой исчерпывающе раскрыт каждый коррупционный фактор (позднее данный термин заменят на понятие «коррупциогенный фактор»). Многие рекомендации из Методики можно применять и в настоящее время. Более того, их активное использование позволяет сформировать более качественный массив данных, который способен лечь в основу обучения модели ИИ для автоматизации процедуры АКЭ.

Следует отметить, что уже в этот период ученые (например, Э.В. Талапина) указывали на необходимость большей информационной открытости в вопросах разработки НПА и

⁷ Проектная группа «IT-решение в сфере антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, регламентирующих поддержку предпринимательства: аспекты правового регулирования и машинного обучения». HSE. 2022. (https://pravo.hse.ru/anticorrupt_it/).

⁸ Модель представлена интерфейсом Telegram-бота. Telegram. 2022. (https://t.me/corruption_finder_bot).

⁹ Коррупциогенность правовых норм. Indem. 2001. (<https://indem.ru/corrupt/golovsh/index.htm>).

максимального учета интересов при разработке, которого можно достичь, привлекая к обсуждению проектов все заинтересованные стороны [Талапина 2007].

В результате принятия Закона об АКЭ на часть вопросов ответили законодатели, другие претерпели трансформацию (в том числе из-за развития законодательного процесса и появления новых институтов). Так, например, больше внимания стали уделять вопросу соотношения АКЭ и оценки регулирующего воздействия (например, [Коннов 2020; Соколова 2016]). Методику проведения АКЭ, принятую Правительством РФ, многие ученые считают излишне лаконичной, неполноценной, а перечень коррупциогенных факторов – урезанным и абстрактным [Никитин, Устинкин 2021; Казанцева 2018]. В связи с указанной критикой в другом блоке научных работ больше внимания начали уделять формированию научно обоснованной и практико-ориентированной методики антикоррупционной экспертизы. В качестве примера можно привести Памятку, которую Генеральная прокуратура РФ разработала совместно с Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики»¹⁰, а также методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов РФ и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах) Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции РФ¹¹. Предварительные результаты развития института АКЭ подвели фундаментальные исследования под редакцией В.Н. Южакова [Южаков 2014], Е.И. Спектора и А.М. Цирина [Н.А. Абузярова, В.Ю. Артемов, Б.А. Булаевский и др. 2013].

Также исследователи стали чаще фокусироваться на вопросах развития и стимулирования института независимой АКЭ НПА и их проектов. В том числе ему посвящены работы [Долотов 2015; Казанцева 2015; Долотов, Крылова 2019; Тарунин 2018; Тухватуллин 2019]. Так, ученые отмечали проблему низкой активности независимых экспертов, аккредитованных на проведение экспертизы [Долотов, Крылова 2019].

Учитывая специфику настоящего исследования, необходимо отметить работы по автоматизации и искусственному интеллекту в государственном управлении в общем, и в АКЭ НПА и их проектах в частности. В литературе рассматривают вопросы допустимости и эффективности автоматизации в госуправлении и юридически значимых экспертизах (в том числе и АКЭ), а также аспекты правового регулирования применения такого инструмента (например, [Блинова, Белов 2020; Соколова 2019; Талапина 2021]). Так, подчеркивается необходимость обеспечить прозрачность ИИ в государственном управлении, в том числе в АКЭ НПА. Работа алгоритмов ИИ должна быть прозрачной, а решения и выводы, которые они делают – понятными и однозначными. Данное утверждение полностью соответствует одному из принципов использования ИИ в государственном управлении, которые изложены в Европейской этической хартии использования ИИ в судебных системах 2018 г.¹².

¹⁰ Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: памятка. Генеральная прокуратура Российской Федерации. 2019. (https://rek.krasnodar.ru/upload/iblock/a8e/pamyatka_gp_rf_po_antikor.eksper_tize.pdf).

¹¹ Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах). ФБУ НЦПИ при Минюсте России. 2017. (http://pravo.minjust.ru/sites/default/files/documents/metod-materials/Metodicheskie_rekomendacii.pdf).

¹² Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 декабря 2018 года).

Кроме того, пожалуй, главным в работе ИИ можно считать вопрос отбора качественного массива данных, на котором будет обучаться модель. Э.В. Талапина настаивает на том, что для подготовки ИИ в области АКЭ НПА и их проектов нужно отбирать действительно лучшие практики – качественные заключения антикоррупционных экспертиз [Талапина 2021].

Настоящее исследование учитывает опыт, наработанный учеными на более ранних этапах, и частично развивает уже высказанные идеи и гипотезы. Однако, во-первых, проблемы института независимой АКЭ рассмотрены в практической плоскости – со стороны независимого эксперта. Во-вторых, учитывая междисциплинарный характер работы, существенное внимание уделено предложениям по автоматизации процедуры АКЭ НПА и их проектов (в том числе и независимой экспертизы), которые ранее исследователи не затрагивали или разрабатывали недостаточно подробно.

Данные и метод

В рамках исследования сделаны 46 заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы за период 2021–2022 гг., которые в последующем направили в соответствующие органы государственной власти и/или в прокуратуру для получения мотивированного ответа. Были выделены основные проблемы, с которыми могут сталкиваться аккредитованные Минюстом эксперты. Часть из указанных в работе ограничений можно минимизировать за счет инструментов автоматизации.

В рамках Проектной группы НИУ ВШЭ «IT-решение в сфере антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, регламентирующих поддержку предпринимательства: аспекты правового регулирования и машинного обучения» была разработана модель ИИ, которая позволяет предсказывать коррупциогенные строчки в нормативно-правовом акте или проекте. В модели применялись логистическая регрессия, методы Word2vec (для преобразования слов в вектора чисел с сохранением смысла слов) и TF-IDF (для использования знаний о частоте использования слов и словосочетаний внутри текста акта). Модель обучена на основе датасета Минюста России, который был представлен на Хакатоне «Россия – страна возможностей»¹³, а также на основе проведенных в настоящем исследовании экспертиз.

Основные проблемы проведения независимой АКЭ

Среди проблем в области проведения независимых АКЭ можно выделить:

1. Недостатки независимой антикоррупционной экспертизы, связанные с субъективным восприятием института экспертами и органами власти

Прошедшее десятилетие показало, что первоначальный оптимизм в отношении института независимой АКЭ во многом не оправдался, поскольку он не продемонстрировал высоких результатов в сфере противодействия коррупции. Причин на то несколько.

Первая – низкая активность независимых экспертов. Количество подготовленных ими заключений существенно меньше количества самих экспертов [Долотов, Крылова 2019]. По последним опубликованным данным, в органы прокуратуры Российской Федерации поступило лишь 33 заключения по результатам независимой АКЭ в 2017 г. и 49 – в 2018 г.¹⁴ В то же время по состоянию на 3 июня 2022 г. в реестре независимых экспертов

¹³ Хакатоны по искусственному интеллекту. Россия – страна возможностей. 2022. (<https://hacks-ai.ru/>).

¹⁴ Результаты проведения антикоррупционной экспертизы. Генеральная прокуратура Российской Федерации. 2018. (<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/expertise/result?item=1695512>).

зарегистрировано 2863 физических и 450 юридических лиц¹⁵. Аналогичные данные за 2017–2018 гг. лишь немного меньше.

Другая причина заключается в том, что государственные органы и органы местного самоуправления зачастую не заинтересованы в развитии института независимой АКЭ. Складывается впечатление, что органы власти игнорируют заключения экспертов. На них часто не реагируют, или же органы власти направляют ответы с большим опозданием. Так, примерно на половину направленных заключений независимые эксперты не получают мотивированных и своевременных ответов от разработчиков – органов государственной власти и местного самоуправления. Случаются ситуации, когда авторы проекта НПА уходят от продуктивного диалога и отклоняют заключения экспертов о наличии реальных коррупциогенных факторов по формальным основаниям, в том числе из-за неверного их составления и оформления.

Существуют исследования, в которых приведены многочисленные случаи нарушений со стороны органов власти любого уровня при рассмотрении заключений независимых экспертов: заключения по результатам АКЭ остаются без ответа, замечания не учитывают в итоговой редакции акта и др. [Долотов 2015; Коробкин 2012]. Данные факты могут говорить о том, что органы власти любого уровня и органы местного самоуправления зачастую не готовы признавать свои ошибки, как и дефекты разработанного ими НПА. В таких случаях независимые эксперты достаточно успешно преодолевают указанные нарушения, обращаясь в органы прокуратуры, и посредством мер прокурорского реагирования добиваются исключения выявленных коррупциогенных факторов.

В целях повышения качества и авторитетности экспертных заключений требуется институционализировать АКЭ, например, создав некоммерческую организацию, которая объединит аккредитованных экспертов по антикоррупционной экспертизе в виде некоммерческого партнерства, на федеральном уровне – в виде Палаты АКЭ.

Целесообразно сформировать советы независимых экспертов по АКЭ при Министерстве юстиции РФ и его территориальных управлениях, закрепив их статус в законодательстве. Так, например, можно дополнить статью 5 Закона об АКЭ пунктами о создании таких экспертных советов и определяющими вопросы, которыми они будут заниматься (совершенствование методической базы АКЭ; популяризация идей независимой АКЭ; участие в формировании предложений по совершенствованию нормативных правовых актов, регулирующих вопросы проведения АКЭ). Порядок создания органов и их работы можно установить в подзаконном акте Правительства РФ или Министерства юстиции РФ.

2. Неравномерный уровень подготовки аккредитованных экспертов по проведению независимой АКЭ

Административный регламент Минюста России, который регулирует предоставление государственной услуги по аккредитации лиц в качестве независимых экспертов АКЭ, предусматривает возможность аккредитации в качестве независимого эксперта:

- гражданина РФ, имеющего высшее образование и стаж работы по специальности не менее 5 лет, за исключением лиц с неснятой или непогашенной судимостью, взысканием в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, или осуществляющих трудовую деятельность в указанных в законе органах и организациях;

¹⁵ Государственный реестр независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Министерство юстиции Российской Федерации. 2022. (<https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korrupcii/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh>).

• юридических лиц, в штате которых есть не менее 3-х работников, удовлетворяющих вышеприведенным требованиям, за исключением международных и иностранных организаций, а также НКО, выполняющих функции иностранного агента¹⁶.

Так, на практике почти половина поступающих в органы заключений независимых экспертов имеют низкое качество: в них неправильно трактуют нормы права, неверно квалифицируют выявленные коррупциогенные факторы или приводят факторы, не соответствующие Методике проведения АКЭ, а также отсутствуют способы устранения коррупциогенных факторов. В результате большинство заключений экспертов обоснованно отклоняют.

Чтобы изменить ситуацию, представляется актуальным внедрить соответствующее обучение, которое может предварять процедуру аккредитации экспертов в Минюсте России. Также имеет смысл проводить периодическое повышение квалификации, включая тематические конференции и круглые столы. Организацией могли бы заняться некоммерческие объединения независимых экспертов, а также общественные советы при Минюсте РФ и его территориальных управлениях. Проводя обучение в дистанционном формате, формируя базу знаний и методических рекомендаций, сохраняя и используя видеозаписи вебинаров, конференций и круглых столов, можно сократить финансовые издержки. По мере накопления материалов они будут становиться еще меньше. В то же время подобное образовательное решение имеет перспективы масштабирования на всю страну.

Такая организационная и финансовая основа позволит подчеркнуть независимый статус экспертов, так как их обучают коллеги, а не представители заинтересованных органов власти. Однако в качестве спикеров позволено приглашать сотрудников Минюста и/или органов прокуратуры, сотрудники которых регулярно проводят АКЭ.

Рассматривая вопрос об обязательном характере такого обучения, важно отметить, что этот подход значительно снизит численность лиц, желающих получить аккредитацию. Однако, как было отмечено ранее, общее количество проведенных независимых антикоррупционных экспертиз более чем в 50 раз меньше, чем количество экспертов в соответствующем реестре. Обязательное обучение, с одной стороны, позволит изначально отсеять экспертов, которые не намерены готовить заключения, с другой – повысить качество работы тех, кто действительно проводит независимую АКЭ. Кроме того, эффект от образования (с точки зрения динамики количества аккредитованных экспертов, количества заключений и их качества) зависит от проектирования образовательного опыта в сфере АКЭ. Так, можно спроектировать курс «лид-магнит»¹⁷ из нескольких бесплатных интерактивных занятий с базовыми механиками проведения АКЭ. Такой метод может популяризовать институт независимой АКЭ и привлечь экспертов, которые впоследствии получат аккредитацию.

3. Недостатки Методики проведения АКЭ

Постановление Правительство № 96 утвердило Правила и Методику проведения АКЭ НПА и их проектов. Методика представляет собой перечисление 12 коррупциогенных факторов с краткой аннотацией о том, что именно каждый из них, по мнению разработ-

¹⁶ Приказ Минюста России от 29.03.2019 № 57 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации. 2019. (<http://www.pravo.gov.ru>).

¹⁷ Лид-магнит – это предложение, позволяющее увеличить воронку потенциальных покупателей/пользователей продукта.

чика, означает. Однако под методикой, как правило, понимают процедурный или процессуальный документ, который раскрывает механизм процедуры, в нашем случае, – проведения АКЭ НПА. Следовательно, действующую Методику можно считать неполноценной, поскольку эксперты не могут применять ее в качестве руководящего документа, который регламентирует процедуру антикоррупционной экспертизы. Ее было бы целесообразнее переименовать в «Перечень коррупционных факторов», что выглядело бы более логично.

Кроме того, в Методику вошел не весь набор коррупционных факторов, проработанный к времени ее принятия. Так, экспертное сообщество уже в 2007 г. выделяло 22 типичных коррупционных фактора, распределенных на 4 группы [Южаков 2007]. В отдельную группу они совершенно справедливо определили коррупционные факторы, связанные с наличием правовых пробелов [Южаков 2007]. Ни один из них не нашел отражение в документе. Соответственно, он не расценивает пробел правового регулирования в качестве коррупционного фактора. Однако отсутствие правового регулирования какого-либо вопроса – прямой путь к коррупционному правонарушению, поскольку в условиях правового вакуума при абсолютно одинаковых вводных составляющих правоприменитель может принять любое решение в зависимости от своего субъективного мнения и стимулирующих факторов. В данной ситуации степень коррупционного риска наиболее высока.

В свою очередь коррупционный фактор «нормативные коллизии» (подп. «и» пункта 3 Методики) в Методику вошел только в 2015 г.

В практике часто встречаются случаи «непринятия НПА», например, если соответствующее указание содержится в федеральном законе. Однако такое бездействие органа государственной власти или органа местного самоуправления не признают в качестве коррупционного фактора.

Также стоит отметить, что в действующей Методике есть закрытый перечень. В тексте одного нормативного акта невозможно предусмотреть все конструкции коррупционных факторов. Общественные отношения постоянно меняются, и в будущем могут сформироваться новые проявления коррупции, которые текущие нормы не охватывают. Из-за закрытого характера перечня эксперт не может мотивировать свою правовую позицию нормой из Методики. Следовательно, если какая-либо формулировка НПА или его проекта содержит в себе риск возникновения коррупционной ситуации, но при этом не соответствует ни одному из доступных факторов, разработчик НПА обоснованно отклонит замечания эксперта как частное мнение, не подлежащее обязательному рассмотрению и не соответствующее требованиям нормативного акта.

Таким образом, действующая Методика устарела: требуется переработать ее и преобразовать в работоспособный регламентный документ, который позволит при проведении антикоррупционной экспертизы четко понимать, на что следует обращать внимание, какие процедурные шаги следует сделать эксперту или иному субъекту, проводящему экспертизу, чтобы она была полной, качественной и объективной.

Также разумно было бы закрепить открытый перечень коррупционных факторов в Законе об АКЭ. В первую очередь такой шаг подчеркнет особый статус АКЭ и стремление законодателя предпринимать практические шаги по противодействию коррупции. Кроме того, в результате все НПА (в независимости от уровня нормотворчества), в которых указанные факторы будут обнаружены, можно будет обжаловать в порядке рассмотрения дел, вытекающих из публичных правоотношений, в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ. В настоящий момент в суде нельзя обжаловать НПА как незаконный в порядке рассмотрения дел, выте-

кающих из публичных правоотношений, или в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства, по причине наличия в нем коррупциогенных факторов.

Кроме того, подобное закрепление унифицирует практику применения. Данные факторы будут считать коррупциогенными как на федеральном, так и на региональном или местном уровнях.

С целью повышения качества и предметности Методики целесообразно привлечь к доработке норм Минюст РФ и Генеральную прокуратуру РФ, а также представителей научного и экспертного сообществ, федеральных и региональных органов государственной власти и независимых экспертов.

4. Низкий уровень юзабилити¹⁸ и непрозрачность сервиса по работе с проектами НПА

Портал regulation.gov.ru имеет крайне неудобный интерфейс, некоторыми его функциями сложно пользоваться. В частности, отсутствуют удобные формы для создания электронного заключения, на сайте нет функционала электронного взаимодействия с органом власти. Так, переходя в карточке проекта в раздел «Экспертиза», пользователь видит страницу с предупреждением: «В экспертизе могут принимать участие только аккредитованные Минюстом России независимые антикоррупционные эксперты», однако загрузить свое заключение не может даже аккредитованный эксперт. Чтобы направить заключение через функционал портала, необходимо связаться с технической поддержкой и пройти дополнительную регистрацию. Однако найти информацию о необходимости специальных действий на самом сайте достаточно сложно.

Таким образом, на практике заключения часто приходится отправлять на адреса электронной почты органов государственной власти. В свою очередь, процесс рассмотрения заключений непрозрачен, часто эксперты получают ответы от органов власти с большой задержкой, а то и не получают вовсе. На портале нет счетчиков рассмотрения заключения, не фиксируется предоставление ответа эксперта.

Для того, чтобы повысить прозрачность и удобство процедуры, необходимо предоставить экспертам возможность загружать заключения на портал regulation.gov, а также добавить открытый для всех пользователей трекинг документа с его отправки экспертом до получения мотивированного ответа от органа государственной власти. Предложение соотносится с положением о необходимости повысить открытость в вопросах разработки НПА, которое вывели исследователи [Талапина 2007].

Перспективы автоматизации

Часть отмеченных выше проблем можно решить с помощью автоматизации. Данное направление набирает все большую популярность как в коммерческом, так и в государственном секторах. Его инструментарий дополняется также решениями с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ) [Цирин 2018]. ИИ сокращает издержки ручного труда, автономно и быстро анализируя объемные наборы данных, выявляя риски отклонений¹⁹ или определяя признаки совершенных нарушений. По сути, такая технология обеспечивает фактическую, а не формальную прозрачность процедур, подверженных коррупции²⁰.

¹⁸ Юзабилити – способность сервиса быть удобным и понятным для пользователя.

¹⁹ Metz C., Satariano A. An Algorithm Than Grants Freedom, or Takes It Away. The New York Times. Feb. 6, 2020. (<https://www.nytimes.com/2020/02/06/technology/predictive-algorithms-crime.html>).

²⁰ Kobis N., Starke C., Rahwan I. Artificial Intelligence as an Anti-Corruption Tool (AI-ACT) – Potentials and Pitfalls for Top-down and Bottom-up Approaches. 2021 (<https://arxiv.org/pdf/2102.11567.pdf>).

В России потенциал ИИ признают на государственном уровне: в утвержденной Концепции развития технологий машиночитаемого права²¹ технологиям посвящен отдельный параграф, а значимость ИИ *per se* для развития общества подчеркивают на федеральном уровне в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.²²

Принято выделять два основных подхода к разработке решений автоматизации – основанный на правилах (*rule-based approach*) и основанный на машинном обучении (*machine learning*)²³. Далее приведены возможные решения перечисленных проблем, разделенные на две группы в зависимости от подхода.

1. Решения с использованием подхода, основанного на правилах

Прозрачность и, как следствие, независимость института АКЭ *per se* можно обеспечить через автоматизацию не только процедуры АКЭ, но и связанного с ней документооборота. В частности, представляется перспективным создание единого пути от направления заключения и до его публикации в сводном отчете предложений экспертов в рамках АКЭ. Автор заключения, как и любое заинтересованное лицо, получит возможность на любом этапе процесса ознакомиться со всеми сведениями, раскрытие которых способствует прозрачности процедуры. В случае, если любой из обязательных сроков (ответа, публикации и т. д.) был пропущен, уведомление может автоматически направляться компетентному органу, например, в прокуратуру.

Основанная на правилах автоматизация разного уровня сложности способна создавать формы со всеми необходимыми полями и выпадающими списками, что снизит операционный риск (риск ошибки) и угрозу отклонения заключения по формальным признакам. Например, в первом поле независимый эксперт указывает на норму НПА/проекта НПА, в которой есть признаки коррупциогенного фактора, далее в выпадающем меню выбирается конкретный фактор, признаки которого эксперт обнаружил в комментируемой норме.

После данного шага может появляться всплывающее окно с рекомендациями по дополнительной самопроверке эксперта: более развернутое описание содержания выбранного фактора, примеры норм, содержащих данный фактор, а также предложения по корректировке соответствующих формулировок (проекта) НПА.

2. Решения с использованием машинного обучения

В данном разделе речь идет о создании модели ИИ, которая способна самостоятельно проводить АКЭ: анализировать текст (проекта) НПА и выдавать готовое заключение по результатам АКЭ. Такая модель позволит охватить существенное количество актов, сократить издержки на проведение экспертизы, повысить ее качество, а также снизить риски отклонения заключения по формальным основаниям.

Однако при ее создании возникает ряд ограничений. Так, требуется большой массив размеченных данных – актов, по которым проведена «качественная» АКЭ с выявлением и выделением в тексте всех возможных коррупциогенных факторов. Чтобы провести такую экспертизу, необходимо глубоко погрузиться в конкретную сферу регулирования. Следует

²¹ Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 N 31).

²² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»).

²³ C4I, *Using Machine Learning For Anti-Corruption Risk and Compliance*. Coalition for Integrity. 2021. (<https://www.coalitionforintegrity.org/wp-content/uploads/2021/04/Using-Machine-Learning-for-Anti-Corruption-Risk-and-Compliance.pdf>).

отметить, что качество материала для анализа и обучения ИИ выступает ключевым фактором полноценного развития алгоритма.

Кроме того, как уже было сказано, сами коррупциогенные факторы в Методике АКЭ требуют доработки, в связи с чем решение с использованием такой технологии может не обнаружить в акте все коррупционные риски.

Учитывая указанные ограничения, Проектная группа НИУ ВШЭ «IT-решение в сфере антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов...»²⁴ подготовила модель ИИ CorrFinder²⁵, которая предсказывает наличие коррупциогенных факторов в положениях НПА/проектов НПА и выделяет их цветом. CorrFinder работает на основе telegram-бота: он принимает текст акта и на выходе возвращает пользователю документ с цветовым выделением строк, в которых модель предсказывает наличие одного или нескольких коррупциогенных факторов из Методики.

На данном этапе ценность программы заключается в том, что она обращает внимание эксперта на возможные признаки в конкретных строках акта. Иными словами, для проводящего АКЭ лица бот становится рабочим инструментом поиска правовых норм с потенциальными коррупциогенными факторами, что может повысить их «находимость» и, соответственно, качество заключений. Однако эксперту предварительно придется провалидировать результаты работы модели (проверить, содержат ли выделенные положения коррупциогенные факторы, и все ли подобные пункты были выявлены) и самостоятельно предложить корректировки положений (проекта) НПА для устранения факторов, если они были обнаружены. При обогащении датасета и дообучении модели она сможет достаточно точно классифицировать найденные коррупциогенные факторы по Методике АКЭ, а также выносить конкретные предложения по исправлению текста (проекта) НПА. Для решения данной задачи целесообразно объединять данные по экспертизам, проведенным органами прокуратуры, Минюстом и независимыми экспертами. Так, в настоящий момент Генеральная прокуратура²⁶ и Министерство юстиции²⁷ параллельно готовят IT-решения на основании данных своих ведомств, а данные независимых экспертов не консолидируются.

Как при использовании CorrFinder, так и при самостоятельном проведении независимой АКЭ эксперт не несет ответственности за подготовку некачественного заключения. В текущем законодательстве отсутствует санкция за подобное нарушение. Исключение представляет только дисциплинарная ответственность, однако она наступает лишь для экспертов, которые находятся в трудовых отношениях, а в их должностные обязанности входит проведение АКЭ НПА и их проектов. В остальных случаях стоит отметить, что проведение независимой АКЭ – это право, а не обязанность. Следовательно, отсутствуют основания привлекать к ответственности лицо, которое осуществляет свое законное право, а не уклоняется от обязанностей или нарушает запреты.

Тем не менее, модель CorrFinder может повысить качество заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы, а за счет частичной автоматизации процедуры увеличить их количество.

²⁴ Проектная группа «IT-решение в сфере антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, регламентирующих поддержку предпринимательства: аспекты правового регулирования и машинного обучения». HSE. 2021. (https://pravo.hse.ru/anticorrupt_it/).

²⁵ Corrfinder. Telegram. 2022. (@corruption_finder_bot).

²⁶ Краснов призвал на войну с коррупцией искусственный интеллект. Legal.report. 16.11.2021. (<https://legal.report/krasnov-prizval-na-voynu-s-korruptsiej-iskusstvennyj-intellekt/>).

²⁷ Минюст внедрит искусственный интеллект для анализа нормативных актов. ТАСС. 14 апреля 2021. (https://tass.ru/ekonomika/11146247?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com).

Заключение

Среди проблем института независимой антикоррупционной экспертизы отмечены: непризнание ошибок органами-разработчиками НПА и, соответственно, частые необоснованные отказы на заключения экспертов; неравномерный уровень подготовки экспертов и снижение вероятности обнаружения и исключения коррупционных факторов; фрагментарность Методики проведения АКЭ из-за закрытого и неполного перечня коррупционных факторов; неудобство и непрозрачность сервиса regulation.gov в части проведения независимой АКЭ.

Указанные проблемы можно решить, сформировав институт независимой экспертизы: создавая советы независимых экспертов по АКЭ при Министерстве юстиции РФ; внедряя обязательное обучение перед получением аккредитации и повышение квалификации; дорабатывая Методику проведения АКЭ (необходимо дополнить перечень коррупционных факторов, сделать его открытым и закрепить в федеральном законодательстве, чтобы соответствующие НПА можно было обжаловать в порядке рассмотрения дел, вытекающих из публичных правоотношений); повышать прозрачность и удобство взаимодействия экспертов с порталом regulation.gov, предоставив возможность загрузить файл заключения и отслеживать его путь.

Особое место в стратегии повышения эффективности института независимой АКЭ занимает автоматизация и технологии ИИ в частности. Методы автоматизации можно разделить по подходам: основанный на правилах или с использованием машинного обучения. В рамках первого направления предлагается обеспечить единство и открытость пути заключения независимого эксперта, создать форму с выбором конкретных коррупционных факторов, окно по «самопроверке» эксперта и рекомендациями по проведению АКЭ. В качестве решения на основе машинного обучения представлена программа (Telegram-бот) CorrFinder, разработанная участниками Проектной группы НИУ ВШЭ «IT-решение в сфере антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов...». Она выделяет цветом те строки (проекта) НПА, в которых модель ИИ предсказывает наличие коррупционных (-ых) факторы (-ов).

Чтобы улучшать точность модели ИИ и расширять ее функционал, требуется консолидация сил всех заинтересованных сторон АКЭ – органов прокуратуры, Минюста и независимых экспертов – для обогащения датасета и дообучения модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абузарова Н.А., Артемов В.Ю., Булаевский Б.А. (2013) Коррупционность законодательства: причины, факторы, преодоление: монография. Отв.ред.: Спектор Е.И., Цирин А.М. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт». 304 с.

Андрюхина О. В. (2015) Правовые аспекты законодательного регулирования независимой антикоррупционной экспертизы: проблемы, стратегия, изменения // Юридическая техника. № 9. С. 96–99.

Артеменко Е. А., Волкова А. М., Долотов Р. О., Крылова Д. В., Майоров А. В., Максименко А. А., Мельникова А. Л., Минченков Е. Н., Пархоменко С. А., Поросенков Г. А., Потапов А. И., Соколов Т. В., Таут С. В., Цирин А. М. (2022) Искусственный интеллект в профилактике правовых рисков и противодействии коррупции. Науч. ред.: Д. В. Крылова. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 48 с.

Блинова О. В., Белов С.А. (2020) Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 11. № 4. С. 774–812. DOI: 10.21638/spbu14.2020.401.

Бошно С. В., Ефремов А. А., Цирин А. М. (2014). Анतिकоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: становление, опыт, перспективы. М.: Издательский дом «Дело». РАНХиГС. 114 с.

Власов И. С., Кошаева Т. О., Колесник А. А., Цирин А. М. (2010) Правовые акты: антикоррупционный анализ: научно-практическое пособие. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Научно-исследовательский центр ФСБ России. М.: Контракт. 176 с.

Долотов Р. О. (2015) Эффективность института независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Актуальные проблемы экономики и права. № 4. С. 42–49.

Долотов Р. О., Крылова Д. В. (2019) Перспективы повышения эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы // Журнал российского права. № 10. С. 163–173. DOI: 10.12737/jrl.2019.10.14.

Казанцева О. Л. (2015) Независимая антикоррупционная экспертиза: оправдались ли ожидания? // Евразийская адвокатура. № 1. С. 51–53.

Казанцева О. Л. (2018) Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: к вопросу о необходимости системных изменений // Правовая мысль в образовании, науке и практике. № 4. С. 28–32.

Коннов И. А. (2020) Анतिकоррупционная экспертиза и оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов // Образования и право. № 5. С. 59–63. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10511.

Коробкин А. Н. (2012) Проблемы осуществления независимой антикоррупционной экспертизы // Журнал российского права. № 9. С. 60–65.

Кочура В.Н. (2012) Анतिकоррупционная экспертиза: методика проведения // Журнал российского права. № 9. С. 65–70.

Никитин А. В., Устинкин С. В. (2021) Актуальные проблемы нормативного регулирования и практического применения процедуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Право и государство: теория и практика. № 1. С. 79–83. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_1_79.

Соколова А. А. (2019) Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. № 13. С. 350–356.

Соколова Н. Г. (2016) Некоторые аспекты сходства и различий независимой антикоррупционной экспертизы и оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов и их проектов // Право и современные государства. № 5. С. 25–33. DOI: 10.14420/ru.2016.5.3.

Талапина Э. В. (2007) Об антикоррупционной экспертизе // Журнал российского права. № 5. С. 52–66.

Талапина Э. В. (2021) Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 12. № 4. С. 865–881. DOI: 10.21638/spbu14.2021.404.

Тонков Е. Е., Туранин В. Ю. (2015) Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы осуществления и возможности их преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. № 1. С. 94–99.

Туранин В. Ю. (2018) О необходимости стимулирования независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Российская юстиция. № 2. С. 35–37.

Тухватуллин Т.А. (2019) Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: вопросы теории и практики // Российская юстиция. № 2. С. 9–11.

Цирин А. М. (2018) Антикоррупционная экспертиза в России и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 4. С. 138–145.

Южакова В.Н. (2007) Методика первичного анализа (экспертизы) коррупционности нормативных правовых актов. М.: Центр стратегических разработок; Статут. 96 с.

REFERENCES

Abuzyarova N.A., Artemov V.Yu., Bulaevskii B.A. (2013). *Korrupsiogennost' zakonodatel'stva: prichiny, faktory, preodolenie: monografiya* [Corruption of Legislation: Causes, Factors, Overcoming: Monograph]. Ed(s): E.I. Spektor, A.M. Tsirin. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF; Yuridicheskaya firma «Kontrakt». 304 p.

Andryukhina O.V. (2015) Pravovye aspekty zakonodatel'nogo regulirovaniya nezavisimoi antikorrupcionnoi ekspertizy: problemy, strategiya, izmeneniya [Legal Aspects of Legislative Regulation of Independent Anti-Corruption Expertise: Problems, Strategy, Changes]. *Yuridicheskaya tekhnika*. no. 9, pp. 96–99.

Artemenko E.A., Volkova A.M., Dolotov R.O., Krylova D.V., Maiorov A.V., Maksimenko A.A., Mel'nikova A.L., Minchenkov E.N., Parkhomenko S.A., Porosenkov G.A., Potapov A.I., Sokolov T.V., Taut S.V., Tsirin A.M. (2022) *Iskusstvennyi intellekt v profilaktike pravovykh riskov i protivodeistvii korrupsii* [Artificial Intelligence in the Prevention of Legal Risks and Combating Corruption]. Ed(s): D. V. Krylova. Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». 48 p.

Blinova O.V., Belov S.A. (2020) Yazykovaya neodnoznachnost' i neopredelennost' v russkikh pravovykh tekstakh [Linguistic Ambiguity and Vagueness in Russian Legal Text]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. vol. 11, no. 4, pp. 774–812. DOI: 10.21638/spbu14.2020.401.

Boshno S.V., Efremov A.A., Tsirin A.M. (2014). Antikorrupcionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov I proektov normativnykh pravovykh aktov: stanovlenie, opyt, perspektivy [Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts: Formation, Experience, Prospects]. Moscow: Izdatel'skii dom “Delo”, RANKhiGS. 144 p.

Dolotov R.O. (2015) Effektivnost' instituta nezavisimoi antikorrupcionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov [Efficiency of the Institution of Independent Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and their Drafts]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. no. 4, pp. 42–49.

Dolotov R.O., Krylova D.V. (2019) Perspektivy povysheniya effektivnosti instituta nezavisimoi antikorrupcionnoi ekspertizy [Prospects for Improving the Effectiveness of the Institution of Independent Anti-Corruption Expertise]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. no 10, pp. 163–173. DOI: 10.12737/jrl.2019.10.14.

Kazantseva O.L. (2015) Nezavisimaya antikorrupcionnaya ekspertiza: opravdalis' li ozhidaniya? [An Independent Anti-Corruption Expertise: Whether Justified Expectations?]. *Evraziiskaya advokatura*. no. 1, pp. 51–53.

Kazantseva O.L. (2018) Nezavisimaya antikorrupcionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov: k voprosu o neobkhodimosti sistemnykh izmenenii [Independent Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and their Project: To the Issue of the Need for Systemic Changes]. *Pravovaya mysl' v obrazovanii, nauke i praktike*. no. 4, pp. 28–32.

Kochura V.N. (2012) Antikorrupcionnaya ekspertiza: metodika provedeniya [Anti-Corruption Expertise: Methodology]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. no. 9, pp. 65–70.

Konnov I.A. (2020) Antikorrupcionnaya ekspertiza i otsenka reguliruyushchego vozdeistviya proektov normativnykh pravovykh aktov [Anti-Corruption Examination and Regulatory Impact Assessment of Draft Regulations]. *Obrazovaniya i pravo*. no 5, pp. 59–63. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10511.

Korobkin A.N. (2012) Problemy osushchestvleniya nezavisimoi antikorrupsionnoi ekspertizy [Problems of Independent Anti-Corruption Expertise]. *Zhurnal Rossiiskogo prava*. no. 9, pp. 60–65.

Nikitin A.V., Ustinkin S.V. (2021) Aktual'nye problemy normativnogo regulirovaniya i prakticheskogo primeneniya protsedury antikorrupsionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov [Current Problems of Regulatory Regulation and Practical Application of the Procedure of Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and their Projects]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. no. 1, pp. 79–83. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_1_79.

Sokolova A.A. (2019) Iskusstvennyi intellekt v yurisprudentsii: riski vnedreniya [Artificial Intelligence in Law: Risks of Implementation]. *Yuridicheskaya tekhnika*. no. 13, pp. 350–356.

Sokolova N.G. (2016) Nekotorye aspekty skhodstva i razlichii nezavisimoi antikorrupsionnoi ekspertizy i otsenki reguliruyushchego vozdeistviya normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov [Some Aspects of Similarities and Differences of Independent Anticorruption Expertise and Regulatory Impact Assessment of Normative Legal Acts and their Projects]. *Pravo i sovremennye gosudarstva*. no. 5, pp. 25–33. DOI: 10.14420/ru.2016.5.3.

Talapina E.V. (2007) Ob antikorrupsionnoi ekspertize [About Anti-Corruption Expertise]. *Zhurnal Rossiiskogo prava*. no. 5, pp. 52–66.

Talapina E.V. (2021) Iskusstvennyi intellekt i pravovye ekspertizy v gosudarstvennom upravlenii [Artificial Intelligence and Legal Expertise in Public Administration]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. vol. 12, no. 4. pp. 865–881. DOI: 10.21638/spbu14.2021.404.

Tonkov E.E., Turanin V.Yu. (2015) Nezavisimaya antikorrupsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov: problemy osushchestvleniya i vozmozhnosti ikh preodoleniya [Independent Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and their Drafts: Problem of Implementation and Opportunities to Overcome Them]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. no. 1, pp. 94–99.

Tsirin A.M. (2018) Antikorrupsionnaya ekspertiza v Rossii i zarubezhnykh gosudarstvakh: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Anti-Corruption Expertise in Russia and Foreign Countries: Comparative Legal Research]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. no. 4, pp. 138–145.

Tukhvatullin T.A. (2019) Antikorrupsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov: voprosy teorii i praktiki [Anticorruption Assessment of Normative Legal Acts and their Drafts: Issues of Theory and Practice]. *Rossiiskaya yustitsiya*. no. 2, pp. 9–11.

Turanin V.Yu. (2018) O neobkhodimosti stimulirovaniya nezavisimykh ekspertov, upolnomochennykh na provedenie antikorrupsionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov [About the Need to Stimulate Independent Experts Authorized to Conduct Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and their Drafts]. *Rossiiskaya yustitsiya*. no. 2, pp. 35–37.

Vlasov I.S., Koshaeva T.O., Kolesnik A.A., Tsirin A.M. (2010) *Pravovye akty: antikorrupsionnyi analiz: nauchno-prakticheskoe posobie* [Legal Acts: Anti-Corruption Analysis: A Scientific and Practical Manual]. Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, Nauchno-issledovatel'skii tsentr FSB Rossii. Moscow: Kontrakt. 176 p.

Yuzhakova V.N. (2007) *Metodika pervichnogo analiza (ekspertizy) korruptsiogennosti normativnykh pravovykh aktov* [Methodology of Primary Analysis (Expertise) of the Corruption of Legal Acts]. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok; Statut. 96 p.

Информация об авторах

Поросенков Геннадий Андреевич, эксперт Проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Мясницкая улица, д. 20, каб. 407, Москва, 101000. E-mail: gporosenkov@hse.ru.

Резников Иван Александрович, магистр Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», директор Дирекции корпоративной работы Объединенной правовой дирекции Федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»», аккредитованный Минюстом России независимый эксперт на проведение антикоррупционной экспертизы НПА и их проектов. Адрес: Большой Трехсвятительский пер., д. 3, Москва, 109028. E-mail: i.reznikov12@gmail.com.

Зюбанов Кирилл Алексеевич, аспирант Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Большой Трехсвятительский пер., д. 3, Москва, 109028. E-mail: kayzubanov@edu.hse.ru.

Тухватуллин Тимур Анварович, кандидат юридических наук, ведущий эксперт Научно-учебного центра противодействия коррупции Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, приглашенный преподаватель Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аккредитованный Минюстом России независимый эксперт на проведение антикоррупционной экспертизы НПА и их проектов. Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, Москва, 119571. E-mail: timurthn@gmail.com.

About the authors

Gennadii A. Porosenkov, Expert, Laboratory for Anti-Corruption Policy, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20 Myasnitskaya street, office 407, Moscow, 101000. E-mail: gporosenkov@hse.ru.

Ivan A. Reznikov, Master’s Student, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics”, Director, Corporate Work Directorate, Joint Legal Directorate, Federal State Unitary Enterprise “International News Agency "Russia Today””, an independent expert accredited by the Ministry of Justice of Russia to conduct anti-corruption expertise of NPAs and their projects. Address: Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, 3, Moscow, 109028. E-mail: i.reznikov12@gmail.com.

Kirill A. Zyubanov, Postgraduate Student, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics”. Address: Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, 3, Moscow, 109028. E-mail: kayzubanov@edu.hse.ru.

Timur A. Tukhvatullin, Candidate of Sciences (Law), Leading Expert, Anti-Corruption Research and Training Center, Institute of Law and National Security of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Visiting Lecturer, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics”, an independent expert accredited by the Ministry of Justice of Russia to conduct anti-corruption expertise of NPAs and their projects. Address: 82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571. E-mail: timurthn@gmail.com.

Статья поступила в редакцию / Received: 8.10.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 26.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 5.12.2022

DOI: 10.31857/S0869049922060089
EDN: FCKVAV

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

Оригинальная статья / Original article

Индия как «государство-цивилизация»¹

© А.Г. ВОЛОДИН

Володин Андрей Геннадьевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), andreivolodine@gmail.com. ORCID: 0000-0002-0627-4307

На примере Индии рассмотрен феномен «государства-цивилизации». Выделены системообразующие качества данного явления, выявлены причины нынешнего интереса к поведению таких «государств-цивилизаций», как Индия, Иран, Китай и т. д. Сегодня политическое самоутверждение «государств-цивилизаций» выступает реакцией на кризис глобализма и тенденцию к формированию полицентрического мироустройства. Показан процесс становления Индии как современного «государства-цивилизации», определена роль доколониального, колониального и независимого периодов в эволюции индийского общества, определены причины сохранения социально-экономического и культурного дуализма индийского социума. В заключительной части представлен анализ путей развития независимой Индии, дана оценка соотношения начал представительной демократии и «парламентского авторитаризма» в функционировании «индийской политической модели». Подчеркнута и обоснована устойчивая роль национального государства как во внутреннем развитии, так и при переходе к полицентричному устройству мировой системы.

Ключевые слова: Индия, государство, цивилизация, политическая модель

Цитирование: Володин А.Г. (2022) Индия как «государство-цивилизация» // Общественные науки и современность. № 6. С. 106–124. DOI: 10.31857/S0869049922060089, EDN: FCKVAV

---

¹ Финансирование. Грант Российского научного фонда «Индия и Китай в последние полвека: сопоставление путей социально-исторической эволюции». Номер гранта: 22-28-01829. Грант осуществляется в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Funding. Grant of the Russian Science Foundation “India and China in the Last Half Century: Comparison of the Paths of Socio-Historical Evolution”. Grant number: 22-28-01829. The grant is implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

India as a Civilizational State

© A. VOLODIN

Andrey G. Volodin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), andreivolodine@gmail.com. ORCID: 0000-0002-0627-4307

Abstract. The article is focused on the “civilizational state” phenomenon, using India as a case study. The basic characteristics of the “civilizational state” are outlined, as well as the reasons behind the interest to such societies as India, China, Iran, etc. Nowadays, the political self-assertion of “civilizational states” is a natural reaction to the “conceptual” crisis of globalism and to emerging trends towards the formation of a new, polycentric world order. The arising of India as a viable “civilizational state” is scrutinized. In this pivotal process, the role of pre-colonial, colonial and independence periods in the formation of modern Indian polity is assessed. The sustainability grounds for Indian society’s socio-economic and cultural dualism are estimated. In conclusion, the operating of the “Indian political model” combining elements of representative governance and “competitive authoritarianism” is evaluated. The “axial” role of the state, both in domestic development and in transition to the polycentric world order, is noted.

Keywords: India, state, civilization, political model

Citation: Volodin A. (2022) India as a Civilizational State. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 106–124. DOI: 10.31857/S0869049922060089, EDN: FCKVAV

В последнее время в мировом академическом пространстве все чаще звучит тема «государства-цивилизации» (civilizational state). Данная проблематика не обошла стороной и российские общественные науки. «Три десятилетия кризисного существования России в конце XX – начале XXI в. в стране проводилась попытка радикальной смены экономической, политической и социальной парадигмы, а также приобщения к неолиберальному стандарту», – полагает философ В.И. Спиридонова. – «В результате сформировалась ситуация, которая неоднократно имела место в ее истории – возникла необходимость сконцентрировать все силы на восстановлении и укреплении своей цивилизационной субъектности... Как в предшествующие периоды, так и сегодня, два главных фактора – внешнее давление сильных мировых держав и внутреннее экономическое неустройство – ставят перед страной задачу цивилизационного сбережения с акцентом на сохранение ядра самобытной системы ценностей» [Спиридонова 2022, 117]. Можно сказать, что живой интерес к проблематике «государства-цивилизации» на новом уровне знаний и политической практики по-своему воспроизводит академические дискуссии второй половины 1980-х гг. Тогда в центре внимания находились такие древние цивилизации и государства, как Иран, Индия и Китай.

«Государство-цивилизация» как объект научного анализа

Категория «государство-цивилизация» циркулирует в мировом научном пространстве примерно с конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда обществоведы, пожалуй, впервые начали всерьез анализировать мотивы внутри- и внешнеполитического поведения перечисленных древних обществ. Не исключено, что к творческим поискам их побудила исламская революция в Иране 1978–1979 гг. Изначально к незападным обществам применяли дефиницию «государство-нация», которая имплицитно предполагает, что государ-

ство за пределами «североатлантической цивилизации» первично, тогда как общество в данном регионе, в отличие от Запада, вторично.

Следующим этапом познания и описания «государства-цивилизации» стали работы крупного американского ученого и обществоведа С. Хантингтона, который прогнозировал, помимо прочего, возможный раскол человечества по цивилизационно-культурным линиям размежевания [*Huntington* 1996]. Работы исследователя, в свою очередь, учитывали уже накопленный мировой научной мыслью пласт академических усилий, включая сочинения О. Шпенглера, А. Тойнби, Л.Н. Гумилева и других авторов.

Что есть «государство-цивилизация»? Под цивилизацией принято понимать устойчивое и целостное культурно-историческое образование, которое отличается общностью духовных ценностей, вековых традиций и поведенческих мотиваций, унификацией социально-политического и материально-производственного развития, особенностями образа жизни и определенным типом личности, сходными этническими признаками и четко очерченными географическими пределами обитания. Одна из центральных характеристик цивилизации – длительное совместное проживание на определенном территориальном пространстве. Соответственно, можно утверждать, что в основе феномена «государства-цивилизации» лежат несколько руководящих принципов. В качестве системообразующих следует отметить следующие:

- единство исторического и территориального пространства, которое образует своего рода географический каркас данной цивилизации;
- общность исторической памяти или, что точнее, социально-исторического опыта (как описывал данное явление советский эстонский философ Э.Н. Лооне [*Лооне* 1980]) данной области, которая объединяет и связывает в общность представителей различных национальностей, образующих суперэтнос;
- высокоразвитый литературный язык, который выступает культурно-лингвистической коммуникативной основой такого суперэтнуса, его несущей цивилизационной конструкцией. Такой язык принимают в качестве средства межнационального общения (*lingua franca*) абсолютное большинство населения, он способен адекватно отражать и выражать явления и процессы индустриальной стадии развития общества и того нового типа деятельности, которые создает научно-техническая революция.

«Государства-цивилизации» включены в развивающиеся процессы современного мира, которые отражены в следующих важных для будущей ойкумены явлениях:

- 1) продолжающийся идейно-культурный и политэкономический упадок сил глобализма и ассоциированных с данной парадигмой групп мировых элит. С. Хантингтон называл этот социально-политический слой «транснационалами» [*Huntington* 2004];
- 2) возможное появление на политической карте мира новых «государств-цивилизаций»;
- 3) активное наступление на глобализм и родственные ему идейно-политические течения со стороны национального популизма, рост которого на Западе приобрел, скорее всего, невозвратный характер.

Запад популяризирует концепцию «универсальной цивилизации», которая подчиняет законам своего развития остальную ойкумену. С. Хантингтон называл универсализм идеологией противостояния другим странам и контроля их внутренней и внешней политики. В настоящее время попытки коллективного Запада сохранить мировой либеральный порядок (который сам стал продуктом «североатлантических» культурных норм и установок) наталкиваются на сопротивление России и Китая, которые воссоздают себя как «государства-цивилизации». Так идеи С. Хантингтона обретают второе дыхание – правда, с существенной оговоркой: происходит не столкновение цивилизаций, как отмечает британский политолог К. Коукер, а столкновение «государств-цивилизаций» [*Coker* 2019].

Впрочем, в свое время С. Хантингтон обращал внимание на подвижность границы между категориями нация и цивилизация. Они обе, подчеркивал ученый, «воображаемые/идеал-типические сообщества». Нация представляет собой сообщество действующее, тогда как цивилизация – это вместилище ценностей, мировоззренческих установок и поведенческих моделей, которые приводит в действие сама жизнь [Huntington 1996]. Значение научного творчества С. Хантингтона состоит прежде всего в том, что он вовремя поставил проблему, которая стала актуальной после кризиса мирового устройства в результате слома своеобразного «стягивающего обруча» мировой политики, советско-американской bipolarности. Так, в его работах обсуждались вопросы «цивилизационных войн», «серых зон» (пространств, не входящих в основные цивилизации), «ядер» цивилизаций (экономических и культурных) и их «периферии».

Строго говоря, исследователь не выдвигал проблему «серых зон», «ядер» и «периферии» цивилизаций как самостоятельную парадигму. Тем не менее, она логически вытекала из тезиса С. Хантингтона о возможном столкновении цивилизаций. Возможно, и нынешний конфликт между просуществовавшим три десятилетия «униполярным» мироустройством и идущим ему на смену полицентричным глобальным порядком невольно заслоняет цивилизационную проблематику. Однако и при новой международной системе противоречия между цивилизациями не исчезнут, как и не прекратятся попытки элит использовать такие трения в своих эгоистических интересах. Одновременно мысль С. Хантингтона о конфликте культур и цивилизаций повторяет и обогащает известный тезис В.И. Ленина о том, что «широкие народные массы» пробуждаются к активной политической деятельности со всем грузом своих предшествовавших представлений, предрассудков и предубеждений (ученый был знаком с деятельностью В.И. Ленина по созданию современного государства в России [Huntington 1968]).

Облик мира меняется очень быстро. Россия, Китай, Индия и другие страны уже начинают рассматривать «североатлантическую цивилизацию» как одну из многочисленных цивилизаций современного мира. По сути, отрицание универсальности западной цивилизации есть не что иное, как современное воспроизведение логики работ О. Шпенглера, А. Тойнби, Л.Н. Гумилева и других классиков «цивилизационного» жанра. Сформулировать ее можно так: если Запад претворяет в жизнь свое видение мира с помощью институтов государственной власти (в том числе военной силы), почему Китай, Индия, Россия и другие «государства-цивилизации» должны при защите своих национальных интересов воздерживаться от аналогичной линии? Почему «государства-цивилизации» не могут строить свои общества согласно собственным нравственным принципам, если за их спиной находятся многомиллионные массы народа?

Сегодня «цивилизационное полотно» ойкумены выглядит следующим образом: в мире плотной, всесторонней взаимозависимости основные цивилизации имеют универсалистский характер – прежде всего для собственных граждан. Цивилизации-государства ведут борьбу за повышение своего статуса в глобальной геополитической иерархии. В то же время все они принадлежат к мировой экономической и политической системе, входят в ее общий внутренний ландшафт. Общность также проявляется в том, что практически все государства сталкиваются с серьезными социально-экономическими и демографическими вызовами. Неудивительно, что в силу логики внутренних потребностей современные цивилизации вынуждены сосредоточиться на «повестке развития», т. е. на решении проблем экономического роста, производительной занятости населения и снижении ущербных для общества социально-имущественных диспропорций.

Основным носителем и движущей силой развития современной цивилизации выступает человеческая общность, которую (видимо, не без влияния Л.Н. Гумилева) в совре-

менном мире именуют суперэтнсом (русский или российский суперэтнос, американский суперэтнос, индийский суперэтнос, китайский суперэтнос, бразильский суперэтнос и т. д.). Советский востоковед-теоретик Л.И. Рейснер считал цивилизацию еще более объемной и фундаментальной историко-философской категорией, чем общественно-экономическая формация [Рейснер 1993]. Мысль исследователя становится особо актуальной и продуктивной сегодня, когда тенденция становления «государств-цивилизаций» преодолевает препятствия, создаваемые политическими элитами, и искусственные границы, проведенные в предшествовавшие периоды мировой истории.

Суперэтнсы существуют и эволюционируют в мирополитической среде, наполненной всевозможными противоречиями. У каждого из них наличествуют проблемы роста и развития. Для русского/российского суперэтноса она заключается в определении пространственных пределов отечественной «неовизантийской» цивилизации и форсированном развитии российского интеграционного проекта, который встречал существенные препятствия как в имперский, так и в советский периоды развития страны. Суть проблемы состояла в том, что Россия («неклассическая» империя) финансировала за счет субвенций (т.е. целевых инвестиций) «окраины» (союзные республики).

Американский суперэтнос не способен четко определить качественные характеристики производительных сил общества США при сознательном регулировании миграционных потоков и качественном повышении образования (прежде всего в начальной и средней школах). Политическая задача восстановить классическое образование стоит не только перед США, но и перед другими «государствами-цивилизациями».

Стратегической задачей индийского суперэтноса остается формирование максимально благоприятных внутренних условий его эволюции, главной политэкономической предпосылкой которого считается поступательное снижение межрегиональных диспропорций и социально-имущественных диспаритетов развития общества. Правительство Н. Модии стремится достигнуть поставленных целей, повышая темпы экономического роста в депрессивных штатах. «Триязычная» формула общения в стране (хинди, английский, национальный язык штата) представляется оптимально возможной формой благоприятного развития индийского суперэтноса.

В непротиворечивой эволюции *китайского* суперэтноса особая роль отводится фактору политэкономического происхождения: энергичному выравниванию качества социально-экономического развития ушедших вперед восточных и южных провинций, с одной стороны, и остальной территории Поднебесной – с другой.

Наконец, бразильский суперэтнос, о чем давно говорят в крупнейшей стране Латинской Америки, получит новый импульс внутреннего развития в результате полноценной интеграции Амазонии и других северных территорий в общее пространство экономического роста и развития Бразилии. Следует отметить, что Бразилия встала на путь интеграции в мировую политику с заметным опозданием, во второй половине 1990-х гг. Особая роль в «глобальном выборе» страны принадлежит бывшему президенту Бразилии, выдающемуся экономисту и социологу Ф.Э. Кардозу.

С. Хантингтон, развивая мысли своих предшественников и обогащая их своими наблюдениями, подчеркивал растущее значение «цивилизационного сознания» – особенностей структур ментальности у различных цивилизаций, воздействие которых на характер мировой политики возрастает. Кризис «усеченной» (ограниченной узким кругом стран) глобализации [Nayar 2005] обострил отношения между государствами на политэкономической основе. Объективно нарастали противоречия между институциональными рамками глобализации (в которых коллективный Запад после окончания холодной войны играл главенствующую роль) и реально меняющейся политэкономической конфигурацией мирового

пространства – в пользу незападных обществ [Травкина, Васильев 2022]. Иначе говоря, происходило становление «постамериканского мира» [Zakaria 2008]. Автор данной концепции, политический аналитик Ф. Закария, по-своему развивал идеи С. Хантингтона о том, что Западу следует отказаться от «универсализма» североатлантической цивилизации, а также перестать навязывать западные представления и ценности остальному миру. Мысль о том, что Соединенным Штатам необходимо учитывать интересы других стран в своей внешней политике, отчетливо звучала в работах таких крупных обществоведов, как У. Ростоу, П. Кеннеди и др. Таким образом, не только С. Хантингтон, но и многие влиятельные интеллектуалы Запада выступали за диалог цивилизаций и новую модель международных отношений.

Понятно, что основными субъектами международных отношений мира ближайшего будущего станут «государства-цивилизации» и населяющие их суперэтноты. Каковы перспективы формирования этих субъектов мировой политики по странам и континентам?

В «колыбели» современной индустриальной цивилизации, Западной Европе, в настоящее время отсутствует господствующий численно, интеллектуально и культурно западноевропейский суперэтнос. Так, Великобритании предстоит кропотливая работа по сохранению единства и территориальной целостности островного государства, учитывая, что энергично развиваются ирландский и шотландский этносы, которые жаждут политического самовыражения. Попытка части лондонских элит отвлечь внимание от «домашних» проблем кипучей деятельностью за пределами государства-архипелага приводит лишь к новым трудностям, которые наслаиваются на неразрешенные прежние противоречия. В странах-«локомотивах» развития Евросоюза, Германии и Франции, социальная структура социума давно имеет фрагментированный характер (что регулярно фиксирует статистика национальных выборов), поэтому формирование на их территории современных суперэтноты остается делом относительно нескорой исторической перспективы. Еще сложнее складывается внутренняя ситуация в Италии, где пока не сформировались необходимые условия для реальной политэкономической интеграции Севера и Юга (который сами итальянцы порой называют «средиземноморской цивилизацией»).

Очевидно, что, несмотря на интеграционные старания Евросоюза, в Западной Европе пока не сформировался руководящий национально-цивилизационный «ствол», организующий центр культурной и политической жизни. Идея европейского единства слишком абстрактна, чтобы увлечь своим обаянием народы этого «полуконтинента». Внутренней энергии Германии и Франции определенно не хватает, чтобы вывести на траекторию самоподдерживающегося роста «серые зоны» или лиминальные пространства – прежде всего территории бывших социалистических стран. В настоящее время лидеры европейской интеграции исчерпали свой потенциал поддержки этих государств. Обостряет проблематику развития и энергетический кризис, который постепенно приобретает общеевропейские масштабы.

Становление «государств-цивилизаций» на «глобальном Юге» также имеет свои особенности. В Африке активно формируется египетский суперэтнос, который вобрал в себя наследие древнеегипетской цивилизации, исламской культуры, а также адаптированных и трансформированных французского и английского влияний. Обретает нужные кондиции и характеристики марокканский суперэтнос, а также суперэтноты других стран Магриба. Продолжают развиваться нигерийский и другие суперэтноты Тропической Африки. В Южно-Африканской Республике, члене платформы БРИКС, происходят процессы как цивилизационной консолидации, так и формирования новой мирополитической идентичности. Похожее цивилизационное развитие наблюдается и в Латинской Америке. Следует отметить, что для формирования аргентинского суперэтнота центральное, «цивилизаци-

онное» значение имеет фактор территориального воссоединения, т. е. возвращение Мальвинских (Фольклендских) островов в «родную гавань».

«Государств-цивилизации» живут напряженной внутренней жизнью. Можно предложить новое название для полицентричного мира – «межцивилизационная модель международных отношений». Подобная форма межгосударственного общения предполагает постоянный и содержательный диалог самих цивилизаций-участниц мирового исторического процесса. Иными словами, устойчивое развитие мира будущего напрямую зависит от внутренней жизнеспособности/вitalности самих мировых цивилизаций. К их числу, несомненно, принадлежит Индия – древняя цивилизация и вторая по численности населения страна мира, которая, по прогнозам демографов, может стать первой уже в 2026 г. Длительная история экономического роста, соперничество с «великим северным соседом» Китаем, выдвигание «крупнейшей демократии мира» на позицию одной из ведущих глобальных держав – эти и другие обстоятельства требуют повышенного внимания к внутренним общественным процессам в Индии, к ее динамике развития «государства-цивилизации».

Индийская цивилизация и институты гражданского общества: механизмы взаимодействия

Современную Индию нередко называют «крупнейшей демократией мира». Политическая демократия в ней функционирует в условиях бесконечного разнообразия экологических, физико-географических, экономических, этнонациональных, социокультурных и иных условий, которые задают параметры социально-политического развития. В «крупнейшей демократии мира» проблемы ускорения экономического, социального и культурного развития имеют особую сложность – равно как и разработка оптимальных методов политического управления общественными процессами. На политический процесс в Индии до сих пор значительно влияют такие факторы доиндустриального происхождения, как дуалистическая социальная структура общества: сложный симбиоз современных классовых/социально-профессиональных общностей, с одной стороны, и традиционных институциональных объединений (каста, сельская община, большая семья и т. д), с другой. На содержание индийской политики продолжает влиять и наличие конфессий (и этносов), численность которых равна либо превосходит население крупных европейских стран.

Как индийские авторы понимают категорию «государство-цивилизация»? Применительно к внешней политике дипломат К. Сибал охарактеризовал Индию как *sui generis*, или как самостоятельную сущность, уникальную в своем роде. Внешнеполитической проекцией «самостоятельной сущности» стала концепция и практика «стратегической автономии», которая обрела свои основные черты в эпоху правления И. Ганди (1966–1977, 1980–1984). В упомянутый период Индия благодаря стратегическому союзнничеству с Советским Союзом добилась статуса «почти» мировой державы. Геополитическим субъектом «стратегической автономии» выступает активно формирующийся индийский суперэтнос.

Цивилизационно-культурной и социально-политической персонификацией современной Индии стало специфическое, не-западное гражданское общество, которое начало развиваться в колониальный период. По мнению канадского историка Э.Т. Эмбри, исходный пункт траектории его развития относится к началу 80-х гг. XIX в., когда «взаимодействие политических, экономических и интеллектуальных усилий британских властей, с одной стороны, и традиционного индийского социума – с другой, сформировало новое общество, наделенное некоторыми структурными характеристиками современных ему госу-

дарств Запада и в организационном отношении становившееся качественно отличным от доколониальной Индии» [Embree 1980, 22]. Еще более определенно на сей счет высказался российский индолог А.А. Празиускас: индийское общество как категория социологии, считает он, «начало формироваться лишь после колониального завоевания, и этот процесс сопровождался как сближением различных социальных (в том числе этносоциальных) сегментов, так и обострением противоречий между ними» [Празиускас 1990, 47].

Чтобы понять общественные процессы в современной Индии, необходимо выяснить, как категории цивилизации и гражданского общества соотносятся друг с другом и взаимодействуют в повседневном политическом процессе. Под гражданским обществом в данной статье понимается (в соответствии с представлениями А. Грамши) «социальное пространство, где формулируются и артикулируются экономические и социальные интересы различных общностей, где приобретают явные очертания такие массовидные явления, как идеология и политика... мы можем определить гражданское общество как социальную инфраструктуру политики, т. е. как совокупность интересов, динамика взаимодействия которых обеспечивает воспроизводство и функционирование политических отношений» [Володин 2008, 33].

Понятно, что гражданское общество в независимой Индии формировалось не только под влиянием британского (практичного, основанного на непрямом управлении) колониализма. Однако в данный период получили стимул и определились основные тенденции и интенции развития индийской цивилизации, оказавшейся восприимчивой (более выражено, чем иранская и китайская цивилизация) к мировоззренческим установкам, которые в Западной Европе стали своеобразной питательной средой для индустриального способа производства и утверждения рационально мыслящей и действующей личности.

Так, наличие относительно развитой философской традиции и навыков абстрактно-теоретического мышления облегчило интеллектуальной элите колониального общества доступ и восприятие представлений, выработанных Античностью, Возрождением и Просвещением: политических свобод, правового государства и гражданского общества. Наконец, духовно-интеллектуальная среда индийской цивилизации не препятствовала появлению на авансцене общественной жизни незаурядных индивидуальностей – мыслителей, государственных деятелей, социальных реформаторов. Данная тенденция обрела акцентированные и массовидные формы уже в новое время. Достаточно назвать имена Р.М. Роя, Свами Вивекананды, Ауробиндо Гхоша, М.К. Ганди, Дж.Неру.

С другой стороны, религиозные системы Индии классического (доколониального) периода не содержали элементов, которые активизировали бы деятельностные начала человеческой личности: они не ориентировали индийцев на преобразование окружающей среды, на расширение их духовного и интеллектуального горизонта. В доколониальный период на Индостане не сложилась универсальная система ценностей, способная связать нерасторжимыми узами общество и государство в некое диалектически единое целое. Отсутствие подобной целостности препятствовало преодолению глубоких социально-культурных различий между регионами и группами социума, сдерживало формирование единообразной национально-этнической и государственно-политической общности. Религиозные центры («сакральные города») – Пури, Каджурахо, Танджур, Конарак, Удайпур – выступали ядрами региональной социально-культурной интеграции. Тем не менее данные традиционные центры в силу своих функций не могли (в отличие от западноевропейских городов) стать «полюсами» экономического роста и территориями, которые бы координировали, стимулировали и направляли хозяйственную, промышленную и коммерческую интеграцию всего обширного индостанского пространства. Появление городов индустриального типа логичнее связывать уже с колониальным периодом.

Формированию государственной системы универсалистского типа активно препятствовала и сословно-кастовая структура доколониального индийского общества. Она сдерживала развитие правовых отношений (превращение личности в субъект права) и конституирование социальных групп (вне традиционной иерархии) с общими экономическими интересами (гражданское общество есть прежде всего диверсифицированная и высокоразвитая система-сеть горизонтальных связей). В то же время индийская цивилизация испокон веков отличалась плюрализмом, толерантностью, интуитивным пониманием ущербности идеологических крайностей. Вытеснение буддизма индуизмом и превращение последнего в доминирующую религиозно-этическую систему значительно расширило общественную аудиторию данного идеологического учения. Индуизм сознательно делал акцент на принципах толерантности и отсутствии идеологического диктата. Однако, по справедливому замечанию историка Г.М. Бонгард-Левина, «толерантность эта была строго ограничена чисто религиозной сферой: индуизм с самого начала был охранителем сословно-кастовой неприкосновенности, активно боролся против каких-либо нарушений варновой иерархии, закреплял социальное неравенство» [Бонгард-Левин 1980, 307]. Существовало противоречие между терпимостью по отношению к представителям иных религий, с одной стороны, и безусловной поддержкой кастовой иерархии – с другой. Впоследствии оно укоренилось в индийской политике, где свобода дискуссий соседствовала с «неприкасаемостью» традиционной, по сути доиндустриальной социальной иерархии.

Некоторые новые элементы в развитие индийской цивилизации и общественных отношений привнес колониальный период (1757–1947). Постепенное включение входившей в Британскую империю Индии в систему мирового рынка требовало от колониальных властей рационализировать «освоение» обширного субконтинентального пространства, а также предполагало создание условий для адекватного восприятия Индией наиболее эффективных для того времени форм экономической и финансовой деятельности. Особое место Индии в имперской политике определялось уже тем, что среди стран Империи она находилась на первом месте по объему торговли с Англией. С 1880 г. от состояния англо-индийской торговли зависели расчеты метрополии с европейскими государствами.

Понятно, что такого рода модернизация «сверху» не была качественным изменением фундаментальных оснований индийской цивилизации. Однако появилось буржуазное государство, оснащенное институтами и функциями, необходимыми для участия в разделении труда на мировом рынке. Действуя подобным образом, колониальное государство формировало среду, которая потенциально могла усваивать принципы и модели поведения нового, индустриально-капиталистического образа жизни. С колониализмом в Индии появляется и западный прототип бюрократии как исторический вид организации власти. Ее внедрение на субконтиненте стало итогом развития британской метрополии, которая сформировала внутри индийского социума такие категории-институты зрелого капиталистического общества, как государство и политика – да и сама бюрократия. Иначе говоря, произошла своеобразная инверсия: современные институты развивались опережающе по отношению к недостаточно зрелому в экономическом, политическом и культурном планах индийскому обществу-цивилизации.

Превращение Индии в цивилизацию-государство предполагало оформление социальной общности, которая способна осознать себя как некую культурно-политическую целостность с определенным набором интересов, отличных от интересов британской метрополии. Однако, как полагали интеллектуальные лидеры, новые качественные характеристики индийское общество сможет обрести лишь тогда, когда основная часть народа ощутит себя историческим субъектом, т. е. сможет определить себя в категориях общенациональных интересов. Показательно, что творцы и исполнители имперской политики

рассматривали индийцев не столько как народ или нацию, сколько как выражение некоего географического пространства, населенного мириадами рас, племен и каст.

В колониальный период индийская цивилизация обрела дополнительные импульсы развития, поскольку нужды имперской политики стимулировали целевое распространение унифицированной европейской системы образования с ориентацией на профессиональную подготовку, рационализм, оптимизацию решений, чуткое ощущение самооценности времени. Можно утверждать, что западная система образования в стране с продолжительной интеллектуальной традицией стала одним из катализаторов и экономического роста, и развития гражданских отношений.

Параллельно государство-цивилизация в Индии обретало и свое социально-политическое пространство. Появление общественных организаций (1870–1880-е гг.) и партии Индийский национальный конгресс (ИНК) (1885 г.) заложило основу для развития современной политики в виде партий, общендийской элиты, а также ускорило развитие политической культуры и политического сознания. Впрочем, политическая интеграция диалектически сопрягалась со становлением других форм групповой солидарности: этнической, классовой, конфессиональной, локальной.

Активно влияло на общественные процессы и колониальное государство. Голландский социолог Я. Бремман подчеркивает: «...колониальное государство активно вторгалось в сферу экономических отношений». Имперские власти стремились сохранить преемственность механизмов эксплуатации. Поэтому колониальная экономическая политика в Индии была направлена на поддержание традиционных (доиндустриальных) социальных связей с единственной целью – «подчинить население требованиям нового [капиталистического] способа производства» [Rural Transformation in Asia 1991, 127].

Имперская политика имела противоречивые последствия для развития индийской цивилизации. В колониальный период сложилась дуалистическая социально-экономическая структура индийского общества. Основной содержательной характеристикой социума стала дезинтеграция социальной структуры. Одна ее часть представляла собой «полосу роста» (анклавы индустриально-капиталистического развития), которые черпали внутренний динамизм из мировой системы, тогда как другая часть, лишенная таких непосредственных связей-импульсов, выступала в роли пассивного резонатора по отношению к новым промышленным центрам и поставщика для них рабочей силы.

Фактически к введению Закона об управлении Индией во второй половине 1930-х гг. на ее территории появилось современное правовое государство со всеми подобающими атрибутами. Разумеется, трактовать колониальное государство как современный правовой институт означало бы забегать вперед, поскольку для обретения подобного качества отсутствовал ключевой функциональный признак – концепция разделения властей. Однако данное противоречие было преодолено после завоевания суверенитета в 1947 г. Созданное в колониальный период правовое государство составило институциональное пространство Индии, опосредованно став генератором современного политического процесса, с одной стороны, и приняв на себя функции преобразовательной инженерии, постепенно «подтягивая» социальную структуру к уровню современного государства, – с другой. Стоит иметь в виду, что каждый этап данного процесса был одновременно и приближением к гражданскому состоянию общества, и преодолением деформаций, доставшихся Индии от предшествовавших исторических эпох.

Дуалистическая структура общества и экономики, естественно, тормозила развитие индийской цивилизации, поддерживала ее замкнутую цикличность. Вот как советский индолог В.И. Павлов описывал некоторые траектории эволюции азиатских обществ, распространенные вплоть до XIX в.: «Переход от созерцательной к регулярной концеп-

ции времени – неперенное условие организации капиталистического производства и обращения, а в более широком смысле становления меняющегося индивида меняющегося общества. Сознание человека и общества оставалось замкнутой системой микро- и макроциклов, из которых слагался индивидуальный и социальный опыт, закрепляемый религией. Он оказывал обратное, понятное воздействие на ход исторического процесса, нередко придавая ему цикличную замкнутость. Разорвать ее было невозможно без коренного преобразования (Реформации) традиционного религиозного мировоззрения и сопутствующих ему социальных нормативов и иерархических принципов» [Жуков, Барг, Черняк, Павлов 1979, 263].

Преобразования в общественной жизни предполагали, что в индийском обществе есть сила-«гегемон», которая способна преодолеть «стационарную» динамику его развития и вывести социум на траекторию самоподдерживающегося роста. Отыскать такую силу внутри социальной структуры индийского общества изначально было сложно из-за недостаточной самоорганизации массовых слоев населения, прежде всего индийского крестьянства. Роль ускорителя социального развития легла на национальное государство. Колониальная власть эффективно включила Индию в систему мирового рынка, что способствовало развитию страны в условиях сосуществования с высокоразвитыми экономическими системами Запада и Востока [Sen 1982]. Данная особенность индийского государства обретает особую значимость сегодня, когда международная система переходит от состояния «униполю» к полицентричной организации мирового пространства.

Представительная демократия или «парламентский авторитаризм»? Пути политического развития независимой Индии

С проблемой национального государства логически связана более объемная и комплексная тема, которую в системе наук о переходных обществах именовали «стратегией развития». Она представляет собой целостность экономических, политических, идеологических и социокультурных факторов, которые одновременно воздействуют на социальную среду развивающихся стран. Цель – ускорить общественную трансформацию и создать предпосылки для адаптации слаборазвитых обществ к включению в систему многосторонних связей с промышленно развитыми государствами.

Комплексный характер стратегии развития предполагает, помимо прочего, диалектические взаимоотношения между экономическими и политическими началами данного процесса-явления. Такого рода связи постоянно сопровождали развитие Индии в период независимости. Так, американский экономист Л. Вейт полагал, что в самой стратегии развития Индии изначально было заложено противоречие между экономическими и политическими началами деятельности, которое постоянно стимулировало кризисы социально-политического развития страны в период суверенитета. Согласно Л. Вейту, стратегия экономического развития Индии неизменно строилась на директивных, мобилизационных началах (форсированная индустриализация, направляемое из Дели планирование и т. д.), тогда как в основе представительной системы правления лежали принципы компромиссного согласования разноречивых интересов. Постоянно возникавшие противоречия между экономическими императивами и политической целесообразностью он описывает следующим образом: «Применение правовых, реконсильационных принципов в экономической политике нередко препятствовало быстрым переменам и, таким образом, синхронно совмещало социальную стабильность и экономическую стагнацию». По мнению американского автора, из-за углубления противоречий между экономическими и политическими аспектами развития в середине 1970-х гг. перед правящими кругами Индии встала проблема

неизбежности выбора между консенсусно-компромиссными методами политического управления и директивными началами руководства (т.е. неизбежностью установления режима авторитарного типа), которые более соответствовали парадигме форсированной модернизации национальной экономики [Veit 1976, 20].

Стереоскопический взгляд на стратегию развития Индии в период независимости показывает, что ее власти синхронно действовали по нескольким взаимосвязанным направлениям. Во-первых, происходила интеграция неоднородной социальной и национально-этнической структуры индийского общества. Индийский национальный конгресс и оппозиционные партии на протяжении долгого времени разнились в своих оценках эффективности данной деятельности. Во-вторых, важным стимулятором общественных трансформаций выступал экономический рост, который, помимо прочего, должен был повышать уровень жизни массовых слоев населения и амортизировать возникающие социально-классовые конфликты. В-третьих, в стратегию развития Индии была заложена идея социальной справедливости: поступательного снижения имущественных диспропорций и диспаритетов в обществе, которое страдает от последствий статусной (кастово-сословной) иерархии и концентрации власти в руках ограниченного круга лиц («свокорыстных интересов»). В-четвертых, особое значение имело развитие политической демократии, которая через распространение своих принципов и практик должна была мобилизовать низшие касты на отстаивание своих интересов в отношениях с традиционными доминирующими группами, привить народу рациональные стереотипы поведения, а также развивать секулярные элементы в политической культуре населения [Kothari 1976]. Следует признать, что стратегия сознательного приобщения масс к политике (как к наиболее широкому общественному явлению) расширила социальную опору власти и повысила пластичность индийской политической системы.

Однако политической системе «государства-цивилизации» не удалось избежать противоречий, характерных для демократии представительного типа. Таковыми стали определившееся в конце 1960 – начале 1970-х гг. усиление аппарата исполнительной власти за счет представительных учреждений (дискуссии в которых часто не имели отношения к конкретным проблемам развития страны), а также новые, авторитарные акценты в деятельности руководителей политических партий. Сама логика развития последних привела к переоценке ценностей правящих групп. Выбору между программами и их исполнителями (кандидатами) пришла на смену иная альтернатива – стабильное или неустойчивое правительство. На рубеже 1970–1980-х гг. в Индии появились многочисленные публикации с критикой выбранного курса. В них отмечалось, что в стране сужается социальная основа политической системы, возрастает отчуждение между народом и центрами власти, что последняя не способна контролировать ход общей стратегии страны, а также эффективно регулировать деятельность других подсистем общества: государственного управления, науки и образования («развития человеческих ресурсов»).

Институционализация системы политического представительства не могла «реактивно» повысить уровень политического сознания и политической культуры населения в сверхкрупной стране. Недостаточное интеллектуальное развитие народа и неспособность многих индийцев соотносить свои действия и интересы – одна из важных причин слабости демократического контроля над партиями, правительством и государством, главный фактор коррупции в правящих кругах и госаппарате. Парламентская система в Индии, как писал в середине 1970-х гг. индийский автор Масани, «всегда служила заповедной зоной для незначительного меньшинства, обладавшего квалификационными и имущественными преимуществами, которые позволяли избранникам манипулировать данной системой в своих интересах. В... аграрном обществе, где над политическим поведением все еще

довлеют традиционные кастовые и экономические связи, всеобщее избирательное право никогда не гарантировало действительного политического участия... Аналогичным образом партия ИНК в годы независимости так и не трансформировалась в нечто большее, чем некий конгломерат элитных групп, соревнующихся за распределение доходных государственных должностей» [Masani 1976, 307].

Давно и справедливо подмечено: реальная угроза политической системе Индии исходила от безработных, молодежи, маргиналов из городской мелкобуржуазной среды и люмпенов в крупных и сверхкрупных городах Индии. Данный слой населения продолжает увеличиваться высокими темпами, что требует оперативных и профессионально выверенных действий федерального центра и властей в штатах. Как отмечают местные эксперты, балансировать политическую систему Индии в долгосрочной перспективе можно единственным способом: ускорить необходимые массовым слоям населения структурные преобразования, пусть и за счет ограничения интересов зажиточных кругов.

Политическая стратегия Индийского национального конгресса (ИНК) изначально была ориентирована на формирование в стране многочисленного среднего класса, чуждого крайностям как правого, так и левого толка. В настоящее время он насчитывает, по различным оценкам, около 300 млн человек. По западным оценкам, он не превышает 125 млн человек [Kochhar 2021]. Индия отличается от промышленно развитых стран тем, что помимо среднего класса в стране существует (и жаждет удовлетворения своих экономических интересов) широкая «коалиция» сил с участием интеллигенции, студенчества, различных отрядов рабочего класса, сельской бедноты и др. В последнее десятилетие ее социальный состав определенно расширился за счет разоряющейся части фермерской прослойки и ищущих работу выпускников высших учебных заведений. Пополнение среднего класса представителями «отверженных» стало важным направлением деятельности правительства премьер-министра Н. Моди. В данном случае рыночный характер преобразований не только не отменяет, но, напротив, предполагает активное использование фактора государства для повышения жизнеспособности «индийской модели развития».

Значительным вызовом Индии и ее статусу мировой державы остаются диспропорции и диспаритеты регионального развития страны. Так, «государство-цивилизация» по-прежнему существует как бы в трех измерениях. Первое измерение – хронически депрессивные штаты, в том числе и наиболее населенные: Бихар, Уттар Прадеш и Мадхья Прадеш. Во второе входят штаты, жители которых обладают средним уровнем дохода: Андхра Прадеш, Западная Бенгалия, Керала и Карнатака. Наконец, наиболее преуспевающими территориями считаются штаты Пенджаб, Махараштра, Хариана, Гуджарат и Тамилнаду. Показательно, что перепады темпов экономического роста между этими тремя группами штатов пока не имеют тенденции к сокращению, а более зажиточные штаты предсказуемо более эффективны в борьбе с бедностью [Smith 2007, 166–167]. Социальное нетерпение в индийском обществе усиливается и потому, что более 40% населения страны – это молодежь в возрасте до 20 лет [Smith 2007, 177]. Диспаритеты развития Индии отражаются и в показателях «уровня бедности». Так, согласно расчетам западных экономистов, за «чертой бедности» в стране проживают более 250 млн человек – свыше 20% населения [Bardhan 2010, 91].

Противоречия развития современной Индии в конечном счете предопределены объективным расширением социального пространства политики страны. В режиме реального времени к демократии и системе политического представительства приобщается многомиллионная масса индийцев, которые в силу исторических обстоятельств раньше были отстранены от процесса принятия решений по узловым проблемам их жизненного бытия. Расширение состава участников политического процесса ограничивает эффективность

«демократического управления», что описал индийский политический философ С. Кавирадж: «Демократическая модель управления функционировала относительно четко в начальные годы после завоевания суверенитета в 1947 г. прежде всего потому, что само общество еще не было достаточно демократизировано; затруднения с работой институтов представительства появились тогда, когда в народе начали утверждаться чувства политического равенства и социальной справедливости» (цит. по: [Bardhan 2010, 155]).

Характер политического процесса в независимой Индии определен многочисленными перегруппировками социально-классовых сил, что обусловлено вовлечением, со всеми пережитками массового сознания, новых крупных общественных групп, которые перешли из состояния «вековой» пассивности в режим сознательной активности. У такой пассивности были свои веские основания – прежде всего политэкономического свойства. «Классический» опыт исторического Запада показывает: обеспечить открытость политического процесса и политических систем на этом территориальном пространстве удалось за счет подвижности социальной структуры общества, ее способности освобождать индивида от груза представлений предшествовавших исторических эпох в ходе преодоления временной дезинтеграции хозяйственного организма и спонтанного перехода общества и экономики на новый, более высокий уровень внутреннего равновесия.

Однако в независимой Индии, как отмечал А.П. Колонтаев, «сохранение дезинтеграции... переходит в область динамики экономической системы, превращается в проблему взаимодействия основных ее звеньев... дезинтеграция не только отражает характер и особенности функционирования отдельных отраслей хозяйства, но и выражает... важные черты современной экономической структуры в целом» [Экономика Индии 1980, 18]. Выдающийся индолог Г.К. Широков предполагал, что дезинтеграция была причиной низкой общенациональной производительности труда и препятствовала экономическому росту и развитию. В условиях, когда индустриально-капиталистические уклады не обладают достаточной общенациональной преобразовательной силой, «важнейшее значение приобретало расширение экономических функций государства. Последнее путем социально-экономических преобразований, развития производительных сил и изменения условий отношений с мировым рынком должно было обеспечить интеграцию экономики на новом, более высоком уровне» [Экономика Индии 1980, 15].

Семидесятипятiletний опыт независимого развития Индии показывает: государство остается центральным элементом всей общественной системы, способным ускорять ритмы его эволюции, смягчать классовые противоречия и переводить их в безопасный режим, а также открывать каналы восходящей социальной мобильности для низких и низших каст, которые в прошлом не имели влияния на политические процессы. В связи с данной особенностью дискуссии между социально-политическими силами страны идут не вокруг темы государства или рынка, а затрагивают проблему более практического свойства – эффективного использования потенциала этого института в интересах общества в целом и массовых слоев населения в особенности.

Не стоит забывать, что политическое развитие «государства-цивилизации» протекает динамичнее, чем системы представительной демократии в Западной Европе и Северной Америке. Следствием «спрессованности» исторического времени в Индии стало развитие системы политического представительства, которую иногда называют «нелиберальной демократией» [Zakaria 2003]. Системы подобного типа советские востоковеды в 1980-е гг. характеризовали как «авторитарный парламентаризм» [Эволюция восточных обществ 1984, 296–381], что выглядит предметнее и конкретнее. Помимо Индии, «авторитарный парламентаризм» был распространен в Малайзии и Шри Ланке. Н.А. Симония полагал, что «наблюдаемый в этих странах (Индия, Малайзия, Шри Ланка) парламентаризм не

подлинно буржуазно-демократического свойства»: «каждой из этих стран удалось выработать особую форму политического компромисса между основными фракциями господствующих классов. Парламентская форма выступает здесь в качестве удобного каркаса, в рамках которого и под ширмой которого реализуется авторитарный по существу политический компромисс верхушечных слоев господствующих классов», – отмечал ученый [Эволюция восточных обществ 1984; 296, 297].

Концепцию «авторитарного парламентаризма» некоторые индологи посчитали дискуссионной. Они акцентировали внимание на многонациональном и поликонфессиональном характере индийского общества, который объективно осложнял «авторитарный компромисс» внутри господствующих классов и требовал распространить принципы сосуществования (консенсуса) на новые сферы взаимоотношений [Володин 1989, 6–7]. Впрочем, в последующий период политический процесс оказался столь сложным и противоречивым, что к дискуссии об «авторитаризме» и «демократии» в Индии пришлось вернуться в конце 2010-х – начале 2020-х гг.

В Индии всегда имели влияние политологи, выступавшие с алармистских позиций. Они опасались критического сужения социального пространства политической системы «крупнейшей демократии мира», что неизбежно привело бы к крупному общественному катаклизму с непредсказуемыми последствиями. Алармисты опасались, что политическое мышление экономически доминирующих сил и выражающих их интересы профессиональных политиков отстает от требований времени: они не способны рассматривать индийское общество стереоскопически, в диалектическом единстве проблем и противоречий и, соответственно, не осознают необходимость своевременных компромиссов с массовыми слоями населения. Подобная точка зрения неизменно оказывалась стратегически полезной, поскольку она задавала нужные параметры политике частнособственнических классов. Как представляется, основным вызовом индийской политике в начале XXI в. стал энергичный рост влияния демократических настроенных слоев населения, что выражается в социальном самоутверждении низких и низших каст – некогда приниженной и отверженной части населения страны. Соответствующие внутренние изменения происходили и в модели социально-политического развития страны.

Впрочем, один фактор развития Индии оставался неизменным – роль национального государства. Его влияние ныне возрастает вследствие необходимости регулировать процессы глобализации в интересах страны, а также поддерживать единство и территориальную целостность сложносоставного общества, как и сбалансированные отношения между центром и штатами. Особая функция индийского государства состоит в ускорении структурной перестройки народного хозяйства, которая привела к выходу страны в исторически уплотненные сроки на уровень передовых в экономическом и научно-техническом отношении стран мира. Определяющую роль государство сыграло и в перегруппировке сил в международной системе, в почти «реактивном» перемещении Индии в когорту мировых держав.

Возрастание роли государства в социально-политическом развитии Индии побудило некоторых политологов вновь обратиться к концепции авторитаризма развития – в измененном виде. Фактически речь идет о возвращении к парадигме «парламентского авторитаризма», с которой в середине 1980-х гг. выступил советский и российский политолог Н.А. Симония. Так, британский индолог Дж. Мэнор утверждает: «Индия более не является либеральной демократией... Лидеры Бхаратия Джаната Парти значительно продвинулись в построении нового порядка, качественно отличного от либеральной демократии. Этот порядок есть не что иное, как “соревновательный авторитаризм”... Новый политический порядок Моди подчиняет логике своего развития все общественные институты, аль-

тернативные центры власти и независимые голоса с целью создать автократию. Что есть «соревновательный авторитаризм»?... Это система, распорядители власти которой не отменяют формальные демократические процедуры, однако используют неформальные механизмы принуждения и контроля, сохраняя при этом формальную архитектуру демократии. В результате подобных действий возникает система-гибрид, которая сохраняет внешнее подобие демократии при незначительном содержательном наполнении последней» [Manor 2021].

Не вступая в полемику, имеет смысл высказать два принципиальных соображения относительно концепции «соревновательного авторитаризма». Первое: после президентских выборов в США 2020 г. многие индийские специалисты со здоровым скепсисом относятся как к понятию «либеральная демократия», так и к универсальному характеру данного явления. Второе: сама филиация идей, которые прошли путь от «парламентского авторитаризма» к «соревновательному авторитаризму», указывает на устойчивую повторяемость этапов политического процесса (с неизбежными особенностями последующих фаз исторической эволюции Индии). На переломных этапах индийской истории, когда перед обществом возникают качественно новые, параметрические проблемы, усиливаются институты государства и исполнительной власти (о чем убедительно пишет Дж. Мэнор). Суть дела заключается в том, что и И. Ганди, и Н. Моди – объективно сильные личности и волевые политики. Их самобытность налагает печать индивидуальности не только на деятельность политиков, но и на весь характер политического развития. Цивилизационная сущность индийского общества напрямую влияет на роль национального государства, которое сохраняет доминирующие позиции в обществе. Данная традиция берет свое начало в национально-освободительном движении. Оценивая путь, пройденный индийским «государством-цивилизацией» за три четверти века независимости, можно констатировать: центральным институтом экономической и политической модернизации индийского общества было и остается национальное государство, которое решает задачи снижения социально-имущественных диспаритетов, а также укрепления единства и территориальной целостности «крупнейшей демократии мира».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бонгард-Левин Г.М. (1980) Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 333 с.
- Володин А.Г. (1989) Индия: становление институтов буржуазной демократии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 214 с.
- Володин А.Г. (2008) Политическая экономия демократии. М.: Гуманитарий. 288 с.
- Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. (1979) Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука. 331 с.
- Лооне Э.Н. (1980) Современная философия истории. Таллинн: Ээсти Раамат. 293 с.
- Праззаускас А.А. (1990) Этнос, политика и государство в современной Индии. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 304 с.
- Рейснер Л.И. (1993) Цивилизация и способ общения. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература». 307 с.
- Спиридонова В.И. (2022) «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. № 3. С. 116–127.
- Травкина Н., Васильев В. (2022) Циклические закономерности процессов глобализации // Перспективы (Электронный журнал). № 2. С. 7–24.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного (1984) М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 581 с.

Экономика Индии: общая характеристика (1980) М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 271 с.

Bardhan P. (2010) *Awakening Giants, Feet of Clay. Assessing the Economic Rise of China and India*. Princeton-Oxford: Princeton University Press. 172 p.

Coker Ch. (2019) *The Rise of the Civilizational State: China, Russia and the Islamic Caliphate and the Challenge to the Liberal World bridge*. Cambridge: Polity Press. 230 p.

Embree A.T. (1980) *India's search for National Identity*. Delhi: Chanakya Publications. 144 p.

Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster. 367 p.

Huntington S.P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven. L.: Yale University Press. 488 p.

Huntington S.P. (2004) *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. N.Y.: Simon & Schuster. 448 p.

Kochhar R. (2021) *In the Pandemic, India's Middle Class Shrinks and Poverty Spreads While China Sees Smaller Changes*. Pew Research Center. 18.03.2021. (<https://pewresearch.org/fact-tank/2021/03/18/in-the-pandemic-indias-middle-class-shrinks-and-poverty-spreads-while-china-sees-smaller-changes/>).

Kothari R. (1976) *Democratic Polity and Social Change in India: Crisis and Opportunities*. Bombay: Allied Publishers. 124 p.

Manor J. (2021) *New, Fundamentally Different Political Order: The Emergence and Future Prospects of 'Competitive Authoritarianism' in India* // *Economic and Political Weekly*. Vol. 56. Issue 10.

Masani Z. (1976) *Indira Gandhi: A Biography*. N.Y.: Crowell. 341 p.

Nayar B.R. (2005) *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. Delhi: Oxford University Press. 301 p.

Rural Transformation in Asia (1991) Delhi: Oxford University Press. 532 p.

Sen A. (1982) *The State, Industrialization and Class Formations in India: A Neomaxist Perspective on Colonialism, Underdevelopment and Development*. L.: Routledge & Kegan Paul. 289 p.

Smith D. (2007) *The Dragon and the Elephant. China, India and the New World Order*. L.: Profile Books. 266 p.

Veit L.A. (1976) *India's Second Revolution: The Dimensions of Development*. N.Y.: McCraw-Hill. 402 p.

Zakaria F. (2003). *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y.: W.W.Norton & Company Inc. 256 p.

Zakaria F. (2008) *The Post-American World*. N.Y.-L.: W.W. Norton & Company. 304 p.

REFERENCES

Bardhan P. (2010) *Awakening Giants, Feet of Clay. Assessing the Economic Rise of China and India*. Princeton-Oxford: Princeton University Press. 172 p.

Bongard-Levin G.M. (1980) *Drevneindiyaskaya tsivilizatsiya. Filosofiya, nauka, religiya* [Ancient Indian Civilization. Philosophy, Science, Religion] Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division. 333 p.

Coker Ch. (2019) *The Rise of the Civilizational State: China, Russia and the Islamic Caliphate and the Challenge to the Liberal World Bridge*. Cambridge: Polity Press. 230 p.

Ekonomika Indii: Obschaya Kharacteristika [India's National Economy: General Analysis] (1980) Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division. 271 p.

Embree A.T. (1980) *India's Search for National Identity*. Delhi: Chanakya Publications. 144 p.

- Evolutsiya Vostochnykh Obschestv: Syntez Traditsionnogo i Sovremennogo* [Evolution of Traditional Societies: Synthesis of Tradition and Modernity] (1984) Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division. 581 p.
- Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster. 367 p.
- Huntington S.P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press. 488 p.
- Huntington S.P. (2004) *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. N.Y.: Simon & Schuster. 448 p.
- Kochhar R. (2021) *In the Pandemic, India's Middle Class Shrinks and Poverty Spreads While China Sees Smaller Changes*. Pew Research Center. 18.03.2021. (<https://pewresearch.org/fact-tank/2021/03/18/in-the-pandemic-indias-middle-class-shrinks-and-poverty-spreads-while-china-sees-smaller-changes/>).
- Kothari R. (1976) *Democratic Polity and Social Change in India: Crisis and Opportunities*. Bombay: Allied Publishers. 124 p.
- Loone E.N. (1980) *Sovremennaya Filosofiya Istorii* [Modern Philosophy of History]. Tallinn: Eesti Raamat. 295 p.
- Manor J. (2021) New, Fundamentally Different Political Order: The Emergence and Future Prospects of 'Competitive Authoritarianism' in India. *Economic and Political Weekly*. vol. 56, issue 10.
- Masani Z. (1976) *Indira Gandhi: A Biography*. N.Y.: Crowell. 341 p.
- Nayar B.R. (2005) *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. Delhi: Oxford University Press. 301 p.
- Prazauskas A.A. (1990). *Etnos, Politika i Gosudarstvo v Sovremennoi Indii* [Ethnicity, Politics and State in Modern India]. Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division. 304 p.
- Reysner L.I. (1993) *Tsivilizatsiya i Sposob Obscheniya* [Civilization and Mode of Interaction]. Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division. 307 p.
- Rural Transformation in Asia* (1991) Delhi: Oxford University Press. 532 p.
- Sen A. (1982) *The State, Industrialization and Class Formations in India: A Neomarxist Perspective on Colonialism, Underdevelopment and Development*. L.: Routledge & Kegan Paul. 289 p.
- Smith D. (2007) *The Dragon and the Elephant. China, India and the New World Order*. L.: Profile Books. 266 p.
- Spiridonova V.I. (2022) "Gosudarstvo-Tsivilizatsiya" kak novaya forma suschestvovaniya v XXI veke ["Civilizational State" as a New Formula of Existence in the XXI Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. vol. 3, pp. 116–127.
- Travkina N., Vassiliev V. (2022) Tsiklicheskiye zakonomernosti protsessov globalizatsii [Cycles of Globalization and their Regularities]. *Perspektivy*. vol. 2, pp. 7–24.
- Veit L.A. (1976) *India's Second Revolution: The Dimensions of Development*. N.Y.: McCraw-Hill. 402 p.
- Volodin A.G. (1989) *Indiya: stanovleniye institutov burzhuaznoi demokrati* [India: Development of Representative Institutions]. Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division, 214 p.
- Volodin A.G. (2008) *Politicheskaya Ekonomiya Demokratii* [Political Economy of Democracy]. Moscow: Gumanitariy. 288 p.
- Zakaria F. (2003) *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y.: W.W. Norton & Company Inc. 256 p.
- Zakaria F. (2008) *The Post-American World*. N.Y.-L.: W.W. Norton & Company. 304 p.
- Zhukov Ye.M., Barg M.A., Chernyak E.B., Pavlov V.I. (1979) *Teoreticheskiye problemy vsemirno-istoricheskogo protsessa* [Theoretical Issues of World History]. Moscow: Nauka Publishers. 331 p.

Информация об авторе

Володин Андрей Геннадьевич, доктор исторических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: andreivolodine@gmail.com

About the author

Andrey G. Volodin, Doctor of Sciences (History), Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: E-mail: andreivolodine@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 5.09.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.11.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 21.11.2022

DOI: 10.31857/S0869049922060090
EDN: FCLOKJ

Оригинальная статья / Original article

«Культура разрыва» и общество потребления в контексте ухода «Макдональдс» из России

© П.Е. РОДЬКИН

Родькин Павел Евгеньевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), prdesign@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9202-4362

Представлен анализ ухода знакового глобального бренда «Макдональдс» с российского рынка в 2022 г. в контексте дестабилизации системы поздней глобализации – разрушения казавшейся концептуально и практически незыблемой структуры и витрины глобального общества потребления. Культурная ситуация ухода западных потребительских брендов, которая выражается в реальных изменениях потребительского и культурного опыта российского общества, исследована в рамках вводимого понятия «культура разрыва» (delinking culture). Термин обозначает социокультурное состояние и культурную стратегию существования и развития в условиях новой реальности. Он восходит к концепции delinking С. Амина, но обновляет ее на новом историческом материале. Выделены насущные задачи и проблемы культуры разрыва, среди которых: ее отношение к культуре отмены, смысловому кризису креативных индустрий, проблеме потребительского изобилия и избыточности, которые необходимы для стабильного существования общества постдефицита. Критически анализируется попытка замещения «Макдональдс» российской сетью ресторанов быстрого питания «Вкусно – и точка» как первый опыт «культуры разрыва».

Ключевые слова: глобализация, делинkinг, культура разрыва, культура отмены, креативные индустрии, макдональдизация, общество потребления, общество постдефицита

Цитирование: Родькин. П.Е. (2022) «Культура разрыва» и общество потребления в контексте ухода «Макдональдс» из России // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 125–136. DOI: 10.31857/S0869049922060090, EDN:FCLOKJ

Delinking Culture and Consumer Society in the Context of McDonald's Departure from Russia

© P. RODKIN

Pavel E. Rodkin, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia),
prdesign@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9202-4362

Abstract. The departure of the McDonald's iconic global brand from the Russian market in 2022 is analyzed in the context of the destabilization of the system of late globalization, during which the seemingly conceptually and practically inviolable structure and showcase of the global consumer society collapses. The cultural situation of the departure of Western consumer brands, which is expressed in real changes in the consumer and cultural experience of Russian society, is problematized and conceptualized within the framework of the concept of "delinking culture". It is based on Samir Amin's concept of delinking, but actualized on new historical material and understood as a socio-cultural state and cultural strategy of existence and development in a new reality. The pressing tasks and problems of the delinking culture are defined, such as its attitude to the cancel culture, the semantic crisis of creative industries, the problem of consumer abundance and redundancy, which are a necessary condition for the stable existence of a post-deficit society. As the first experience of the delinking culture, the attempt to replace McDonald's with Russian fast food restaurant chain "Vkusno – i tochka" is critically analyzed.

Keywords: cancel culture, consumer society, creative industries, delinking, delinking culture, globalization, McDonaldization, post-deficit society

Citation: Rodkin P. (2022) Delinking Culture and Consumer Society in the Context of McDonald's Departure from Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 125–136. DOI: 10.31857/S0869049922060090, EDN: FCLOKJ

Уход западных брендов с российского рынка в 2022 г. без преувеличения стал историческим событием с точки зрения современного глобального общества потребления. Система, которая на протяжении долгого времени находилась в равновесии, пришла в движение впервые с 1991 г. Колебание такого масштаба вызывает исследовательский интерес: кажется, что мир поздней глобализации неожиданно стал рассыпаться на глазах. Даже если предположить, что бренды покинули Россию на время, само событие, зафиксированное в историческом моменте, необходимо описать и критически осмыслить. Наиболее символичным в данном контексте можно считать прекращение деятельности сети ресторанов «Макдональдс» – одной из икон потребления.

Часть российского общества готова принять разрыв отношений как благо, другая часть увидела в случившемся катастрофу и крушение привычного образа жизни. Тот факт, что у некоторых компаний изменилась «всего лишь» вывеска, а не содержание (продукт или услуга), принципиально ничего не меняет. Наоборот, именно «внешняя» форма создает тотальный и подавляющий воображение интерфейс реальности позднего капитализма. Ее изменение болезненно для восприятия культурного ландшафта, который и раньше зависел даже от совсем простых менеджерских решений [*Кляйн* 2003, 222].

Происходящую трансформацию необходимо зафиксировать в оптике культурного поворота, который существенно воздействует на весь экзистенциальный и социальный опыт современного человека. Культурный поворот, – не воображаемая идеологическая абстракция. Напротив, он явственно отражен в повседневности: в том, как и что мы едим, одеваемся, работаем, отдыхаем и, в конце концов, думаем и чувствуем.

Актуальное обновление культурного опыта можно конкретизировать и наполнить живым референтным содержанием через понятие «разрыва» (delinking), которое ввел в обращение С. Амин, египетский политолог и экономист, исследователь зависимого развития. Концепция Амина фокусируется на необходимости автономизации и отгораживания от глобальных институтов, которые сковывают развитие. Обратной стороной глобальной экономики и экспансии капитала стали отсталость и неравенство в странах периферии и полупериферии мировой капиталистической системы. Для развития таким странам необходимо произвести «разрыв»: отказаться подчинить стратегию национального развития императивам глобализации. Как говорит сам автор, данный концепт не синонимичен автаркии. «Разрыв не подразумевает отказа от какой-либо иностранной технологии, только потому что она иностранная, во имя какого-либо культурного национализма. Но это, безусловно, подразумевает, что человек осознает, что технология не является нейтральной ни в отношении социальных производственных отношений, ни в отношении моделей жизни и потребления», – пишет он [Amin 1987, 444].

Соответственно, состояние выхода из сложившейся системы можно представить как культуру разрыва (delinking culture), своего рода антитезу культуре отмены (cancel culture). Определив два противоположных полюса меняющейся культурной ситуации, можно критически разобрать структуру напряжения системы. Культуру разрыва можно рассматривать и как переход к новому порядку, и как самодостаточное состояние в рамках сложившейся исторической эпохи. В данном контексте представляется необходимым расширить концептуальный и понятийный аппарат, так как критические и апологетические теории общества потребления и практики социокультурного и смыслового проектирования ранее не сталкивались с теми событиями, которые сегодня переживает глобальное потребительское общество. Концепция постковидной великой перезагрузки также не включала в себя подобных прогнозов [Schwab, Malleret 2020].

Проблема любого локального капиталистического общества заключается в том, что невозможно без последствий разорвать связи с глобальным мейнстримом, который устанавливает определенный тип реальности и повседневных культурных практик. Макдональдизация и в меньшей степени старбакизация, две доминирующие потребительские модели экономики услуг (сегодня к ним можно прибавить еще и уберизацию), переносятся на все общественные отношения [Путцлер 2011]. Чтобы противостоять такому агрессивному воздействию на общество, разрыву как устойчивой политической форме должен соответствовать особый тип культуры разрыва. Именно в настоящем времени можно наблюдать ряд важных исторических прецедентов по разрыву глобальной системы.

Плоский мир и креативные индустрии

В результате ухода западных брендов из России не просто нарушается работа витрины глобалистской культуры потребления, но и меняется экзистенциальный интерфейс локального потребительского общества. Глубинная проблема культуры разрыва заключается в разрушении образа модерности, который сформировали и репрезентуют бренды. Люди начинают задавать вопрос, который их пугает: не станем ли мы теперь «несовременными»?

Диалектика общества потребления в данном контексте выражается в том, что бренды, которые сегодня антиглобалистский дискурс считает однозначным злом, первоначально выполняли прогрессивные функции по модернизации мира второй половины XX в. Тот же «Макдональдс» создал облик современного (модерного) мира после Второй мировой войны и закрепил образ реальности, который установился после холодной войны. Как замечает автор концепции «плоского мира» Т. Фридман, «одно дело – лишиться “Мак-

дональдс». И совсем другое – лишиться места в бизнес-системе XXI столетия с весьма смутной и отдаленной перспективой занять его снова» [Friedman 2005, 425]. Сегодня такие абстрактные «угрозы» стали реальностью.

Конечно, большинство компаний в том или ином виде продолжили работать в России, но разрушилась их брендинговая форма. Медийный и городской ландшафт стал стремительно меняться. Чтобы осознать эту без преувеличения «новую реальность», необходимо обратиться к рекламе, которая радикально изменилась на всех телеканалах. Внезапно и одновременно зритель перестал видеть привычное предложение западных и глобальных брендов и продуктов. Интерфейс новой реальности приобрел зримую и измеримую форму. О важности развития национальных брендов, поддержки отечественного производителя говорилось много и до 2022 г., но данная риторика никогда не имела цельной формы, которая выражалась бы в брендинге и рекламе – самом объективном барометре произошедших изменений.

Несмотря на то что с внешней стороны переход к новой реальности выглядел легко, креативные индустрии, которые ставят себе в заслугу производство смыслов, оказались в растерянности. Они проявили неспособность вырабатывать новые смыслы – и даже замечать старые. Проблема смысла в брендинге и маркетинге имеет едва ли не ключевое значение для создания и извлечения стоимости/ценности. В период холодной войны фастфуд обрел политический, идеологический и магический смыслы. В 1975 г. Э. Уорхол, американский художник и деятель «коммерческого поп-арта», в иронической форме высказал чисто идеологический тезис: «Самое прекрасное место в Токио – “Макдональдс”. Самое прекрасное место в Стокгольме – “Макдональдс”. Самое прекрасное место в Флоренции – “Макдональдс”. В Пекине и Москве пока нет ничего прекрасного»¹. Удивительно, но сам Уорхол в своем творчестве уделял внимание, возвышал и мифологизировал совсем другие бренды потребления, как будто бы игнорируя «Макдональдс». Даже в знаменитом фильме «66 сцен из жизни Америки» режиссера Й. Лета (1982) Уорхол ест гамбургер из закуской «Бургер Кинг».

Эпатажное высказывание Уорхола в сложившейся ситуации вновь обретает теоретическое значение и наполняется глубоким идеологическим смыслом. Его гротескная и ироническая форма высвечивает саму суть разрыва. Креативная индустрия воспринимает «Макдональдс» как признак цивилизации и реальную ценность. Следует предельно серьезно отнестись к такой позиции, чтобы понять, какой глубинный культурный разлом таит в себе уход с российского рынка глобальных (прежде всего западных) брендов, а также сформулировать устойчивое концептуальное основание для культуры разрыва.

Примитивные и наивные мотивации, которые из-за отсутствия опыта жизни в капиталистической действительности продвигало позднесоветское общество в конце 1980-х – начале 1990-х гг., актуальны и теперь, пусть накопленные потребительский опыт и запросы современного российского общества несопоставимы с прежними. «Макдональдс» воспевают как маркер «цивилизации» и «современности». Очевидно, что подобное восприятие сохранится в дальнейшем на ностальгических основаниях. Например, в фильме «Ника» В. Кузьминой и А. Андрющенко (2022 г.) покинутое поэтическое вдохновение возвращается Н. Турбиной в московском «Макдональдсе» после съеденного чизбургера. Жаль, что теперь сцену нельзя будет использовать в рекламе, как тот самый фрагмент из фильма Й. Лета употребили в ролике «Бургер Кинга» во время матча «Супер Боул» в США в 2019 г. Наивность возвращается, так как утраченным оказывается не физический «Макдональдс», а воображение, которое он стимулирует.

¹ Уорхол Э. (2001) *Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот)*. М.: Изд. Аронов. С. 82.

Классический товарный фетишизм переносит иррациональное и инфантильное отношение к товару на современный бренд, воспринимаемый исключительно через его внешнюю форму. В результате ухода «Макдональдса» исчезла конкретная и выразительная форма, которую на самом деле нельзя заменить никаким содержанием. Глобальный человек общества потребления не может себе представить, что она модифицируется или нарушится. Вот почему издевательская риторика о том, что это всего лишь «булка с котлетой», так неприятно режет ухо и не может быть принята в качестве обоснования разрыва. Существует только «тот самый» бренд и «тот самый» продукт, на что недвусмысленно указывает реклама российской сети «Вкусно – и точка», которая открылась вместо и на месте «Макдональдс».

С уходом формы наступает культурный шок, а затем и кризис воображения: чем ее заменить и как принять трансформацию. Рушится картина так называемого «плоского мира» – величественной метафоры Т. Фридмана. Не случайно, что для объяснения описываемых в «плоском мире» процессов он заимствует термины у известных брендов. В частности, название теории «золотых арок» отсылает к символу «Макдональдс», стилизованной букве «М».

Согласно концепции Фридмана, по мере того, как страна внедряется в систему всемирного торгового обмена и в ней появляются рестораны «Макдональдс», цена войны для всех ее участников становится чрезмерно высокой: «Возникновение и распространение в плоском мире слаженно работающих глобальных каналов поставок является еще более сильным фактором сдерживания геополитического авантюризма, нежели довольно расплывчатый фактор роста благосостояния, который привычно ассоциируется с “Макдональдс”» [Friedman 2005, 420]. Подобный оптимизм выражали и другие исследователи. Так, Ф. Фукуяма говорил о привлекательности и объединительном характере гомогенизирующей силы, построенной на принципах либеральной демократии и экономики рынков (т.н. «победа видеомэгнитофона») [Фукуяма 2004, 177]. В отличие от него, Т. Фридман конкретизирует реальные опорные структуры этой системы – модель «золотых арок» приобрела не метафорический и риторический, а геополитический смысл: сеть «Макдональдс» появилась практически везде.

В действительности бренды не препятствуют ни глобальным, ни локальным конфликтам и войнам. Они сами стали инструментом санкционного давления и стороной конфликта в геэкономическом противостоянии между мировыми державами и источниками социальной власти. Потребление оказалось неотъемлемой частью конфликтов и войн в XX и XXI вв. [Родькин 2016]. Бренды перестали быть политически нейтральными, однако до 2022 г. такой сценарий считался параноидальным и просто невозможным. Никто из рассуждавших о будущем представителей индустрий и рынка не мог даже представить и вообразить кризис системы. Впрочем, реальные прогностические способности рыночных экспертов и трендоточеров в полной мере продемонстрировала пандемия COVID-19, которая фундаментально пошатнула экономику услуг. Ироничный тезис о том, что проще представить себе нашествие инопланетян, чем конец капитализма [Fisher 2009], следует конкретизировать: невозможно представить даже его значительные колебания. Креативные индустрии оказались в культурном тупике, причем гораздо более драматичном и глубоком, чем конечные потребители. Реклама, брендинг, SMM и т. п. по-прежнему востребованы, но их содержание и смысловая матрица, оторванная от глобального контекста, демонстрирует идейную пустоту.

У креативных индустрий существуют два актуальных подхода к производству рыночной коммуникации и коммуникативного продукта: (1) технократический – качественный и работающий коммуникативный продукт будут производить при любой системе, пока

в нем сохраняется объективная потребность; (2) идеологический – коммуникативный продукт наделяют определенной ценностью, критику которой воспринимают как ересь, однако реальные нужды потребителей могут игнорировать. На практике перечисленные подходы смешиваются и накладываются друг на друга. Креативная индустрия бросила все силы на то, чтобы оставить все по-старому: сменить объект брендинга, не меняя его основных смысловых посылов. Такая технократическая стратегия опирается на концепцию импортозамещения, которая заключается в том, чтобы заместить недостающие элементы системы, не меняя ее структуру.

Культура разрыва и культура отмены: проблема «настоящего»

Антагонистом культуры разрыва выступает культура отмены. Идеологический посыл культуры отмены направлен не только против традиционного общества и традиционного государства, но и против современного общества потребления второй половины XX в. и тех свобод, которые оно подарило массам. Культура отмены направлена не только на прошлое (традиционность), но и, прежде всего, на современную повседневность. Иными словами, в соответствии с данной логикой, чтобы «отменить» Россию, следует отменять не Ф.М. Достоевского, а «Макдональдс», изъятие которого из повседневности автоматически влечет и все остальное. Если «картинка», как ее описывает Ж. Бодрийяр в логике гиперреальности и симулякра [Бодрийяр 2000, 2015, 2016], действительно приобрела такое колоссальное значение, то ее «отмена» и невозможность любых легальных интеракций с ней становится самым суровым наказанием.

Запад впервые использовал политический инструмент разрыва через структуру потребления после окончания холодной войны. 2022 год можно считать пиком развития «культуры отмены»: на всех уровнях реального и виртуального ей подверглась целая локальная потребительская культура. Санкции и беспрецедентный уход западных брендов стали главной формой данного явления. Прецедент важен еще и тем, что конфликт произошел не между альтернативными общественно-политическими системами, как в эпоху холодной войны, а внутри субъектов системы между ее центром и периферией. Культура разрыва сталкивается с культурой отмены, которая развивается уже вопреки рыночной логике и священным интересам бизнеса. Именно в эпицентре столкновения перечисленных культур по-настоящему и возникает новая реальность. Уход с российского рынка таких знаковых брендов, как «Макдональдс» или «Кока-Кола», вновь возвращает оппозицию Россия-Запад. Холодная война исторически оказалась слишком привлекательной моделью, возвращение которой так пугает креативную индустрию.

В эпоху холодной войны достаточно было обеспечивать наличие потребительских благ в конкурирующих социально-политических и экономических системах, а также поддерживать их паритет. Данный образ действий выражала стратегическая установка Н. Хрущева «догнать и перегнать Америку». Однако уже к концу холодной войны простого паритета было недостаточно, советские аналоги не работали. Значимым оказалось не наличие потребительских благ как таковых, а их «правильная» идеологическая упаковка и маркировка, которая и делает их оригинальным товаром, возбуждает фетишистскую чувственность. Соответственно, можно выделить три типа брендов: (1) оригинальные, «настоящие»; (2) заменители; (3) собственные, локальные/национальные. Две последних категории все равно обращаются к подлиннику и постоянно недоверчиво сравниваются с ним. Наконец, существуют качественно незаменимые бренды роскоши.

Товар или услугу уже нельзя легко отделить от бренда – прежде всего по идеологическим причинам – а значит, практически невозможно автоматически заменить.

В существующей парадигме локальные марки или заменители – не совсем полноценные бренды. В случае с «Вкусно – и точка» подразумевается, что он выступает «постпсевдо-макдональдсом».

Проблема заключается не только в уходе иностранных брендов, но и даже в их ребрендинге. «Настоящее» пытается остаться на рынке в виде продукта, но не может сохранить на нем свой бренд, даже умалчивая его присутствие или создавая скрытые значения: несмотря на смену вывески, это все еще «тот самый» «Макдональдс», убеждает реклама «Вкусно – и точка». Разумеется, подобную риторическую форму запрещает глобальный мир. Проблема подлинности заключается в том, что в современной России главная идеология звучит так: «у нас все как на Западе, но мы не Запад». Любые логические противоречия в данной конструкции принципиально игнорируют. Напротив, она определяет главный принцип русской жизни в XXI в.

Общество постдефицита и проблема потребительского изобилия

В качестве одной из главных характеристик общества потребления Ж. Бодрийяр выделяет видимость и нагромождение изобилия. Оно, как и расточительство, исключается из оптики и логики труда. «Благодеяния потребления не переживаются в повседневной практике как результат труда или процесс производства, они переживаются как чудо», – отмечает французский исследователь [Бодрийяр 2006, 12]. Изобилие снимает критическую позицию по отношению к потребляемым товарам, продуктам и услугам, а также социальным и экологическим последствиям потребления. Общество предъявляет властям невротическое и политическое требование сохранять эту множественность выбора, даже если в рамках модели экономики услуг она массово ухудшает положение людей и усиливает их эксплуатацию (в «К критике политической экономии знака» Бодрийяр высказывается на этот счет еще более определенно, чем в «Обществе потребления» [Бодрийяр 2003, 50]).

Изобилие связано с избыточностью, которая выступает его перцептивным оператором и устойчивой репрезентацией. Должно существовать много дублирующих и конкурирующих между собой продуктов, брендов и услуг, большинство из которых в то же время не имеет никакой ценности, а их уход с рынка потребители переживут безболезненно. Конечно, такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока видимое изобилие и избыточность не будет нарушена количественно. Так, в частности, общество потребления столкнулось с дилеммой богатства выбора в сфере интернет-торговли. Как отмечают М.К. Гили и М. Волфинбаргер, «впечатление Интернет-покупателей, что электронная коммерция предлагает более широкий выбор, основано на богатстве ассортимента во всей Глобальной Сети, а не на наборе товаров каждого отдельного сайта» [Гили, Волфинбаргер 2005, 117]. Уход западных брендов одновременно из физических торговых центров и онлайн-площадок без каких-либо видимых лазеек разрушает картину изобилия, уменьшает ассортимент и номенклатуру потребительского счастья. Сложившаяся ситуация фрустрирует квалифицированного потребителя. Сокращение номенклатуры брендов также снижает коммуникационное изобилие, особенно если учитывать, сколько медиаконтента производят бренды (реклама, акции, посты, репосты, фото и видео, лайки, комментарии и т. д.). Снижение объемов и интенсивности коммуникации необходимо восполнять точно так же, как и уменьшение количества товаров и услуг. Современное общество не менее чувствительно к колебаниям в комплексе виртуального мира, чем к изменениям в мире реальном, тем более что принципиальной установкой первого выступает возможность удовлетворять базовые физиологические, когнитивные и психологические потребности человека через их цифровую трансформацию [Родькин 2020, 132].

С сокращением изобилия и избыточности «возвращается» реальность в виде неприглядной действительности. Ведь, как подчеркивает Ж. Бодрийяр, именно избыточность порождает аннигиляцию реальности. Свою тревогу ученый особенно ярко выразил в эссе «Войны в Заливе не было» – ее «не было», потому что она транслировалась в прямом эфире по телевизору и превратилась в медиасимулякр войны [Бодрийяр 2016]. На время написания эссе (1991 г.) потребление и войну воспринимали как противоположные и расходящиеся полюса глобального мира, вся ответственность ложилась на медиа. Однако тогда мир был охвачен эйфорией победы либеральной демократии в планетарном масштабе, а все тревоги на концептуальном уровне развеял Ф. Фукуяма, который возвестил о победоносном наступлении «конца истории» в вышедшей в 1992 г. одноименной работе. Избыточность в ее исторических измерениях можно описать с помощью префикса «гипер» как: гиперреальность, гипернормализация, гиперкапитализм.

Изобилие и избыточность представляют собой не только экономически конкретное понятие, но идеологическую абстракцию. Именно в качестве абстракции они приобретают силу воздействовать на умы и настроения массового общества. Избыточность в эпоху постдефицита воспринимается как сама собой разумеющаяся норма. Особенно такой образ мышления и восприятия реальности характерен для жителей мегаполисов, в которых нет ограничений поставок топлива, электроэнергии, продовольствия, товаров и т. п. Тем не менее, чтобы стать правилом, избыточность должна быть демонстративной. Она выполняет функцию того, что Т. Веблен назвал демонстративным потреблением [Веблен 2022]. Вместе с тем в обществе потребления такое потребление должно быть массовым и более агрессивным, чем его элитарные версии. Вся система экономики услуг становится демонстративно праздной, а все ее участники вовлечены в тяжелую работу, производя и демонстрируя праздность и избыточность.

Проблема культуры разрыва заключается в том, что она не может сразу обеспечить избыточность. Общество воспринимает сокращение выбора как конец изобилия, страшное возвращение дефицита – даже если для большинства он всегда продолжал существовать в форме отсутствия доступа к жилью, здоровому питанию, образованию, медицине и досугу. Страх утраты изобилия как привычного образа жизни в современном обществе превосходит даже страх войны. Неслучайно, по данным «Национального индекса тревожностей» КРОС (24 февраля – 31 мая 2022 г.), россияне на первое место ставят страх перед ростом цен и дефицитом товаров и лекарств, который оказался гораздо выше страха эскалации конфликта с Западом с возможностью ядерного удара и культуры отмены России². Выделение фактора тревожности важно, так как он связан с воображением катастрофы. Именно потребление создает устойчивые формы жизни.

В результате изъятия потребительских брендов из повседневной жизни разрушается сложившийся глобальный язык потребления, созданный с помощью брендов. Тем не менее сам этот язык оказался содержательно крайне беден. Изучая различные эффекты макдональдизации, американский социолог Дж. Ритцер вводит оппозицию «ничто-нечто» и применяет ее к контексту «глобальное-глокальное». «Ничто» является социальной формой без отличительного содержания, примером которой выступают глобальные бренды фастфуда, «нечто» представляет собой форму с сравнительно богатым отличительным содержанием [Ритцер 2011, 414–417]. Ритцер опирается на ту же инфраструктуру позднего капитализма, что и Т. Фридман, но не как ее апологет, а как критик. Рестораны быстрого питания, как отмечает социолог, находится где-то посередине полюсов этого континуума,

² Национальный индекс тревожностей – Спецпроект 2022. (<https://www.cros.ru/ru/exploration/research/3479/>).

тяготея и сдвигаясь то к одному, то к другому его краю. Дж. Ритцер написал свою работу в ситуации, когда «Макдональдс» уже прочно утвердился в России, и проблемы глобализации и макдональдизации стали так же актуальны в ней, как и во всем мире. Уход бренда «Макдональдс» с российского рынка на практике показывает, что происходит, когда один из полюсов «ничто-нечто» континуума исключается из системы. Тогда глобальное «ничто» становится подлинным, «настоящим», а глокальное и локальное «нечто» – подделкой, которая не способная достичь уровня оригинала (здесь следует опять вспомнить высказывание Уорхола о том, что там, где нет «Макдональдс», нет ничего красивого).

Глобализация предложила свой ответ на противоречие потребительского изобилия, которое выражается в антагонизме между гомогенизацией, которую привнесли с собой глобальные бренды («ничто»), и стремлением сохранить культурное многообразие («нечто»), которое также обеспечивает изобилие и избыточность рыночного предложения. Как пишет канадский социолог и активист Наоми Кляйн: «По мере того как культура по всему миру становится все более однородной, задачей маркетинга является оттянуть тот кошмарный миг, когда фирменные товары-бренды перестанут выглядеть как стиль жизни или носители грандиозных идей, а вдруг предстанут миру как обычные повседневные вещи, каковыми на самом деле и являются. Маркетинговая «окрошка» с ее растворенной этничностью и была введена в обиход как антидот этому ужасу культурной однородности» [Кляйн 2003, 184]. Культура отмены и выполняет функцию легитимации, безболезненно изымая один из ингредиентов этой культурной «окрошки».

Заключение

Обозначенное проблемное поле не столь простое и однозначное, как может показаться, когда речь идет всего лишь о фастфуде. В его контексте можно выделить три контура разрыва, которые определяют соответствующие им культурные стратегии:

- 1) производственный разрыв: курс на технологический и культурный суверенитет, разработка и производство собственных промышленных и потребительских продуктов и услуг;
- 2) смысловой разрыв: курс на изменение потребительской формы, коммуникации и структуры чувственности;
- 3) экзистенциальный разрыв: курс на полную смену парадигмы, модели (и идеологии) потребления.

Задача культуры разрыва – связать производственный и смысловой контуры в единую систему, в которой собственное производство в массовом сознании превращается в идеологическую единицу, наполненную положительным смыслом. Экзистенциальный разрыв можно осуществить только в результате внутренней революции в обществе. Смысловой разрыв невозможен в рамках концепции импортозамещения, которое противопоставляется культуре разрыва. Между тем даже в таком фрагментарном виде разрыв воздействует на всю систему, намечая контуры позитивного выхода за ее пределы.

В текущей парадигме общества потребления замена «Макдональдс» сетью «Вкусно – и точка» стала заметным и обсуждаемым культурным явлением. Название и визуальная айдентика (фирменный стиль) последней может и вовсе показаться дерзким вызовом глобальным брендам и утверждением, что история, вопреки идеологеме «конца истории» Фукуямы, еще не закончилась. Тем не менее бренд-идентификация «Вкусно – и точка» недвусмысленно отсылает к оригинальному «Макдональдс», подразумевает потребительскую преемственность. В новой знаковой форме с помощью визуальной метафоры зафиксированы основные элементы фастфуда: картошка и бургер (вид сверху), в композиции

которых легко читается буква «М». Такой логотип нельзя считать символом новой реальности.

Культура разрыва требует переосмыслить и отказаться от традиционных практик и концепций креативной индустрии, в противном случае она быстро превращается в тотальную имитацию, еще более циничный спектакль, чем стратегии глобальных брендов. Результат замещения «Макдональдс» был предсказуем, ведь, как замечает Ритцер, «успех модели “Макдональдс” указывает на то, что многие предпочитают жить в мире без неожиданности» [Ритцер 2011, 78]. Возникновение сети «Вкусно – и точка» стало попыткой экстренно восполнить утраченный элемент глобальной культурной инфраструктуры, без которого невозможна легитимация власти. В рамках такой модели не получится произвести новый смысл. Попытки сохранить «Макдональдс» в любом виде означают наивное стремление вернуться в предсказуемый мир глобализма.

Культура разрыва требует доскональных эмпирических и антропологических исследований по мере того, как будут накапливаться соответствующие данные. Однако на начальном этапе необходимо ее концептуализировать, чтобы данный феномен невозможно было проигнорировать, а также сформировать гипотезы. У культуры разрыва нет теории – есть чистая практика, которая лишена интеллектуальных точек опоры, если не находится в концептуальном вакууме. Советская авангардная культура разрыва 1920-х гг. и даже модернистская культура 1960-х гг. неприменимы в современной ситуации, так как новая концепция основана на другой идейной и идеологической базе. Культуру разрыва необходимо создать заново, хотя само слово «разрыв» травмирует воображение креативной массы в том виде, как ее описывает и характеризует Д. Белл [Bell 1976]. Для продуктивной работы ей не хватает воображения, которое устремлено либо в прошлое, либо абсолютно бессодержательно и не креативно. Сама креативная прослойка находится в состоянии упадка творческих созидательных сил.

Экономика услуг, включая фастфуд, в глобальном масштабе превратилась в фабрику производства прекариата и распространения прекарного труда [Стендинг 2014]. Инклюзивный капитализм гораздо требовательнее к включенным в него субъектам, чем поздняя глобализация. В складывающейся системе невозможны колебания ни в императиве, ни в индикативе потребления, что приводит к кризису общества постдефицита. Данный кризис определяет актуальное содержание постпотребительского общества. Именно разрыв пространства поздней глобализации позволяет увидеть и зафиксировать пределы бренда и пределы креативных индустрий. В действительности креативная индустрия неспособна, пользуясь категориями Ритцера, перевести локальный бренд из состояния «ничто» в «нечто», не говоря уже о гораздо более конкретном и жестком идеологическом континууме «привычное–чуждое». Концептуальный кризис креативной индустрии проявился не в том, что новые локальные бренды выглядят неубедительно, а в принципиальной невозможности для них преодолеть брендинг и создать новый, не деструктивный язык коммуникации с обществом. Креативной индустрии необходимо осуществить, выражаясь языком Л. Альтюссера, «эпистемологический разрыв» – концептуальный поворот от производства услуг к производству социальных благ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр Ж. (2016) Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик. 224 с.
- Бодрийяр Ж. (2015) Симулякр и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ». 240 с.
- Бодрийяр Ж. (2006) Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика. 269 с.
- Бодрийяр Ж. (2003) К критике политической экономики знака. М.: Библион-Русская книга. 272 с.
- Бодрийяр Ж. (2000) Америка. СПб: Издательство «Владимир Даль». 206 с.
- Веблен Т. (2022) Теория праздного класса. М.: Азбука. 384 с.
- Гили М. К., Волфинбаргер М. (2005) Электронная коммерция и торговый центр // В: Массовая культура: современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры». 339 с. С. 114–133.
- Кляйн Н. (2003) No logo. Люди против брендов. М.: Хорошая книга. 624 с.
- Ритцер Дж. (2011) Макдональдизация общества 5. М.: Праксис. 592 с.
- Родькин П.Е. (2020) Дизайн будущего и будущее дизайна. М.: Совпадение. 200 с.
- Родькин П.Е. (2016) Реалити-шок. От репрезентации потребления к репрезентации войны: критический очерк. М.: Совпадение. 112 с.
- Стендинг Г. (2014) Прекариат – новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс. 328 с.
- Фукуяма Ф. (2004) Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак. 588 с.
- Amin S. (1987) A Note on the Concept of Delinking // Review (Fernand Braudel Center). No. 10(3). Pp. 435–444. (<http://www.jstor.org/stable/40241067>).
- Bell D. (1976) *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books. 301 p.
- Fisher M. (2009) *Capitalist Realism: Is There No Alternative?* London: Zero Books. 81 p.
- Friedman T. (2005) *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 488 p.
- Schwab K., Malleret T. (2020) *Covid-19: The Great Reset*. Cologny: World Economic Forum, Forum Publishing. 280 p.

REFERENCES

- Amin S. (1987) A Note on the Concept of Delinking. *Review (Fernand Braudel Center)*. no. 10, pp. 435–444. (<http://www.jstor.org/stable/40241067>).
- Baudrillard J. (2016) *Duh terrorizma. Vojny v zalive ne bylo* [The Spirit of Terrorism. There Was No War in the Gulf]. Moscow: RIPOL classic. 224 p.
- Baudrillard J. (2015) *Simulyakr i simulyacii* [Simulacra and Simulation]. Moscow: POSTUM. 240 p.
- Baudrillard J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya; Respublika. 269 p.
- Baudrillard J. (2003) *K kritike politicheskoy ekonomiki znaka* [For a Critique of the Political Economy of the Sign]. Moscow: Biblion-Russkaya kniga. 272 p.
- Baudrillard J. (2000) *Amerika* [America]. Saint-Petersburg: Izd-vo «Vladimir Dal». 206 p.
- Bell D. (1976) *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books. 301 p.
- Fukuyama F. (2004) *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST: Ermak. 588 p.
- Fisher M. (2009) *Capitalist Realism: Is There No Alternative?* London: Zero Books. 81 p.
- Friedman T. (2005) *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty First Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 488 p.

Gili M. K., Volfinbarger M. (2005) Elektronnaya kommerciya i torgovyj centr [A Comparison on Consumer Experiences with Online and Offline Shopping]. In: *Massovaya kul'tura: sovremennye zapadnye issledovaniya*. Moscow: Fond nauchnyh issledovanij «Pragmatika kul'tury». 339 p. Pp. 114–133.

Klein N. (2003) *No logo. Lyudi protiv brendov* [No Logo. Taking Aim at the Brand Bullies]. Moscow: Dobraya kniga. 624 p.

Ritzer G. (2011) *Makdonal'dizatsiya obshchestva 5* [The McDonaldization of Society 5]. Moscow: Praksis. 592 p.

Rodkin P. (2020) *Dizajn budushchego i budushchee dizajna* [The Design of the Future and the Future of Design]. Moscow: Sovpadenie. 200 p.

Rodkin P. (2016) *Realiti-shok. Ot reprezentatsii potrebleniya k reprezentatsii vojny: Kriticheskij ocherk* [Reality Shock. From the Representation of Consumption to the Representation of War: Critical Essay]. Moscow: Sovpadenie. 112 p.

Standing G. (2014) *Prekariat. Novyj opasnyj klass* [The Precariat. The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem. 328 p.

Schwab K., Malleret T. (2020) *Covid-19: The Great Reset*. Cologny: World Economic Forum, Forum Publishing. 280 p.

Veblen T. B. (2022) *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions]. Moscow: Azbuka. 384 p.

Информация об авторе

Родькин Павел Евгеньевич, кандидат искусствоведения, доцент Школы коммуникаций Факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: prdesign@yandex.ru

About the author

Pavel E. Rodkin, Candidate of Sciences (Art History), Associate Professor, School of Communications, Faculty of Creative Industries, National Research University Higher School of Economics. Address: Pokrovsky Boulevard, 11, Moscow, 109028. Email: prdesign@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 20.09.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 6.11.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 10.11. 2022